Энн Райс
ЦАРИЦА ПРОКЛЯТЫХ

Энн Райс

Царица Проклятых

Серия «Азбука-бестселлер»

Серия «Вампирские хроники», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119846
Царица Проклятых: Азбука-Аттикус; СПб; 2001
ISBN 978-5-389-20797-4

Аннотация

Царица Египта, Мать всех вампиров, пробудилась наконец от шеститысячелетнего сна. Ее мечта – спасти человечество и царствовать вместе с вампиром Лестатом в новом, построенном по вампирским законам мире. Но разве первородное зло способно создать красоту и гармонию?

Могущественные Дети Тысячелетий должны решить сложнейшую из проблем: найти способ противостоять Царице Проклятых, отомстить ей за те страдания, которые она причинила многим, – противостоять и при этом выжить, потому что ее уничтожение грозит гибелью всему вампирскому роду.

Первый роман писательницы, «Интервью с вампиром», открывший цикл «Вампирские хроники», стал настоящим событием в мире литературы. Своим появлением в 1973 году он предвосхитил знаменитые «Сумерки» Стефани Майер,

а фильм 1994 года с Томом Крузом, Брэдом Питтом и Антонио Бандерасом в главных ролях принес книге еще большую популярность. Общий ее тираж превысил рекордные 15 миллионов экземпляров, это едва ли не самая продаваемая из книг современных авторов в истории книжной торговли.

Содержание

Пролог 22
Часть 1 66
1 66
2 79
3 112
4 137
Конец ознакомительного фрагмента. 213

Энн Райс
Царица Проклятых

© И. И. Шефановская, перевод (вступление, пролог, части 1–2), 2002
© Е. Ю. Ильина, перевод (части 3–5), 2002
© Б. М. Жужунава, перевод стихов, 2002
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

С любовью посвящаю эту книгу Стэну Райсу, Кристоферу Райсу и Джону Престону, а также памяти моих любимых издателей Джона Доддса и Уильяма Уайтхеда

Грустный кролик

Грустный, потерянный кролик – картинка на белой стене.
Как кукурузы початки, зеленые ушки торчат.
Черный лобик нахмурен и к звездам далеким воздет.
Ах, до чего он хорош! Его толстые щеки дрожат,

носик трясется от страха; ведь кто испугался однажды,
будет все время бояться, пусть сам и не зная чего.
Он такой одинокий, мой кролик на белой стене —
любой из собратьев на воле во сто крат счастливей его.

Может, захочешь и ты грустным кроликом стать.
Будешь сидеть потихоньку – зеленая с красным спина,
грудь голубая, в ней смелое сердце неслышно стучит.
Что ж, твоя воля. Но если эта судьба тебе суждена,

то от Истинной Плоти лучше подальше держись.
Она выбьет тебя из седла одинокой печали
и разрушит трагических красок цветной фейерверк —
словно солнечный свет, заставляющий призраки таять.

Исцелит твои раны и боль унесет, как ручей,
что уносит песок, оставаясь и светлым, и чистым.
Грустный, задумчивый кролик на белой стене
обаятельней диких собратьев своих. И пушистые

ушки его защищают не хуже рогов. Только помни —
он всегда расставляет ловушку, и пестрые краски
постепенно становятся так же остры, как клинки,
и безжалостно режут ткань Жизни Живой на куски.

Стэн Райс

* * *

Я – вампир Лестат. Помните меня? Тот самый вампир, который стал суперзвездой рока и написал автобиографию. Тот самый светловолосый и сероглазый вампир Лестат, обладавший неутолимой жаждой известности и славы. Если помните, я хотел стать символом зла в сияющем и прекрасном веке, где совершенно не было места злу в том его буквальном и чистом виде, воплощением которого я являюсь. Мне даже казалось, что, выступая на театральной сцене в образе дьявола, тем самым я действую во благо.

Когда мы беседовали с вами в последний раз, передо мной открывались прекрасные перспективы. Только что состоялся мой дебют в Сан-Франциско – первый «живой концерт» вместе с моей группой, в которую входили только смертные. Наш аудиоальбом пользовался бешеным успехом. Написанная мною автобиография вызывала жгучий интерес как у смертных, так и у бессмертных.

Но потом произошло нечто совершенно неожиданное. Во всяком случае, я не мог предвидеть ничего подобного. И в тот момент, когда мы с вами расстались, я, образно выражаясь, висел над пропастью.

Что ж, теперь уже все позади. Я, как видите, остался в живых. В противном случае я сейчас не разговаривал бы с вами. Космическая пыль давно осела, маленькую прореху на

теле мирового разума и рациональных представлений залатали или по крайней мере прикрыли.

Все, что произошло, сделало меня еще более совестливым и стыдливым и еще больше усилило мою грусть. Однако, несмотря на то что человеческая моя сущность как никогда готова проявиться в любой момент, силы мои и власть неизмеримо возросли. Я превратился в страдающее и изголодавшееся существо, которое одновременно и любит и испытывает непреодолимое отвращение к своей непобедимой бессмертной оболочке.

Жажда крови? Она оставалась неутолимой, хотя физически никогда еще я не нуждался в ней так мало. Вполне вероятно, что сейчас я вообще смог бы обходиться без нее. Но страстное желание, которое я испытываю при виде всех, кто ходит по земле, свидетельствует о том, что я едва ли решусь когда-нибудь это проверить.

По правде говоря, для меня никогда не существовала только лишь физическая потребность в крови, хотя, конечно, кровь и сама по себе способна удовлетворить все самые чувственные желания, какие только может испытывать любое существо. Все дело в таинстве самого момента – момента убийства и ощущения на губах вкуса крови, – в интимном биении двух сердец, когда ты чувствуешь, как слабеет твоя жертва и как одновременно сам ты словно вырастаешь и вбираешь в себя вспыхивающую в последний момент ярким и огромным, как сама жизнь, пламенем смерть.

Хотя, конечно, подобное утверждение обманчиво. Никакая смерть не может быть столь же огромной, как жизнь. Вот почему, наверное, я продолжаю отнимать жизни. И от спасения души я сейчас далек как никогда. Сознание этого обстоятельства делает мое положение еще более ужасным.

Я, безусловно, все еще могу сойти за простого смертного. Как, впрочем, в той или иной мере может походить на обычного человека и любой из нас независимо от своего возраста. Поднятый воротник, низко надвинутая на глаза шляпа, темные очки и засунутые глубоко в карманы руки, как правило, прекрасно помогают выполнить эту задачу. Для подобной маскировки мне нравится использовать также элегантные куртки из тонкой кожи и туго обтягивающие джинсы в сочетании с удобными и простыми черными ботинками, пригодными для прогулок по любой местности. Время от времени, однако, я люблю носить и красивую одежду из шелковых тканей, которая так модна и популярна в теплом климате тех мест, где я сейчас обитаю.

Если же кто-либо присматривается к нам чересчур уж пристально, всегда можно прибегнуть к своего рода телепатическому внушению: «Все, что вы видите сейчас перед собой, совершенно естественно и нормально». Мысленное обращение при этом сопровождается старым и проверенным средством – ослепительной улыбкой, тщательно и с легкостью скрывающей, однако, острые и длинные клыки. И все – смертный спокойно идет своей дорогой.

Иногда я отказываюсь от всякой маскировки и выхожу в своем настоящем обличье. Длинные волосы, бархатный блейзер, напоминающий мне о добрых старых временах, на правой руке один-два перстня с изумрудами… Я быстро иду сквозь толпы людей, заполняющих улицы в деловой части этого прекрасного и полного разврата южного города, или неспешно прогуливаюсь по пляжам и набережным, полной грудью вдыхая теплый морской воздух и любуясь серебристо-белым, как лунный свет, песком.

Никто не задерживает на мне взгляд более чем на секунду или от силы две, ибо вокруг так много других не менее привлекательных и необъяснимых вещей и явлений – ужасных, угрожающих и таинственных, которые привлекают и завораживают вас. Уж лучше вернуться к понятному, предсказуемому и банальному. Всем известно, что прекрасный принц не появится никогда, а Спящая красавица, возможно, давно уже мертва.

То же самое можно сказать и о всех тех, кто, как и я, сумел выжить и теперь обитает вместе со мной в этом жарком и зеленом райском уголке вселенной на юго-восточной оконечности Североамериканского континента – в блестящем и сверкающем огромном мегаполисе Майами, самом подходящем месте для охоты жаждущих крови бессмертных существ. Если, конечно, такое место вообще может существовать.

То, что они рядом со мной, поистине чудесно и действи-

тельно очень важно для меня. Именно этого, как мне казалось, я всегда желал и добивался – великого сообщества мудрых, наиболее выносливых и терпеливых древних и беспечных юных существ.

Никогда, однако, я так мучительно не переживал собственную безвестность в мире смертных, для столь алчного и завистливого существа, как я, она была поистине невыносимой. Меня не могли утешить и успокоить мягкие увещевания и шепот пытавшихся отвлечь меня от этих мыслей сверхъестественных голосов. Слишком уж соблазнительным и привлекательным был вкус признания со стороны смертных – яркие обложки аудиоальбомов в витринах магазинов, беснующиеся и бешено аплодирующие толпы фанатов перед сценой. И не важно, что они не верили в то, что я и в самом деле вампир, – в эти мгновения мы были все вместе. Они выкрикивали мое имя!

Однако аудиоальбомов больше нет, и я никогда больше не услышу те песни. Остается моя книга, которая, как и «Интервью с вампиром», воспринимается лишь как художественный вымысел. Впрочем, так, наверное, и должно было быть. Как вы узнаете далее, я и так создал множество проблем и принес всем серьезные неприятности.

Своими невинными играми я вызвал поистине катастрофическое бедствие. Вампир, который своими откровениями хотел добиться того, чтобы его считали одновременно и героем и мучеником…

Вполне естественно предположить, что я сделал для себя определенные выводы. Уверяю вас, это действительно так.

Поверьте, поистине мучительно вновь оказаться в тени. Подумать только: Лестат опять превратился в холеного, но никому не известного бандита-вампира, нападающего на смертных, которые и понятия не имеют о существовании его и ему подобных. Так больно вновь очутиться за бортом жизни, навечно быть обреченным скитаться по окраинам и не переставая бороться с добром и злом в вековом аду, царящем в собственных душе и теле.

В полном одиночестве я предаюсь мечтам и жажду отыскать в какой-нибудь освещенной лунным светом комнате юное и нежное существо – тинейджера, как они себя теперь называют, – читающее мою книгу и слушающее записи моих песен, одну из тех наивных идеалисток, которые во времена моей злополучной и недолгой славы писали мне восторженные письма на надушенной бумаге, рассуждали о поэзии и о власти иллюзий, о том, как бы им хотелось, чтобы я оказался рядом с ними во плоти и крови. Я мечтаю тайком пробраться в ее полутемную комнату и, быть может, увидеть на столике рядом с кроватью свою книгу с трогательной бархатной ленточкой вместо закладки, мечтаю дотронуться до ее плеча и улыбнуться, встретившись с ней взглядом, а в ответ услышать: «Лестат, я всегда знала, что ты существуешь на самом деле, и была уверена, что когда-нибудь ты обязательно ко мне придешь».

И тогда я возьму в ладони ее лицо и наклонюсь, чтобы поцеловать ее. «Да, радость моя, – скажу я ей, – я пришел. И ты даже не представляешь, как ты мне нужна, как я люблю тебя, как я всегда тебя любил».

Вполне возможно, что те испытания, которые выпали на мою долю, сделают меня в ее глазах еще более привлекательным, а невероятные ужасы, которые мне пришлось увидеть своими глазами, и невыносимая боль, которую мне пришлось перенести, придадут мне особенное очарование. Поистине страшная правда состоит в том, что страдания делают наши души богаче, заставляют нас острее ощущать краски жизни и с особенной чуткостью реагировать на слова. Однако это происходит лишь в том случае, когда эти страдания и лишения не уничтожают нас окончательно, когда они не разрушают наши души, не лишают нас способности видеть и воспринимать окружающий мир, способности мечтать и с уважением и благоговением относиться к самым простым и в то же время необходимым проявлениям реальной жизни.

Прошу вас отнестись ко мне снисходительно и простить меня, если в моих словах вам послышится чрезмерная горечь.

Ибо я не имею на это никакого права. Я сам заварил всю эту кашу и тем не менее сумел выйти из нее, как говорится, целым и невредимым. Чего никак нельзя сказать о множестве мне подобных. К тому же пострадали и многие смертные. Это непростительно. И я знаю, что мне предстоит вечно

расплачиваться за содеянное.

Все дело, однако, в том, что я так до сих пор и не понял до конца: что же все-таки произошло? Мне трудно определить даже для себя, было ли все случившееся настоящей трагедией или не более чем бессмысленной и весьма опасной при этом авантюрой. Не знаю я и того, могло ли из моих ошибок и заблуждений родиться нечто действительно стоящее и восхитительное, нечто такое, что способно было вырвать меня из плена кошмара и сознания собственной неуместности в мире и в конце концов бросить в очистительное пламя искупления собственных грехов.

Скорее всего, я этого так никогда и не узнаю. Суть в том, что все давно позади. А наш мир, наш маленький тайный мир стал как никогда ограниченным и темным. Ему уже не стать прежним.

Кому-то может показаться удивительным, что я не смог предвидеть столь сокрушительный катаклизм. Однако в том-то и дело, что я не задумываюсь о последствиях собственных начинаний и поступков. Больше всего меня привлекает риск, меня завораживают открывающиеся передо мной неизведанные возможности и неопределенные перспективы. Именно это помогает мне выжить в вечности даже тогда, когда все остальное теряет смысл.

В конце концов, именно таким я был и при жизни, то есть двести лет тому назад, – беспокойным, непоседливым и нетерпеливым, всегда жаждущим любви и готовым вля-

заться в любую драку. Когда в 1780-х годах я отправился в Париж, чтобы стать актером, все, о чем я мечтал, – это момент начала представления – тот момент, когда каждый вечер взлетает вверх занавес.

Наверное, древние все же правы. Я говорю сейчас о истинно бессмертных – о тех, кто сумел выжить и вот уже в течение тысячелетия и более пьет кровь. Они утверждают, что никто из нас с годами в сущности своей не меняется, со временем мы лишь в большей степени становимся теми, кто мы есть.

Иными словами, когда вы живете сотни и сотни лет, вы становитесь мудрее и одновременно у вас появляется значительно больше времени, чтобы проявить в полной мере те отрицательные стороны своей натуры, которые, по словам ваших недругов, у вас имеются.

Вот и я остаюсь все тем же, кем был всегда, – юношей, стремящимся занять на сцене такое место, где меня будет лучше всего видно зрителям, и жаждущим их любви. Одно с другим теснейшим образом связано. Я страстно хочу развлекать и завораживать вас, хочу, чтобы вы мне прощали абсолютно все… Боюсь, случайных и редких моментов тайного общения и признания мне недостаточно.

Однако я забегаю вперед.

Если вы читали мою автобиографию, вам, конечно, не терпится узнать, о чем именно я говорю, о каком бедствии идет речь.

Что ж, давайте вкратце осветим события. Как я уже сказал, я написал книгу и выпустил аудиоальбом только затем, чтобы заявить о себе. Чтобы, пусть не впрямую, рассказать всем о том, кто я есть на самом деле.

Что же касается риска, связанного с вероятностью того, что смертные и вправду поймут, догадаются, что я рассказал о себе истинную правду… Должен признаться, такая возможность весьма привлекала и возбуждала меня. В определенной степени можно сказать, что моим заветным желанием было предоставить смертным возможность выследить и уничтожить нас. Мы не заслуживаем права существовать в этом мире. Они должны всех нас убить. Представляете, какая грандиозная могла бы начаться битва! Как это здорово – сражаться с теми, кому известна моя истинная сущность!

Я, однако, никогда не верил в возможность подобной конфронтации. Для такого демона, как я, обличье рок-музыканта служило в высшей степени великолепной маскировкой.

На меня ополчились как раз именно мне подобные, они решили примерно наказать меня за все, что я сделал. Другого я от них, конечно, и не ожидал.

В конце концов, в своей автобиографии я рассказал нашу историю и открыл те сокровенные тайны, которые поклялся когда-то свято хранить. Я посмел появиться в свете огней рампы и перед объективами телекамер. А что, если я вдруг оказался бы в руках какого-нибудь ученого мужа или, что еще более вероятно, за пять минут до рассвета

меня за мелкое нарушение правил дорожного движения арестовал бы ревностно исполняющий свои обязанности полицейский? Тогда меня заключили бы в тюрьму и в часы моего глубокого дневного сна тщательно обследовали, досконально изучили и определили мою принадлежность, удовлетворив таким образом свое любопытство и навсегда рассеяв сомнения самых непримиримых скептиков всего мира.

К счастью, подобная вероятность была весьма маленькой. И таковой остается до сих пор. Хотя… Вот было бы весело, если бы такое могло случиться!

И тем не менее ярость, охватившая мне подобных, вполне объяснима. За то, что я подверг такому риску весь род вампиров, они готовы были сжечь меня заживо или разорвать на мелкие кусочки мое бессмертное тело. Большинство относительно молодых вампиров были слишком тупы, чтобы осознать степень нашей безопасности.

По мере того как приближался вечер нашего первого концерта, я все в большей и большей мере испытывал желание вступить и в эту битву. Ах, какое это было бы удовольствие – уничтожать тех, кто, как и я, представлял собой воплощение зла, снова и снова разрушать отражение моего собственного образа.

Должен признаться, что мне доставляло огромное удовольствие просто находиться на сцене, на глазах у множества людей, играть для них, петь и творить настоящие чудеса. Ради этого в первую очередь я и сделал то, что сделал.

Мне очень хотелось оставаться живым, быть, в конце концов, просто человеком. Тот смертный юный актер, который двести лет назад отправился в Париж и встретился на одном из бульваров со смертью, должен был наконец дождаться своего звездного часа.

Вернусь, однако, к своему рассказу. Концерт прошел с большим успехом. Я добился признания и восторженного почитания полутора тысяч смертных фанатов, вопящих и беснующихся перед сценой. А главное, рядом со мной вновь были два самых дорогих для меня существа, мои создания – Габриэль и Луи, с которыми я был разлучен в течение множества долгих и мрачных лет.

Прежде чем ночь подошла к концу, мы расправились с отвратительными вампирами, жаждавшими наказать меня за мои деяния. В нашей короткой битве у нас неожиданно оказался невидимый и неизвестный нам союзник, который превращал наших врагов в столбы пламени, прежде чем они успевали причинить нам хоть малейший вред.

К утру я был чересчур возбужден и пребывал в состоянии такой радости и восторга, что едва ли мог реально осознавать степень грозящей мне опасности. Вновь держать в своих объятиях Габриэль было для меня таким блаженством, что я не в силах был обращать внимание на ее тревогу и прислушиваться к ее предостережениям. Что же касается мрачных подозрений и предположений Луи, то я, как и всегда, их просто игнорировал.

А потом случилось нечто такое, что заставило меня буквально повиснуть над краем пропасти…

В то время как солнце поднималось над Кармел-вэлли и глаза мои, как и у всех вампиров в такие минуты, слипались, я вдруг понял, что в своем подземном убежище я не один. Оказывается, мою музыку услышали не только молодые вампиры – своими песнями я пробудил от долгого сна и самых древних на земле представителей нашего рода.

И вновь я оказался в ситуации, полной риска и неизвестности. Что должно было за этим последовать? Что ждало меня впереди? Суждено ли мне было в конце концов умереть или возродиться вновь?

Для того чтобы поведать вам обо всех остальных событиях, я должен немного вернуться назад.

Необходимо рассказать о том, что происходило примерно дней за десять до рокового концерта, и позволить вам проникнуть в сердца и разум других существ – тех, в чьих душах мои песни и моя книга нашли такой отклик, о котором я в то время почти или совсем ничего не знал.

Иными словами, происходило множество событий, восстановить ход которых мне удалось лишь много позднее. И именно об этом я и собираюсь вам сейчас рассказать.

Итак, мы на время покинем замкнутое, наполненное лирикой пространство моего собственного «я» и перейдем от рассказа от первого лица к исследованию разумов и душ

«множества героев», уподобившись тысячам смертных писателей, поступавших таким образом до меня. Мы перескочим в мир повествования «от третьего лица» и «множества точек зрения».

Кстати, если персонажи моей книги станут вдруг утверждать, что я красив, неотразим, что передо мной трудно устоять и что-либо еще в этом же духе, не подумайте, пожалуйста, что эти слова в их уста вложены мною. Я этого не делал. Все это было либо рассказано мне впоследствии, либо извлечено мною из их разумов с помощью моих непревзойденных телепатических способностей. Поверьте, я не стал бы вас обманывать ни в этом, ни в чем-либо еще. Не в моей власти перестать быть великолепным и обаятельным демоном. Такова уж моя судьба. Коротко говоря, тот злодей, который сделал меня когда-то тем, кто я есть, остановил на мне свой выбор именно из-за моей привлекательной внешности. Такого рода случайности далеко не редки.

Мы вообще живем в мире случайностей, в котором вечны только эстетические принципы и только в них мы можем быть в достаточной мере уверены. В своем стремлении создать и обрести эстетический баланс мы обречены вечно бороться и с добром и со злом. Никому, однако, не приходит в голову сомневаться в удивительной красоте сверкающих в свете уличных фонарей дождевых струй или вспышек артиллерийских разрывов на фоне темного ночного неба.

Хочу вас заверить в том, что, хотя я и покидаю вас на вре-

мя, в нужный момент я непременно вернусь во всей своей красоте и блеске. Должен признаться, что я с огромным удовольствием оставался бы единственным повествователем и совсем не желаю лишаться своего привилегированного положения. Перефразируя слова Дэвида Копперфилда, я могу сказать, что и сам не знаю, кем являюсь в своем повествовании – героем или жертвой. Но в любом случае разве не заслужил я право оставаться в нем главным? В конце концов, ведь именно я рассказываю эту историю.

Увы, исполнение мною роли своего рода Джеймса Бонда в мире вампиров не является единственной темой повествования. Тщеславным помыслам придется подождать своего часа. Я хочу, чтобы вы знали, что же происходило с нами на самом деле, даже если вы не поверите ни единому моему слову. Пусть хотя бы в романе, раз уж нет иной возможности, я обрету значение в ваших глазах и таким образом в некотором роде связь с вами. Иначе я непременно сойду с ума.

А пока, до того момента, когда мы встретимся с вами вновь, я все время буду думать о вас. Я люблю вас. Я хочу, чтобы вы были рядом со мной… в моих объятиях…

Пролог

Декларация в стиле граффити – *написана черным фломастером на красной стене в задней комнате бара под названием «Дочь Дракулы» в Сан-Франциско*

Детям Тьмы предлагается учесть следующее.

Книга первая, «Интервью с вампиром», опубликованная в 1976 году, представляет собой вполне правдивую историю. Нечто подобное мог написать любой из нас, во всяком случае о том, что касается превращения в тех, кем мы стали, наших мук и страданий и наших исканий. Однако Луи, который бессмертен вот уже две сотни лет, претендует на завоевание любви и сочувствия смертных. Лестат, этот злодей, передавший Луи Темный Дар, практически ничего ему не объяснил и не рассказал ничего такого, что могло бы хоть как-то его утешить. Картина, видимо, всем знакомая. И тем не менее Луи продолжал искать пути к спасению, хотя даже Арман, старейший из всех бессмертных, кого ему удалось найти, не смог раскрыть ему ни причины нашего существования и нахождения здесь, ни того, от кого мы вообще произошли. Думается, что никого из юных вампиров это тоже не

удивит. В конце концов, вампиры никогда не имели ничего похожего на Балтиморский катехизис.

Во всяком случае, до того момента, когда буквально на этой неделе была опубликована книга вторая – «Вампир Лестат». У этой книги есть и подзаголовок: «…его юность, воспитание и приключения». Вам трудно в это поверить? Что ж, можете пойти в любой книжный магазин смертных и удостовериться. А после этого загляните в магазин, торгующий пластинками, и попросите показать вам только что вышедший аудиоальбом, тоже называющийся «Вампир Лестат». Удивительное проявление скромности, не так ли? Если вы не имеете возможности сделать ни то ни другое, вам остается включить канал кабельного телевидения – если, конечно, вы не относитесь с глубочайшим презрением к такого рода вещам – и дождаться начала одного из множества созданных Лестатом видеофильмов, которые со вчерашнего дня с тошнотворной частотой появляются в эфире. И тогда вы немедленно поймете, что представляет собой Лестат на самом деле. В этом случае вас ничуть не удивят его планы, то, что он собирается в довершение всех беспрецедентных безобразий, уже им совершенных, появиться на сцене собственной персоной и выступить «вживую» в этом самом городе. Как вы уже, наверное, догадались, концерт должен состояться в канун Дня всех святых, в Хеллоуин.

Но давайте на минуту забудем о его наглых и безумных

глазах, смотрящих на нас сверхъестественно горящим взглядом с витрин всех музыкальных магазинов, о его мощном голосе, делающем достоянием гласности имена и истории жизни самых древних из нас. Почему он так поступает? О чем рассказывают его песни? Обо всем этом написал он в своей книге. Он подарил нам не просто катехизис, но Библию.

Мы попадаем в далекие библейские времена, чтобы встретиться с нашими прародителями – Энкилом и Акашей, которые правили в долине Нила задолго до того, как эта область стала называться Египтом. Не стоит, пожалуй, относиться всерьез к истории о том, как они стали первыми вампирами на этом свете, – во всем этом смысла едва ли чуть больше, чем в истории о возникновении жизни на земле или о том, как из микроскопических клеток в матке своей смертной матери развивается человеческий зародыш. Суть в том, что все мы произошли от этих двух древнейших и уважаемых существ, и, нравится нам это или нет, имеются весьма веские основания для твердой уверенности в том, что первоначальный источник неотъемлемо присущих нам великолепных возможностей и способностей находится внутри тела одного из древнейших существ. Что же это значит? Грубо говоря, если Энкил и Акаша когда-либо взойдут на погребальный костер, все мы немедленно сгорим вместе с ними. Если они превратятся в сияющий прах, всем нам придет конец – мы просто исчезнем с лица земли.

И все же у нас остается еще надежда. Эти двое вот уже

полторы тысячи лет не двигаются с места! Да-да, именно так. Правда, Лестат утверждает, что своей игрой на скрипке у подножия их святилища ему удалось однажды разбудить их обоих. Однако если мы не станем верить его малоправдоподобному рассказу о том, что Акаша держала его в своих объятиях и поделилась с ним своей первородной кровью, ситуация будет, пожалуй, более реальной. К тому же имеются свидетельства древнейших из нас, которые утверждают, что со времен падения Римской империи эти двое ни разу и глазом не моргнули. Все это время Мариус – древний вампир родом из Рима – содержал и ревностно охранял их в прекрасно обустроенном тайном склепе. А уж ему-то лучше, чем кому бы то ни было, известно, что для всех нас лучше. Именно он приказал вампиру Лестату хранить тайну и ни под каким предлогом и никогда ее не раскрывать.

Вампир Лестат оказался, однако, ненадежным хранителем секретов и не оправдал доверия. Интересно, каковы были его мотивы, с чего это он вдруг решил написать книгу, выпустить альбом и фильмы, а потом еще и организовать концерт? Понять, что творится в голове этого демона, совершенно невозможно. Ясно только, что он всегда делает то, что ему хочется, и не задумывается о последствиях. В конце концов, разве не он превратил в вампира ребенка? Разве не он сделал вампира из собственной матери? Любящая его Габриэль многие годы оставалась его преданной спутницей. Ради собственного удовольствия он способен положить глаз

даже на папский престол!

Итак, суть дела в том, что странствующий философ Луи, которого никому из нас никак не удается найти, открыл бесчисленному множеству чужаков наши самые сокровенные секреты. А Лестат осмелился поведать нашу историю всему миру, а теперь на глазах у смертных бесстыдно демонстрирует на сцене свои сверхъестественные способности.

А теперь позвольте задать вам вопрос: почему эти двое все еще существуют? Почему мы до сих пор не уничтожили их? Нельзя, конечно, сказать, что опасность, грозящая нам со стороны полчищ смертных, достаточно серьезна. Пока еще у стен нашего замка не беснуются толпы крестьян с факелами в руках, грозя сжечь всех нас. Но это чудовище может изменить психологию людей и навлечь на нас множество неприятностей в будущем. И хотя мы достаточно умны, чтобы не дать в руки смертным факты, подтверждающие достоверность его глупейших измышлений, ярость наша не имеет границ. Такие поступки не могут и не должны остаться безнаказанными.

Продолжим наш обзор. Если история, рассказанная вампиром Лестатом, – правда, – а в том, что это действительно так, готовы поклясться многие, хотя никто из них не может сказать, почему он в этом уверен, – то почему бы Мариусу, этому вампиру, которому уже две тысячи лет, не появиться здесь и не наказать Лестата за неповиновение? Вполне возможно также, что царь и царица, услышав свои имена, гром-

ко звучащие по радио на всю планету, пробудятся от своего многовекового сна. А если это произойдет, что будет тогда со всеми нами? Сможем ли мы спокойно и безбедно жить под их, новой для нас, властью? Или они начнут разрушать мир и всю вселенную? Как бы то ни было, существует надежда, что незамедлительное уничтожение вампира Лестата способно предотвратить эту катастрофу.

План наш состоит в следующем. Как только вампир Лестат и его свита осмелятся появиться где бы то ни было, следует всех их немедленно уничтожить. Необходимо уничтожить также и всех тех, кто посмеет их поддерживать и проявит преданность по отношению к ним.

Хотим предостеречь. Как вы знаете, вокруг нас существует множество очень старых вампиров. Время от времени все мы чувствуем их присутствие, а иногда даже на короткий миг видим их. Откровения Лестата не то чтобы потрясли нас, но породили в наших душах ощущение опасности и заставили нас быть очень осторожными. Стоит ли сомневаться, что древнейшие из нас благодаря своим великим способностям тоже могут слышать музыку Лестата? И кто знает, какие еще древние существа, взволнованные и возбужденные воспоминаниями и услышанным пересказом собственной истории, откликнутся на его призывы и медленно двинутся сюда? Каковы будут их намерения и цели?

Копии этой декларации должны быть разосланы во все пункты, являющиеся местами встреч Сообщества вампиров,

а также во все общины вампиров мира. Вы должны с вниманием отнестись ко всему, что написано в данной декларации, и сообщить всем: вампир Лестат должен быть уничтожен вместе со своей матерью Габриэль, должны быть уничтожены также его спутники Луи и Арман, равно как и любой бессмертный, обнаруживший свою преданность Лестату.

Желаем всем молодым вампирам веселого и счастливого Хеллоуина! Увидимся на концерте. Все вместе мы позаботимся о том, чтобы вампир Лестат не ушел с него живым.

* * *

Мужчина со светлыми волосами, одетый в плащ из красного бархата, удобно устроившись в дальнем углу, снова и снова перечитывал декларацию. Из-за низко надвинутой на лоб шляпы с полями и очков с темными стеклами глаз его почти не было видно. Свободно откинувшись на черную обивку высокой спинки и зацепив каблук ботинка за перекладину стула, он скрестил на груди затянутые в серые замшевые перчатки руки.

– Лестат, ты поистине самое дьявольское существо из всех, кого я знал, – пробормотал он себе под нос. – Ты истинный принц всех Проклятых. – Он усмехнулся и внимательно обвел взглядом просторное помещение.

Мастерски написанные на стенах черными красками изысканные фрески произвели на него приятное впечатле-

ние. Они напоминали черную паутину, раскинувшуюся по белоснежной стене. Ему понравилось изображение разрушенного замка, кладбища рядом с ним и сухого дерева, освещенного сиянием полной луны и тянувшего вверх похожие на когтистые лапы ветви. Сюжет был достаточно избитым, но благодаря искусству и яркой индивидуальности художника, которые он всегда ценил, таковым не выглядел. Прекрасно смотрелся и лепной потолок, на фризе которого были изображены пляшущие и скачущие черти и ведьмы на помелах. В помещении стоял приятный сладковатый аромат старинных индийских курений – именно такую смесь возжигал он когда-то, много веков назад, перед святилищем Тех, Кого Следует Оберегать.

Да, это, пожалуй, одно из самых красивых мест тайных встреч вампиров.

Менее приятными показались ему обитатели – тощие белые фигуры, слонявшиеся между столами из черного дерева со стоявшими на них свечами или сидевшие вокруг них. Слишком уж их много для такого цивилизованного современного города. Они и сами понимали это. Для того чтобы поохотиться этим вечером, им придется разойтись в разные стороны, как можно дальше друг от друга. А ведь молодым охота необходима. Молодые должны убивать. Они испытывают слишком сильный голод, чтобы поступать по-другому.

Однако сейчас все их мысли были прикованы к нему: кто он? что ему здесь нужно? зачем он пришел? Достаточно ли

он стар и могуществен? Что он сделает, прежде чем уйдет отсюда? Вечно одни и те же вопросы, хотя он всегда старается проскользнуть в вампирские бары так, как будто он самый обыкновенный вампир, и вести себя при этом как можно незаметнее, отводя взгляд в сторону и накрепко заперев свои мысли.

Что ж, пришло время уйти и оставить все их вопросы без ответов. Он успел узнать то, что хотел, теперь ему известны их намерения. Прежде чем он отправится домой, он должен достать кассеты с записями рок-фильмов.

Он встал, чтобы уйти. Один из молодых посетителей тоже поднялся с места. По мере того как он и тот юнец приближались к двери, в помещении воцарялась все более напряженная тишина. Полное безмолвие царило и в мыслях. Шевелились только язычки пламени свечей, отражавшиеся, словно в глади воды, в черных плитках пола.

– Откуда вы, незнакомец? – достаточно вежливо спросил молодой вампир. В момент смерти ему, должно быть, было не более двадцати, и произошло это примерно лет десять назад, не раньше. У него были размалеваны глаза, намазаны губы, а волосы прядями выкрашены в какой-то немыслимый цвет – как будто сверхъестественных способностей ему было мало. Он выглядел таким экстравагантным и так не походил на того, кем являлся на самом деле, – на свободного и могущественного призрака, способного с легкостью пережить тысячелетия.

Что посулили они ему, выражаясь на современном жаргоне? Что он должен узнать и Шекспира, и звездные пространства, и внеземные цивилизации, услышать музыку сфер и те звуки, которых не дано слышать никому?

– Как вы относитесь к вампиру Лестату? – снова заговорил молодой вампир. – Что вы думаете о декларации?

– Прошу прощения, но я должен идти.

– Но вам, конечно же, известно, что сделал Лестат? – продолжал настаивать вампир, преграждая ему путь к двери. Это уже никак нельзя было назвать приличным поведением.

Он повнимательнее присмотрелся к худому и хрупкому молодому вампиру. Быть может, ему стоит совершить нечто такое, что хорошенько встряхнет их всех? Что заставит их обсуждать это на протяжении многих веков. Он не смог удержаться от улыбки. Нет, не стоит. Спасибо его любимому Лестату, вскоре и так предстоит много шума и волнений.

– Позвольте мне вместо ответа дать вам один совет, – спокойно сказал он, обращаясь к молодому вампиру. – Вы не в силах уничтожить вампира Лестата, это никому не под силу. Но почему все обстоит именно так, я вам объяснить не могу. Поверьте, я говорю совершенно искренне.

Молодого вампира подобный ответ застал врасплох, он даже почувствовал себя несколько оскорбленным.

– Разрешите и мне в свою очередь задать вам несколько вопросов, – продолжал незнакомец. – Почему вас всех так беспокоит только Лестат? Что вы сами думаете о содержании

его откровений? Неужели у вас, молодых, никогда не возникало желания разыскать Мариуса, хранителя Тех, Кого Следует Оберегать? Неужели вам никогда не хотелось своими глазами взглянуть на Мать и Отца?

Юноша был смущен, но постепенно лицо его приняло презрительное выражение. Ему никак не удавалось придумать достойный ответ. Однако в душе его, так же как и в душах всех остальных, кто прислушивался к их разговору и наблюдал за ними, ответ читался совершенно ясно. Это еще вопрос, существуют ли Те, Кого Следует Оберегать. Что же касается Мариуса, то его, возможно, никогда и не было на свете. Но вампир Лестат – личность вполне реальная, не менее чем что-либо другое из того, что было хорошо известно этому юнцу. И вампир Лестат – алчный и завистливый демон, который ради того, чтобы быть увиденным смертными, ради того, чтобы они его полюбили, готов был раскрыть тайны бессмертных и рискнуть безопасностью и благосостоянием всего рода пьющих кровь.

Он едва не рассмеялся прямо в лицо этому юнцу. Как мелка и незначительна эта битва! Следует отдать должное Лестату – он сумел прекрасно понять современные нравы, великолепно разобрался в сущности лишенного веры и благородства века. Да, он раскрыл тайны, которые ему запрещено было раскрывать, однако, поступая таким образом, он никого и ничего не предал.

– Что ж, выслеживайте и попытайтесь отыскать вампира

Лестата, – наконец с улыбкой обратился он к молодому вампиру. – Очень мало настоящих бессмертных ходит сейчас по земле, и вполне возможно, что он находится среди них.

С этими словами он с необыкновенной легкостью приподнял молодого вампира и отставил его в сторону, убрав со своего пути. Затем открыл дверь и вышел в соседнее помещение, собственно и бывшее ресторанчиком.

Просторный и богато украшенный зал с иссиня-черными бархатными портьерами и до блеска отполированными латунными деталями интерьера заполняла шумная толпа смертных. С обитых шелком стен на них из позолоченных рам смотрели портреты киновампиров. Едва слышные за гулом множества голосов и взрывами пьяного хохота, лились звуки органа, исполнявшего страстную Токкату и фугу Баха. Ему нравилось наблюдать столь жизнерадостные картины человеческого бытия. Он любил даже застарелый запах пива и вина, застоявшегося сигаретного дыма. Он проталкивался к выходу и с удовольствием ощущал прикосновения мягких и душистых человеческих тел. Наибольшую радость доставлял ему тот факт, что никто не обращал на него ни малейшего внимания.

Наконец он вышел на Кастро-стрит, по которой в этот ранний вечерний час гуляло множество людей, и с удовольствием вдохнул влажный воздух. В небе по-прежнему сиял серебряный свет. Люди спешили укрыться от косых струй дождя, но вынуждены были останавливаться на перекрестках в

ожидании, пока сменятся огни за выпуклыми стеклами светофоров и позволят им мчаться дальше.

Рев моторов проносящихся по улице автомобилей и шелест шин по мокрому асфальту перекрывал голос Лестата, оглушительно звучавший из динамиков, расположенных возле входа в музыкальный магазин:

В своих снах я продолжаю держать ее в своих объятиях,

Ангела, возлюбленную, мать.
В своих снах я целую ее губы,
Моей госпожи, моей музы, моей дочери.

Она подарила мне жизнь,
А я подарил ей смерть —
Моей прекрасной маркизе.

И мы пошли с нею по Пути Дьявола —
Двое сирот, рука об руку.

Слышит ли она сегодня мои песни
О царях и царицах, о древних истинах?
О нарушенных клятвах и о моей печали?

Или она идет сейчас по далекой тропе,
Такой далекой, что мои песни не достигают ее слуха?

Вернись ко мне, моя Габриэль,

Моя прекрасная маркиза!
Замок на холме давно разрушен,
Деревня скрылась под снегами,
Но ты остаешься моей навсегда.

Интересно, здесь ли уже его мать?

Голос постепенно затих, и его сменили звуки электронной музыки, тоже в конце концов затерявшиеся в уличном шуме. Подставив лицо влажному ветерку, он направился в сторону перекрестка. Очень приятная и оживленная маленькая улочка. Торговец цветами, укрывшись под тентом, все еще продавал свои букеты. В мясной лавке толпились спешащие после работы домой покупатели. За окнами кафе люди ужинали или читали газеты. Многие стояли в ожидании автобуса, шедшего вниз по холму, и очередь вытянулась на многие метры, загораживая вход в старое здание кинотеатра.

Она здесь, Габриэль уже здесь. Он слабо, но безошибочно ощущал ее присутствие.

Подойдя к краю тротуара, он прислонился спиной к металлическому столбу уличного освещения и с удовольствием вдохнул свежий воздух, струящийся со склонов гор. Перед ним была широкая и прямая Маркет-стрит, и отсюда открывался прекрасный вид на центр города. Улица напоминала ему парижские бульвары, а вокруг, весело сияя разноцветными окнами, раскинулись по склонам дома.

Да, она здесь, но где именно? Прикрыв глаза, он прошептал имя Габриэль и прислушался. Сначала до него донес-

ся шум безбрежного моря голосов, перед его мысленным взором проносились, сменяя друг друга, образы. Казалось, весь мир готов был разверзнуться и поглотить его в пучину нескончаемых стенаний. Габриэль… Громоподобный шум постепенно стих. От проходящего мимо смертного до него докатилась волна боли. А в многоэтажном доме на холме неподвижно сидела возле окна умирающая женщина, вспоминая о своих детских ссорах и огорчениях. И наконец в полной тишине и неподвижной дымке он увидел то, что хотел увидеть. Габриэль… Она остановилась, услышав его зов. Она знала, что за ней наблюдают. Высокая женщина со светлыми волосами, заплетенными в косу, спускавшуюся по спине, остановилась на пустынной улочке в центре города, совсем недалеко от того места, где он стоял. На ней были брюки и куртка цвета хаки с поднятым воротником и поношенный коричневый свитер. Ее шляпа почти ничем не отличалась от той, что была на нем, и точно так же была надвинута очень низко, оставляя в тени почти все лицо. Она тут же закрыла доступ в свои мысли, словно поставив перед ними невидимый и в то же время непроницаемый щит. Видение исчезло.

Итак, она здесь и ждет своего сына, Лестата. Почему он всегда так опасался за нее? Ведь эта холодная и трезвая женщина сама никого и ничего не боялась, она испытывала страх только за Лестата. Прекрасно! Он был доволен. Лестат, конечно же, будет доволен тоже.

Но где же второй? Где Луи? Мягкий и добрый Луи с тем-

ными волосами и зелеными глазами, тот, у которого была такая беспечная походка и который даже иногда насвистывал, бродя по темным улицам и приближаясь к своим жертвам. Луи, где же ты?

И в ту же секунду он увидел Луи, входящего в пустую гостиную. Он только что поднялся по лестнице из склепа, расположенного в глубоком подземелье за каменными стенами, где он спал в течение дня. Он даже не подозревал, что кто-то наблюдает за ним. С изяществом и грацией он пересек запыленную комнату и остановился у окна, глядя сквозь грязные стекла на непрерывный поток машин, проносящихся по мостовой. Все тот же старый дом на Дивисадеро-стрит. Надо признаться, что это элегантное и чувственное создание, чья книга «Интервью с вампиром» наделала слишком много шума, почти не изменилось. Только сейчас Луи ждал Лестата. В последнее время ему снились тревожные сны, он опасался за Лестата, и его переполняли незнакомые прежде желания и стремления.

Он неохотно позволил видению исчезнуть. Он чувствовал большую симпатию к этому вампиру, к Луи. Эту симпатию едва ли можно было назвать благоразумной, ибо Луи был мягок и образован, его нежная душа не обладала той головокружительной силой и мощью, какой обладали натуры Габриэль и ее дьявольского сына. И все же он был уверен в том, что Луи способен выжить и просуществовать так же долго, как и они. Поистине удивительно, в сколь разных фор-

мах проявляется мужество натур, которым суждена долгая жизнь. Возможно, все дело в доброжелательном восприятии окружающего мира и отношении к происходящему в нем? Но как же тогда объяснить тот факт, что Лестат, поверженный, побежденный, израненный, все же нашел в себе силы возродиться вновь? Лестат, который никогда и ни к чему не проявлял доброжелательности!

Однако эти двое – Габриэль и Луи – еще не нашли друг друга. Ничего страшного. Как же ему сейчас поступить? Свести их вместе? Хорошая идея… хотя… Лестат и сам сделает это в ближайшее время.

Он снова улыбнулся своим мыслям. «Лестат, ты поистине самое дьявольское существо из всех, кого я знал. Да, истинный принц всех Проклятых». Медленно, не торопясь, он постарался воскресить в своей памяти каждую черточку лица и фигуры Лестата: холодные, можно сказать, ледяные глаза, темнеющие в минуты смеха, открытую и располагающую к себе улыбку, манеру по-детски сводить брови, когда он сердился, неожиданные всплески веселого настроения и язвительный юмор его высказываний. Он вспомнил также кошачью грацию и гибкость его тела, столь несвойственную мужчинам, обладающим такими развитыми мускулами. Такая мощь и сила… всегда и во всем… и такой неувядающий оптимизм!

Суть в том, что он так и не составил для себя мнения и не определил свое отношение ко всему происходящему.

Он знал только, что события его забавляли и завораживали. Стоит ли говорить, что у него и в мыслях не было мстить Лестату за то, что он раскрыл все секреты. Именно на это, несомненно, Лестат и рассчитывал. Впрочем, кто знает. Быть может, Лестата и в самом деле это не интересовало и не беспокоило. О том, каковы были мысли Лестата, он знал не больше тех дурачков из бара.

Для него гораздо важнее было другое. Впервые за множество лет он вдруг обнаружил, что способен думать, руководствуясь категориями прошлого и будущего, что стал проявлять больший интерес к современному миру и лучше понимать его. Те, Кого Следует Оберегать, превратились в миф, в вымысел даже для их собственных потомков! Давно канули в Лету те времена, когда жестокие и свирепые существа из рода пьющих кровь разыскивали их святилище и жаждали напиться их дающей силу и могущество крови! Никто в это больше не верил. Никто ими не интересовался.

Именно в этом и состоит суть нынешнего века. Населяющие мир смертные более практичны, чем когда бы то ни было, они отрицают даже малейшую возможность чуда, даже намек на что-либо сверхъестественное. С необыкновенной смелостью и отвагой они строят свои основополагающие этические теории только на фундаменте материальных истин и физического мира.

Двести лет пролетело с тех пор, как они с Лестатом обсуждали те же самые проблемы на островке, затерянном в

Средиземном море, мечтали о божественном мире, построенном на морали и нравственности, мире, в котором единственной непреложной догмой станет любовь к ближнему. О мире, к которому сами они не принадлежат. И вот теперь такой мир стал почти что реальностью. И вампир Лестат посвятил себя поп-искусству. Он отправился туда, куда должны были, наверное, отправиться все старые демоны прошлого, и теперь поведет за собой все проклятое племя, включая и Тех, Кого Следует Оберегать, хотя они, возможно, об этом никогда не узнают.

Мысль об этом заставила его улыбнуться. Сама идея того, что совершил Лестат, не просто вызывала у него благоговейный трепет, но казалась и самому ему весьма соблазнительной. Ему, как никому другому, хорошо было известно, что такое непреодолимое желание известности и славы.

Следует признаться, что его чрезвычайно восхитило его собственное имя, начертанное на стене бара. Он смеялся, но смех его был вызван тем удовольствием, которое он испытал.

Пусть Лестат создает свою вдохновенную драму – да, именно так он назвал бы все это. Лестат, этот неистовый и неукротимый актер бульварного театра старых времен, теперь поднялся к вершинам и занял весьма высокое положение в это прекрасное и невинное время.

Однако прав ли он был в своем утверждении, когда говорил тому юнцу в баре о том, что никто не в силах уничтожить принца Проклятых? Все-таки это явное преувеличение. Пу-

стая декларация. А правда состоит в том, что любой из них так или иначе может быть уничтожен… И конечно же, даже Те, Кого Следует Оберегать… В этом нет никаких сомнений.

Они все, конечно, очень слабые, эти неоперившиеся юнцы, «Дети Тьмы», как они себя называют. От того, что их становится все больше и больше, силы их отнюдь не увеличиваются. Но старые вампиры – это совсем другое дело. Ах, если бы Лестат не упомянул хотя бы имена Маэла и Пандоры! Но разве не существуют и еще более старые представители рода пьющих кровь, о которых даже он сам ничего не знает? Он вспомнил о предостережении, начертанном на стене: «… древние существа… откликнутся на его призывы и медленно двинутся сюда…»

Ему вдруг стало холодно… хотя на какое-то мгновение показалось, что он видит перед собой джунгли – зеленые и зловонные, окутанные нездоровым и душным теплом. Однако видение исчезло так же внезапно, как и возникло, не оставив никаких объяснений, подобно тому как появлялись и исчезали многие сигналы и предупреждения, получаемые им прежде. Он уже давным-давно научился заглушать несмолкающий поток голосов и заслоняться от бесконечной череды образов, которые возникали в его голове благодаря силе его разума. И все же время от времени нечто неистовое и отчаянное, словно громкий крик, неожиданно прорывалось сквозь все поставленные им заслоны.

Как бы то ни было, он провел в этом городе слишком мно-

го времени. А ведь ему казалось, что он не намерен, что бы ни случилось, вмешиваться в ход событий. Он вдруг рассердился на себя за неуместное проявление чувств, за свою слабость. Ему захотелось оказаться дома. Слишком долго он находился вдали от Тех, Кого Следует Оберегать.

А сейчас ему нравилось наблюдать за оживленным потоком людей, за несущимися плотной вереницей по мостовой сияющими автомобилями. Его не раздражал даже полный ядовитых паров воздух большого города. Он был ничуть не отвратительнее, чем воздух древних Афин, Антиохии или Рима, где повсюду, куда ни взгляни, лежали кучи отбросов и все вокруг было пропитано мерзким запахом голода и болезней. Нет, ему все-таки очень нравились чистенькие города Калифорнии с их выкрашенными в пастельные тона домами. Он готов был вечно бродить среди их ясноглазых и вечно куда-то спешащих обитателей.

Однако ему пора возвращаться домой. Концерт состоится уже совсем скоро, и тогда, если он захочет, он сможет встретиться с Лестатом… Как это чудесно – не знать в точности, что станешь делать в ближайшее время, не быть более осведомленным, чем те, остальные, которые даже не верят в то, что ты существуешь на самом деле!

Он пересек Кастро-стрит и быстрым шагом двинулся по широкому тротуару Маркет-стрит. Ветер стих, и воздух стал, можно сказать, теплым. Он еще ускорил шаги и даже стал насвистывать что-то себе под нос, как это делал Луи. На ду-

ше у него было хорошо. Он чувствовал себя человеком. Перед дверью магазина, в котором продавались телевизоры и радиотехника, он остановился. Со всех экранов – больших и маленьких – на него смотрело лицо Лестата.

Звук был приглушен, он прятался где-то внутри приборов. Немое изображение, представление, состоявшее только из жестов и движений, вызвало у него улыбку. Надо будет, конечно, постараться купить все, что нужно, и послушать. Однако разве не удовольствие сама по себе возможность видеть все эти ужимки принца Проклятых, наблюдать, как он кривляется и дергается в лишенном милосердия безмолвии?

Камера отъехала назад, и фигура Лестата, играющего на скрипке и словно бы стоящего в пустоте, стала видна в полный рост. Время от времени вокруг него смыкалась полная звезд тьма. И вдруг, словно вход в святилище Тех, Кого Следует Оберегать, распахнулись створки дверей – да, это было именно так! И взору зрителей предстали Акаша и Энкил, точнее, загримированные под них актеры – пара египтян с белоснежной кожей, длинными черными шелковистыми волосами и множеством сверкающих драгоценных украшений.

Ну конечно! Почему он сам не подумал о том, что Лестат представит все именно таким образом – зрелище было поистине завораживающим. Он подался вперед и прислушался. До него донесся голос Лестата, и он смог разобрать слова:

Акаша! Энкил!

Храните ваши тайны!
Храните молчание!
Это лучше, чем открыть правду!

Скрипач закрыл глаза и полностью отдался во власть музыки. И в этот момент Акаша медленно поднялась со своего трона. Скрипка выпала из рук Лестата. Словно в замедленном танце, она вскинула руки и обняла Лестата, потом привлекла его к себе и склонилась над ним, чтобы напиться его крови, одновременно прижимая его зубы к своей шее.

Все это выглядело намного лучше, чем он мог себе вообразить, – умно и с большим искусством. Теперь ожила фигура Энкила – он пробудился от сна, и движения его напоминали движения механической куклы. Он вышел вперед, чтобы вернуть свою царицу, и отшвырнул Лестата так, что тот рухнул на пол. На этом фильм закончился. Спасение Лестата Мариусом в него не вошло.

– Что ж, стало быть, мне не суждено стать телевизионной знаменитостью, – тихо прошептал он и едва заметно улыбнулся. Он направился к входу в полутемный магазин.

Молодая девушка ждала его возле двери, чтобы впустить внутрь. В руках у нее была черная пластмассовая видеокассета.

– Здесь все двенадцать, – сказала она. У девушки были гладкая темная кожа и большие карие глаза с поволокой. В серебряном браслете на ее запястье играли блики света. Он

не мог отвести от нее взгляд. Она с благодарностью взяла деньги и даже не пересчитала их. – Они гоняли их не меньше чем по дюжине каналов, и мне удалось записать все. Я закончила только вчера днем.

– Вы прекрасно справились с работой, – ответил он, – и я вам очень благодарен. – С этими словами он вытащил еще пачку банкнот.

– Пустяки, – сказала она, явно не желая брать с него дополнительную плату.

«Ты должна их взять».

Пожав плечами, девушка взяла деньги и положила в карман.

«Пустяки» – ему очень нравились эти красноречивые и меткие современные словечки. Ему нравилось, как всколыхнулась ее упругая грудь, когда она пожимала плечами, как слегка качнулись ее бедра под одеждой из какой-то грубой хлопчатобумажной ткани, в которой она казалась еще более изящной и хрупкой. Она напоминала ему распустившийся цветок. Когда девушка открыла перед ним дверь, он не удержался и прикоснулся рукой к мягкой гриве ее каштановых волос. Даже и помыслить нельзя о том, чтобы напиться крови того, кто оказал тебе услугу, существа столь невинного, как эта девушка. Нет, он не сделает этого! И тем не менее он повернул ее к себе лицом, и рука его скользнула вверх по волосам, а затянутые в перчатки пальцы обхватили ее голову сзади.

– Всего лишь один поцелуй, прелесть моя.

Глаза ее закрылись, а его зубы мгновенно пронзили артерию, и он почувствовал на языке вкус ее крови. Всего лишь только вкус. Мгновенная жаркая вспышка, только на секунду обжегшая его сердце. Он тут же слегка отстранился и теперь уже только губами прижался к ее нежной шее. Он чувствовал, как пульсирует кровь в ее венах. Жажда испить ее в полной мере была столь велика, что он с трудом сдержался. Грех и его искупление… Он отпустил девушку. Потом погладил ее шелковистые тугие локоны и пристально взглянул в ее затуманенные глаза.

«Забудь об этом».

– До свидания, – с улыбкой произнес он уже вслух.

Он долго стоял неподвижно на одной из пустынных боковых улочек. Жестокая неутоленная жажда постепенно перестала его мучить. Он перевел взгляд на картонную коробку видеокассеты.

«Они гоняли их не меньше чем по дюжине каналов, и мне удалось записать все». Если это так, то его подопечные, конечно же, уже видели Лестата на огромном экране, который он установил перед ними в их святилище. Прошло довольно много времени, с тех пор как он водрузил на склоне горы над крышей спутниковую антенну, чтобы дать им возможность смотреть передачи со всего мира. Небольшое компьютерное устройство каждый час переключало каналы. Год

за годом, неподвижные и бесстрастные, они взирали на красочные картинки и образы, мелькавшие перед их безжизненными глазами. Интересно, появлялись ли в их взглядах хоть малейшие искорки интереса, когда они видели Лестата или имитацию себя самих? Или когда слышали свои произнесенные, точнее, пропетые, словно в гимнах, имена.

Что ж, это он, возможно, скоро выяснит. Он покажет им эту видеокассету. И он будет внимательно следить за выражением их гладких и блестящих лиц в надежде увидеть на них хоть что-нибудь, кроме бликов отраженного света.

«Ах, Мариус, ты никогда не впадаешь в отчаяние и не теряешь надежду! Со своими глупыми мечтами ты ничем не лучше Лестата!»

Домой он добрался только к полуночи.

Захлопнув стальную дверь и отгородившись таким образом от стеной валящего с неба снега, он какое-то время стоял неподвижно, давая возможность теплому воздуху окутать и согреть его. Буран, сквозь который ему пришлось пробираться, исцарапал его лицо и уши и даже истерзал закрытые перчатками пальцы рук. Поэтому царящее внутри тепло доставляло ему особенное наслаждение.

Вокруг было тихо, до него доносились только знакомый шум генераторов и едва слышный электронный пульс телевизора, стоявшего в святилище, расположенном на глубине многих сотен футов. Кажется, это поет Лестат? Да, так и есть,

он различил последние слова еще одной его весьма печальной песни.

Он медленно стянул с рук перчатки, потом снял шляпу и провел рукой по волосам. После этого, как обычно, внимательно осмотрелся, тщательно обследовав взглядом входную дверь и расположенную за ней гостиную, чтобы убедиться, что в его отсутствие никто из посторонних сюда не проник.

Хотя, надо сказать, такая возможность была практически невероятна. Он находился сейчас в самом центре огромной заснеженной пустыни, за много и много миль от современного цивилизованного мира. Однако по давно укоренившейся привычке он каждый раз по возвращении проводил подробнейшую инспекцию. Были по-прежнему такие, кто непременно вторгся бы на территорию этой крепости, знай они только, где она находится.

Все было в порядке. Он стоял перед гигантским аквариумом, огромной, размером с комнату, емкостью, примыкавшей к южной стене. Он с любовью и тщательностью сделал его из очень толстого стекла и оснастил самым лучшим оборудованием. Он наблюдал, как стайки разноцветных рыбок танцуют в воде, то и дело меняя направление своего движения в искусственно созданном полумраке. Гигантские морские водоросли медленно колыхались из стороны в сторону – они походили на сказочный лес, зачарованно раскачивающийся в такт движению струй воздуха, нагнетаемых аэратором. Это зрелище неизменно захватывало, гипнотизирова-

ло его, своей монотонностью заставляло неподвижно замирать перед аквариумом. Круглые черные глаза рыб вызывали дрожь во всем теле, высокие тонкие стебли водорослей с дрожащими желтоватыми листьями заставляли благоговейно трепетать. Но суть всего этого зрелища, его величайшая притягательная сила состояла в бесконечном, ни на секунду не прекращающемся движении.

Наконец он отвернулся от аквариума, но не удержался и обернулся еще раз, бросив последний взгляд на этот естественный, бессознательный и удивительно прекрасный мир.

Да, здесь все хорошо.

Как приятно вновь оказаться в этих теплых помещениях. Ничто не нарушает царящего вокруг порядка. На покрывающем пол толстом винного цвета ковре аккуратно расставлена великолепная мебель с обивкой из мягкой кожи. В камине лежат дрова. Полки вдоль стен уставлены книгами. Здесь же стоит полный комплекс электронной аппаратуры, который, казалось бы, только и ждет, когда он вставит кассету с записями выступлений Лестата. Именно это он и собирался сейчас сделать. Потом он удобно устроится возле камина и один за одним посмотрит все фильмы подряд. Его привлекали не только сами песни, но и то мастерство, с которым они были сделаны, – это сочетание древнего и нового, умение Лестата использовать все достоинства и недостатки аппаратуры и возможности средств массовой информации, для того чтобы обеспечить себе столь великолепную маскировку, подоб-

но тому как иные смертные рок-певцы стараются выглядеть поистине богами.

Он снял с себя длинный серый плащ и бросил его на стул. Удивительно, почему все это доставляет ему такое удовольствие? Неужели все мы жаждем возможности побогохульствовать, потрясти кулаками перед божественными ликами? Возможно, все обстоит именно так. Много веков назад, во времена, как теперь говорят, Древнего Рима, он, тогда благовоспитанный мальчик, всегда весело смеялся над выходками плохих детей.

Он понимал, что, прежде чем за что-либо взяться, ему следует зайти в святилище. Всего лишь на несколько минут, чтобы убедиться в том, что там все в порядке. Чтобы проверить, как работает телевизор, в норме ли температура воздуха и в порядке ли электропроводка. Необходимо также положить на медные жаровни свежие угли и благовония. Как легко теперь создавать рай в их святилище, имея в своем распоряжении установки дневного света, дающие живительную силу деревьям, цветам и всем другим растениям, никогда не видевшим солнца и света, льющегося с небес! Однако благовония он, как и всегда прежде, смешивал сам. И не бывало еще ни разу, чтобы он, брызгая благовониями на угли, не вспомнил самого первого дня, когда он это сделал.

Пора также взять лоскут мягкой ткани и осторожно, проявляя максимальное уважение, с почтением стереть пыль с застывших и неподвижных тел прародителей, даже с их

немигающих глаз. Подумать только, он не делал этого уже целый месяц! Какой стыд!

«Скучали ли вы без меня, мои возлюбленные Акаша и Энкил?»

Ах, опять он затевает эти старые игры!

Разум, как всегда, подсказывал ему, что они не сознавали его приходов или уходов, что их это совершенно не интересовало. Однако ему соблазнительно было тешить свою гордость иными предположениями. Разве запертый в сумасшедшем доме безумный лунатик не испытывает некое странное чувство по отношению к служителю, приносящему ему воду? Хотя это, наверное, не самое удачное сравнение. Во всяком случае, его нельзя отнести к разряду приятных.

Да, это правда – они вышли из неподвижности ради Лестата, этого принца Проклятых. Акаша – ради того, чтобы одарить его своей Могущественной Кровью, а Энкил – чтобы отомстить и свершить возмездие. И теперь Лестат может до скончания века снимать об этом свои фильмы. Но не доказывает ли это вновь и окончательно, что разум их обоих угас навсегда? Случившееся было не более чем вспыхнувшей на мгновение последней оставшейся искоркой. Ему не составило никакого труда вернуть их обратно на опустевший трон и вновь заставить их застыть в неподвижности и безмолвии.

И все же, надо признаться, сердце его было наполнено горечью и злостью. В конце концов, он никогда не стремился выйти за рамки эмоций мыслящего человека, превзойти их

– он только хотел возродить, усовершенствовать их, дать им новую жизнь и наполнить восхитительным всеобъемлющим пониманием. И в тот момент он готов был обрушиться на Лестата с поистине человеческой яростью.

«Мальчишка! Почему бы тебе не взять Тех, Кого Следует Оберегать, под свое покровительство, коль скоро уж они оказали тебе столь замечательную услугу и проявили по отношению к тебе такое расположение? Сейчас я бы с удовольствием от них избавился. Ведь я несу это тяжкое бремя с самого начала христианской эры!»

Однако на самом деле он так не думал. Ни тогда, ни сейчас. Это было всего лишь минутной слабостью. Он всегда очень любил Лестата. Всякое время и всякое государство нуждалось в такого рода отщепенцах. И вполне возможно, что молчание царя и царицы не в меньшей степени благословение, чем проклятие. В этом отношении слова песни Лестата, быть может, совершенно справедливы. Однозначный ответ на эти вопросы не сможет, наверное, дать никто.

Чуть позже он непременно возьмет видеокассету и спустится к ним, чтобы понаблюдать и убедиться воочию. Сумеет ли он заметить хотя бы малейшую искорку, хотя бы слабый намек на изменение выражения их обращенных в вечность глаз?

«Ну вот, ты опять принялся за старое!.. Лестат заставляет тебя снова становиться молодым и глупым! Похоже, ты по-прежнему упиваешься собственной наивностью и мечтаешь

о возможности каких-то кардинальных перемен».

Сколько раз за прошедшие века возрождались в душе его подобные надежды только лишь затем, чтобы уйти и оставить его в отчаянии и с разбитым сердцем! Много лет назад он принес им цветные фильмы, запечатлевшие восход солнца, голубое небо и египетские пирамиды. Какими чудесными они были! Прямо перед их глазами текли пронизанные солнечным светом воды Нила. При виде этой совершенной красоты он сам не мог удержаться от слез. На мгновение ему даже показалось, что заснятое на пленку солнце может причинить ему вред, хотя разум подсказывал ему, что это невероятно. Но такова была сила иллюзии. Какое чудо, что он мог вот так стоять и наблюдать, как восходит солнце, – ведь он не видел этого с тех самых пор, как перестал быть смертным человеком!

Но Те, Кого Следует Оберегать, с абсолютным безразличием продолжали смотреть прямо перед собой. А быть может, их кажущееся безразличие на самом деле было интересом, величавым равнодушным интересом, когда каждая частичка, каждая плавающая в воздухе пылинка становится предметом глубочайшей заинтересованности?

Узнать это не суждено никому. К тому моменту, когда он сам появился на свет, они жили на земле уже четыре тысячи лет. Вполне возможно, что их телепатический слух был настолько острым, что позволял им слышать все звуки далекого окружающего мира. А быть может, перед их мысленным

взором проносились мириады образов, не позволяющие им видеть вокруг себя ничего больше. Прежде такие мысли буквально сводили его с ума, но теперь он научился контролировать их.

Когда-то он собирался даже принести с собой самую современную медицинскую аппаратуру, чтобы выяснить наконец, что же с ними происходит. Он готов был подключить к их головам электроды и попытаться уловить мозговые импульсы. Однако сама идея применения всех этих ужасных и бесчувственных приборов показалась ему лишенной вкуса и потому неприемлемой. В конце концов, хочет он того или нет, но они оставались для него царем и царицей, Отцом и Матерью всех ему подобных. Находясь под его защитой, они безраздельно правили вот уже в течение двух тысячелетий.

Ему следует, однако, признаться в одном своем грехе. В последнее время в разговорах с ними он стал позволять себе язвительный тон. Теперь, когда он входил в их святилище, он уже не был, как прежде, верховным жрецом. Нет. В его словах теперь слышался сарказм, он осмеливался даже говорить дерзости. А ведь подобное поведение недостойно его, ему следует быть выше этого. Или это и есть то, что называют «современным темпераментом»? А уж его-то никак нельзя обвинить в невнимании к обычаям и нравам того века, в котором ему приходилось жить.

Как бы то ни было, сейчас ему необходимо идти в святилище. Но прежде следует полностью очистить свои помыслы.

Он не должен войти туда с упреками и с отчаянием в душе. Позже, когда он просмотрит видеофильмы сам, он покажет им эти записи тоже. И тогда он останется рядом с ними и внимательно проследит за их реакцией. А сейчас у него для этого недостаточно сил.

Он вошел в металлическую кабину лифта и нажал на кнопку. Шум электронных устройств и временная потеря ощущения земного притяжения доставили ему даже некоторое удовольствие. Современный мир был наполнен множеством звуков, которые никогда прежде ему не приходилось слышать. Они приносили ему заметное облегчение. Отвесная шахта, спускавшаяся на сотни футов в глубину сквозь толщу льдов, вела в освещенные электричеством подземные помещения.

Открыв дверь, он вошел в коридор, пол в котором был скрыт ковром. Из святилища до него доносилось пение Лестата, на этот раз исполнявшего какую-то веселую песенку в быстром ритме. Мощный голос перекрывал грохот барабанов и завывание электроинструментов.

Однако что-то здесь было не так. Внимательно оглядывая простирающийся перед ним длинный коридор, он отчетливо чувствовал это. Звук был слишком громким. Двери в помещения, расположенные перед святилищем, были распахнуты!

Он бросился вперед. Управляемые электроникой двери в святилище были раскрыты настежь. Как это могло произой-

ти? Электронный код, который следовало набрать при помощи крохотных клавиш компьютера, был известен только ему. Вторые двери тоже оказались незапертыми… третьи тоже… он уже частично видел помещение самого святилища, мешала лишь беломраморная стена маленького алькова. Красновато-голубое сияние телевизионного экрана за ней походило на свет старинного газового камина.

Мраморные стены и сводчатые потолки отражали и еще больше усиливали и без того мощный голос Лестата.

> Убивайте нас, братья мои и сестры,
> Война в самом разгаре.
>
> Вы должны понимать то, что вы видите,
> Когда вы видите меня.

Он медленно втянул в себя воздух, чтобы выровнять дыхание. Ни звука. Слышна была только музыка, постепенно она затихла и сменилась неразборчивым звучанием человеческой речи. Посторонних здесь не было. В этом он был уверен. Присутствие чужих он почувствовал бы сразу. В убежище не проник никто. Его инстинкт безошибочно свидетельствовал об этом.

Неожиданно он почувствовал сильную боль в груди. Лицу стало жарко. Факт весьма многозначительный.

Пройдя через отделанные мрамором помещения, он остановился перед дверью алькова. Неужели он в эти мгнове-

ния молился? Или рисовал в своем воображении возможные картины? Он точно знал, что именно сейчас увидит: Тех, Кого Следует Оберегать, по-прежнему сидящих на своих местах в неизменных позах, – таких, какими он видел их всегда. Что же касается открытых дверей, то вскоре найдется вполне обыденное объяснение – короткое замыкание, вышедший из строя предохранитель или нечто в том же роде.

Внезапно он ощутил – не страх, а инстинктивное предчувствие, какое возникает у юного мистика в преддверии готового явиться ему видения, как будто он вот-вот узрит живого Бога или кровавые язвы на собственных руках.

Вдруг успокоившись, он переступил порог святилища.

В первый момент он ничего не заметил. Перед его глазами была та самая картина, которую он и ожидал увидеть: длинное помещение, наполненное деревьями и цветами, каменная скамья, служившая троном, а за ней – огромный экран телевизора, на котором видны были чьи-то глаза, рты и с которого доносился вызванный неизвестно чем смех. И вдруг до него дошло: на троне оставалась только одна фигура! И эта фигура была практически совсем прозрачной! Яркие, красочные лучи стоявшего в отдалении телевизионного экрана проходили прямо через нее.

«Нет! Этого не может быть! Вглядись повнимательнее, Мариус! Даже ты не застрахован от ошибок в своих чувствах и ощущениях!» Подобно самому обыкновенному смертному в момент сильного волнения, он схватился руками за голову

и крепко сжал ее, словно пытаясь таким образом избавиться от наваждения.

Он всмотрелся в спину Энкила, который, за исключением по-прежнему черных волос, превратился в некую статую из матового стекла, и видел, как сквозь нее, слегка преломляясь, свободно проникали слабые разноцветные лучи. В неровных вспышках света фигура Энкила неожиданно засияла, превратившись в источник слабых пляшущих лучиков.

Мариус потряс головой. Нет! Невозможно! Он встряхнулся всем телом.

– Все в порядке, Мариус, – прошептал он. – Не спеши.

Десятки неясных подозрений роились в его мозгу. Кто-то приходил сюда, кто-то более могущественный и древний, чем он. Кто-то узнал, где он скрывает Тех, Кого Следует Оберегать, и совершил нечто невообразимое! И во всем виноват Лестат! Лестат! Это он открыл тайну всему миру!

Колени его подгибались и дрожали. Подумать только! Он так давно не испытывал подобной человеческой слабости, что совершенно забыл о том, что такое может быть. Он медленно вытащил из кармана полотняный носовой платок и стер со лба выступивший тонким слоем кровавый пот. После этого он направился к трону и обошел его таким образом, чтобы оказаться лицом к лицу с царем.

Черные волосы Энкила длинными тонкими прядями спускались до плеч – точно так же, как это было в течение последних двух тысячелетий. Широкий золотой ворот-

ник ровно лежал на его гладкой, безволосой груди, складки полотняной юбки оставались безукоризненными, неподвижные пальцы по-прежнему украшали перстни.

Но тело его было словно стеклянное! И совершенно пустое! Даже огромные сияющие глаза были прозрачны, на месте зрачков виднелись только темные круги. «Нет, не спеши! Осмотри все как следует! Вот, видишь? Видны еще кости скелета, пришедшие в такое же состояние, что и плоть. Но они остались на месте, так же как и ясно видимые извилистые вены и артерии и нечто похожее на легкие. Но все это стало совершенно прозрачным! Все словно создано из одного и того же материала! Но что же с ним сделали?»

А в сидевшем перед ним существе продолжали происходить изменения. Прямо на глазах Мариуса тело теряло свою молочную консистенцию. Оно словно высыхало и становилось все прозрачнее и прозрачнее.

Он осторожно дотронулся до него. Нет, это не молоко, скорее похоже на скорлупу.

Однако столь необдуманный жест сокрушил сидевшую перед ним фигуру. Тело покачнулось и рухнуло на мраморные плиты пола. Взгляд широко открытых глаз оставался неподвижным, конечности напряженно застыли в прежнем положении. Раздавшийся звук походил на шорох севшего на пол насекомого.

Шевелились только его волосы. Его мягкие черные волосы. Но и они менялись на глазах – они начали рассыпаться

на мельчайшие частички, на блестящие крохотные лучинки. Прохладный ветерок, создаваемый вентиляционными системами, сдувал и уносил их словно соломинки. На горле он увидел две едва заметные ранки. Они не успели зажить, как это немедленно случилось бы прежде, ибо сейчас вся целительная кровь покинула тело.

– Кто осмелился совершить такое? – прошептал он вслух и крепко сжал в кулак правую руку, словно стараясь таким образом удержаться от громкого крика и слез. – Кто посмел выпить из него жизнь до самой последней капли?

В том, что лежавшее перед ним существо было мертво, сомнений не оставалось. Но о чем же говорило столь страшное зрелище?

Наш царь, наш Отец мертв. Но я все еще жив! Я продолжаю дышать! А это может означать лишь одно: первородная власть, первоначальное могущество принадлежат ей! Она получила их первой и все это время хранила в себе! А теперь кто-то ее похитил!

Нужно тщательно осмотреть все помещение! Нужно осмотреть все жилище! Однако это были не более чем безумные, отчаянные мысли. Никто не мог проникнуть сюда – в этом он был совершенно уверен. Подобное могло совершить только одно создание! Только ему было известно, что такое вообще возможно.

Он продолжал стоять совершенно неподвижно и не отводил глаз от лежавшей на полу фигуры, наблюдая, как она по-

степенно теряет последние остатки вещественности и становится совсем прозрачной. И если кто-то вообще должен был оплакивать это существо, то этим плакальщиком, несомненно, должен быть он. Оно ушло от него навеки, ушло вместе со всем тем, что было ему известно, чему оно когда-либо было свидетелем. Еще один нашел свой конец. Способность осознать и принять это оказалась за пределами его возможностей.

Он почувствовал вдруг чье-то присутствие. Кто-то вышел из тени алькова, и он отчетливо ощущал на себе пристальный взгляд.

Еще на мгновение – невероятное, совершенно иррациональное мгновение – он задержался глазами на фигуре поверженного царя. Он пытался как можно спокойнее обдумать все то, что происходило сейчас вокруг. Неизвестное существо бесшумно приближалось к нему. Оно обошло трон и остановилось рядом с ним – краем глаза он увидел чью-то стройную, грациозную тень.

Он знал, кто это, кто это должен быть, и сознавал, что существо приблизилось к нему, совсем как живое. И все же, когда он поднял глаза, то, что он увидел, оказалось для него полнейшей неожиданностью.

Всего в каких-нибудь трех дюймах от него стояла Акаша. Кожа ее была гладкой, белой и матовой, как всегда. Она улыбалась, и щеки ее перламутрово блестели, темные глаза были влажными и оживленно сверкали, а кожа вокруг них собра-

лась в едва заметные морщинки. Она вся светилась и просто излучала жизненную энергию.

Совершенно онемевший, он не мог отвести от нее глаз. Он видел, как она протянула унизанную перстнями руку и коснулась пальцами его плеча. Он закрыл глаза и тут же открыл их снова. На протяжении тысячелетий он обращался к ней на самых разных языках – он умолял ее, возносил ей молитвы, жаловался, делал ей признания, – и вот теперь он не в силах был вымолвить хотя бы слово. Он только мог смотреть на ее шевелящиеся чувственные губы, на сияние белоснежных клыков, видеть в ее глазах свет признания и узнавания, наблюдать, как мягко вздымается под золотым ожерельем ее разделенная соблазнительной ложбинкой грудь.

– Ты хорошо служил мне, – произнесла она. – Я благодарю тебя. – Голос у нее был низкий, чуть хриплый и очень красивый. Но эта интонация, эти слова… Почти то же самое он сказал несколько часов назад девушке в темном городском магазине!

Ее пальцы крепче сжали его плечо.

– Ах, Мариус, – вновь в точности имитируя его интонацию, продолжала она, – ты никогда не впадаешь в отчаяние и не теряешь надежду! Со своими глупыми мечтами ты ничем не лучше Лестата!

И снова его слова, обращенные им к самому себе на улице в Сан-Франциско! Да она просто издевается над ним!

Что он чувствовал в эти мгновения? Ужас? Или нена-

висть? Веками таившуюся в душе его ненависть, смешанную с негодованием и непомерной усталостью, с печалью, охватывающей его при воспоминании о своем утраченном человеческом сердце, ту ненависть, которая поднялась сейчас в нем с такой силой, о которой он даже не подозревал. Он не осмеливался пошевелиться, не смел вымолвить хотя бы слово. Ненависть была столь сильной, что он не мог в себя прийти от удивления. Она захватила его целиком, лишив способности контролировать ее и в то же время способности понять ее причины. Он не был в состоянии трезво мыслить.

Однако она все понимала. Сомневаться в этом не приходилось. Ей было известно все – его мысли, каждое его слово, каждый поступок. Именно это она и хотела ему сейчас сказать. Она всегда все знала, точнее, все то, что хотела знать. Знала она и то, что обезумевшее существо, стоявшее рядом с ней, не в состоянии себя защитить. Однако то, что, казалось бы, должно было стать мгновением триумфа, превратилось в мгновение ужаса!

Глядя на него, она тихо засмеялась. Он не в силах был слышать ее смех. Ему хотелось причинить ей боль. Ему хотелось уничтожить ее! Будь прокляты все ее чудовищные потомки! Пусть все мы погибнем вместе с ней! Если бы он только мог, он непременно бы ее уничтожил!

Ему показалось, что она кивнула, словно говоря ему, что ей все известно. Он воспринял это как чудовищное оскорбление. Он ничего не понимал. Еще мгновение – и он го-

тов расплакаться как ребенок. Совершена какая-то ужасная ошибка, извращение всех намерений.

– Мой дорогой служитель и подданный, – сказала она, и губы ее растянулись в слабой улыбке, – ты никогда не смог бы меня остановить.

– Чего ты хочешь? Что ты собираешься делать?

– Ты должен меня извинить, – ответила она со столь же убийственной вежливостью, с которой он сам недавно разговаривал с юнцом в задней комнате бара. – Мне пора идти.

Прежде чем вздрогнул и покачнулся пол, он услышал звук – душераздирающий скрежет разрываемого металла… Он падал… Экран телевизора взорвался, и тысячи мельчайших осколков острыми концами пронзили его плоть. Он закричал – совсем так же, как кричат смертные, и на этот раз он кричал от ужаса. Лед вокруг с грохотом ломался, и ледяные глыбы обрушивались на него.

– Акаша!

Он проваливался в глубочайшую расселину. Он постепенно погружался в обжигающий холод.

Ее уже не было, а он все продолжал падать. Обломки льда, кувыркаясь, падали на него, окружали со всех сторон, ломали ему кости ног, рук, лица, пока наконец окончательно не погребли под собой его тело. Он чувствовал, как по истерзанной коже течет и почти мгновенно замерзает кровь. Он не мог пошевелиться. Он не мог вздохнуть. Боль была совершенно невыносимой. И вновь перед его мысленным взором

на мгновение, как уже бывало прежде, возникли джунгли. Знойные зловонные джунгли. Видение тут же исчезло. Он закричал снова, на этот раз обращаясь к Лестату:

– Опасность, Лестат! Будь осторожен! Все мы в опасности!

Потом остались только холод и боль. Он терял сознание. К нему постепенно приходил сон, чудесный сон: он видел сияние жаркого солнца, освещавшего заросшую травой поляну. Благословенное солнце… сон захватил его полностью. И женщины… как прекрасны их рыжие волосы! Но что это? Что лежит там, на алтаре, под увядшими листьями?..

Часть 1
Дорога к вампиру Лестату

Соблазн увидеть смысл в картине мимолетной —
пчела, цепочка гор,
тень
от моей ноги.

Соблазн связать их с логикой Вселенной
блестящей нитью
чувства
и ума.

<…>

Соблазн надеяться, что в этом гобелене
смогу я различить отдельные стежки.
Увы! Я только их и вижу…
И все же глаз зоркий, сердце светлое
нам неспроста даны.

Стэн Райс «Четыре дня в другом городе»

1
Легенда о близнецах

В жестком ритме
описывай все,
что видишь.
Деталь за деталью,
без остановки.
Главное – ритм.
Женщина. Руки подняла.
Тьма отступает.

Стэн Райс «Элегия»

– Позвони ей от моего имени, – просил он, – скажи ей, что я видел очень странные сны, что мне снились близнецы. Ты должна позвонить ей!

Его дочери совсем не хотелось это делать. Она смотрела, как он с трудом справляется с книгой. Он теперь часто повторял, что руки стали его врагами. В девяносто один год он уже едва мог удержать карандаш или перевернуть страницу.

– Папа, – ответила она, – эта женщина, вполне вероятно, уже умерла.

Все, кого он когда-либо знал, умерли. Он пережил своих коллег, он пережил своих сестер и братьев и даже двоих из своих детей. Драма его состояла и в том, что он пережил и близнецов, ибо его книгу давно уже никто не читал. «Легенда о близнецах» никого больше не интересовала.

– И все же позвони ей, – настаивал он, – непременно позвони и скажи, что мне приснились близнецы, что я видел их во сне.

– Почему ты считаешь, что она захочет узнать об этом,

папа?

Дочь взяла в руки небольшую записную книжку и стала медленно листать ее. Все эти люди мертвы, давно мертвы… И те, кто участвовал вместе с ее отцом во множестве экспедиций, и издатели, и фотографы, помогавшие ему в работе над книгой. Даже его недруги, те, кто утверждал, что он впустую прожил жизнь, что все его исследования были напрасны и результат их нулевой, даже наиболее непримиримые враги, обвинявшие его в фальсификации рисунков и в том, что он лгал о существовании пещер, – хотя на самом деле он ничего подобного не делал, – все умерли.

Так почему должна по-прежнему быть жива та женщина? Та, которая финансировала его давние экспедиции, – богатая женщина, в течение многих лет посылавшая ему крупные суммы денег.

– Ты должна попросить ее приехать! Объясни ей, что это очень важно, что я должен рассказать ей о том, что видел!

Приехать? Проделать такой длинный путь до Рио-де-Жанейро только потому, что какому-то старику приснился странный сон? – Дочь наконец-то нашла нужную страницу. Вот! Имя и телефон этой женщины! И рядом дата – всего лишь двухгодичной давности.

– Она живет в Бангкоке, папа. – Интересно, сколько же сейчас времени в Бангкоке? Она не имела никакого понятия об этом.

– Она приедет ко мне! Я уверен, что она непременно при-

едет.

Он опустил веки и откинулся на подушку. Он казался теперь таким маленьким, высохшим и сморщенным! Но когда он вновь открыл глаза, она ощутила на себе привычный отцовский взгляд. Да, несмотря на морщинистую желтую кожу, темные пятна на тыльной стороне исхудавших рук, совершенно лысый череп, перед ней был ее отец!

Теперь он, казалось, прислушивается к звукам доносившейся из ее комнаты музыки, к тихому и мягкому голосу Вампира Лестата. Надо пойти и выключить звук, если музыка мешает ему спать. Она не была поклонницей американского рока, но этот певец ей очень нравился.

– Передай, что мне необходимо с ней поговорить, – словно вдруг очнувшись, произнес отец.

– Хорошо, папа, я сделаю так, как ты хочешь. – Она выключила лампу возле кровати. – А ты спи.

– Ищи ее, пока не найдешь. Скажи ей… близнецы! Я видел близнецов!

Она уже было вышла из комнаты, но он вдруг позвал ее обратно – эти внезапные, больше походившие на стоны крики всегда так пугали ее. В проникавшем из холла свете она могла увидеть, что он указывает на книжные полки у дальней стены.

– Достань ее мне, – попросил он, с усилием приподнимаясь и снова пытаясь сесть.

– Эту книгу, папа?

– Близнецов… рисунки…

Сняв с полки тяжелый старинный фолиант, она вложила его в руки отца. Потом приподняла подушки, помогла ему устроиться поудобнее и снова включила лампу возле кровати.

При мысли о том, каким же он стал теперь легким, у нее защемило сердце, ей было больно смотреть, каких усилий стоит ему попытка надеть очки в серебряной оправе. Он взял в руку карандаш, чтобы, как и всегда прежде, иметь его наготове при чтении и в случае необходимости что-то записать или сделать пометки, но тут же уронил его. Она успела подхватить карандаш на лету и положила обратно на столик.

– Иди и позвони ей! – сказал он.

Она согласно кивнула, но по-прежнему оставалась рядом с ним, чтобы в любой момент прийти ему на помощь. Доносившаяся из ее кабинета музыка стала громче – в ней слышалось больше металла, а голос певца был хриплым. Но отец, казалось, не обращал на эти звуки внимания. Она осторожно раскрыла перед ним книгу в том месте, где на развороте были помещены первые две цветные иллюстрации.

Как явственно помнила она эти рисунки! Прекрасно помнила и то, как, будучи еще маленькой девочкой, долго поднималась вместе с отцом по склону горы Кармел к пещере, а потом он вел ее в темноте по сухому пыльному проходу, чтобы поднять затем повыше фонарик и показать ей цветные рельефные изображения на стене.

– Вот, смотри! Ты видишь эти фигуры? Видишь двух рыжеволосых женщин?

При тусклом свете фонарика ей поначалу трудно было разобрать, что именно изображали эти едва заметные, нацарапанные не слишком умелой рукой линии. Гораздо легче было изучать потом фотографии, великолепно сделанные фотоаппаратом со вспышкой.

Навсегда останется в ее памяти день, когда отец впервые одно за другим показал ей все изображения, представлявшие собой маленькие сценки: близнецы танцуют под тонкими струйками дождя, льющимися из обозначенной неровной линией тучи; близнецы стоят на коленях по обе стороны алтарного камня, на котором лежит тело не то спящего, не то мертвого человека; близнецы захвачены в плен и стоят перед судьями и толпой озлобленных людей; близнецы спасаются бегством. Затем шли изображения, смысл которых из-за повреждений понять было невозможно, и, наконец, изображение только одной из сестер – она плачет, и слезы ее, льющиеся из глаз, нарисованы, как и сами глаза, тоненькими черточками.

Все эти изображения были нацарапаны на каменной стене пещеры и раскрашены разными красками: оранжевой – волосы, белой – одежды, зеленой – трава вокруг, а небо над их головами было голубым. С тех пор как в черной глубине пещеры кто-то создал все эти рисунки, прошло шесть тысяч лет.

Примерно такого же возраста были и почти идентичные изображения, обнаруженные в неглубоком скальном гроте высоко на склоне Уайна-Пикчу – практически в противоположной части света.

Она побывала там с отцом годом позже. Сначала они переправились через реку Урубамба, а потом совершили путешествие вверх по реке, пробираясь через джунгли Перу. И в конце концов она своими глазами увидела тех же двух женщин, нарисованных в удивительно похожей манере, хотя одинаковыми рисунки назвать было нельзя.

Там на гладкой стене были изображены уже знакомые сценки: струящийся с неба дождь, весело танцующие рыжеволосые близнецы. Мрачная сцена у алтаря была дополнена множеством деталей. Тело, лежавшее на камне, несомненно принадлежало женщине, а в руках близнецы держали крошечные, но очень тщательно нарисованные тарелки. За совершавшимся обрядом наблюдали солдаты с поднятыми мечами. Вот близнецы захвачены в плен и плачут. Затем шли сцены вражеского суда и побега. Было там и еще одно едва различимое, но все-таки вполне доступное для понимания изображение: близнецы держат младенца – маленький сверток с глазками-точечками и клочком рыжих волос; затем вновь появляются грозные солдаты, и сестры передают свое сокровище другим людям.

На последнем рисунке вновь только одна сестра. Вокруг нее зеленые заросли непроходимых джунглей, она словно в

поисках второй сестры простирает вперед руки, а рыжие волосы приклеены к стене запекшейся кровью.

Она хорошо помнила, в каком возбуждении пребывала в тот момент, как разделяла восторг отца, которому с помощью этих древних рисунков, скрытых в горных пещерах Палестины и Перу, удалось наконец-то разыскать близнецов, пусть и в разных концах света.

Он считал это величайшим, не сравнимым ни с каким другим историческим открытием. А спустя еще год в одном из музеев Берлина была обнаружена ваза с точно такими же рисунками: погребальный камень, коленопреклоненные фигуры перед ним и тарелки в их руках. Откуда взялся этот экспонат, никто не знал, никаких документов не было. Но какое это имело значение? Используя самые надежные научные методы датировки, удалось установить, что время создания этой вазы – 4000 год до нашей эры, а переведенная с древнешумерского языка надпись содержала так много значившие для них слова: «Легенда о близнецах».

Это открытие можно было считать наиважнейшим – оно стало своего рода обоснованием работы всей его жизни. Но так было только до того момента, когда он представил свое исследование на суд коллег.

Одни высмеяли его, другие просто проигнорировали его выводы. Никто не хотел поверить, что между Старым миром и Новым могла существовать такая тесная связь. Шесть тысяч лет! Невероятно! Они причислили его к лагерю чудаков

наравне с теми, кто не переставая твердил о существовании древних астронавтов, Атлантиды и погибшего царства Му.

Он спорил, читал лекции, пытался их убедить, уговаривал отправиться вместе с ним в путешествие и своими глазами увидеть пещеры. Он предъявлял им образцы красок, заключения самых авторитетных лабораторий, подробные описания растений, изображенных на рисунках, и даже белоснежных одежд близнецов.

Другой на его месте давно бы все бросил. Все университеты и общества отказались от сотрудничества с ним. У него не было денег даже на содержание детей. Чтобы заработать на кусок хлеба, он стал преподавать, а по вечерам писал письма во все музеи мира. Глиняная табличка с рисунками была обнаружена в музее в Манчестере, еще одна – в Лондоне, и на обеих можно было явственно видеть изображение близнецов! Он влез в долги и отправился туда, чтобы сфотографировать эти произведения искусства, а потом опубликовал материалы о них в малоизвестных изданиях. Он не прекращал свои исследования.

А потом появилась та женщина – странная, эксцентричная, с очень тихим голосом. Она внимательно выслушала его, просмотрела собранные им материалы и даже подарила ему древний папирус, найденный в начале века в Верхнем Египте и содержавший некоторые из уже знакомых ему рисунков, а также слова: «Легенда о близнецах».

– Я дарю его вам, – сказала она.

Позже она купила для него вазу из берлинского музея, а также найденные в Англии глиняные таблички.

Но больше всего ее интересовало открытие, сделанное им в Перу. Она предоставила ему неограниченный кредит, с тем чтобы он вернулся в Южную Америку и продолжил там свои исследования.

Год за годом в течение многих лет он обследовал пещеру за пещерой в надежде найти новые свидетельства, расспрашивал жителей окрестных деревень обо всех известных им древних легендах и сказаниях, он осмотрел все разрушенные города и храмы, даже христианские, пытаясь обнаружить там камни, взятые из языческих святилищ.

Однако проходили десятилетия, а все его поиски были безрезультатными.

В конце концов он потерпел полный крах. Даже она, женщина, многие годы бывшая его покровителем, посоветовала ему отказаться от дальнейших исследований. Ей не хотелось больше видеть, как он тратит на это оставшуюся жизнь. Она говорила, что следует предоставить дело более молодым. Но он и слушать не хотел об этом. «Легенда о близнецах» принадлежала ему – это было его открытие! Поэтому она продолжала выписывать ему чеки, а он продолжал свое дело до тех пор, пока старческая немощь не лишила его возможности подниматься в горы и прокладывать себе путь сквозь непроходимые джунгли.

В последние годы он лишь изредка читал лекции. Несмот-

ря на то что он демонстрировал на них вазу, древний папирус и глиняные таблички, ему не удавалось заинтересовать этой таинственной проблемой современных студентов. В конце концов, все эти предметы трудно было идентифицировать и с определенностью привязать к какой-либо конкретной эпохе. Что же касается пещер… едва ли кому-то удастся сейчас их обнаружить.

Однако необыкновенная женщина продолжала ему покровительствовать. Она купила для него дом в Рио, открыла кредит в банке, причем после его смерти деньги должны были перейти к его дочери. Именно благодаря ее деньгам дочь получила образование, она платила и за многое другое. Казалось странным, что они с отцом живут в таком комфорте. Создавалось впечатление, что в конце концов он сумел добиться успеха в своих исследованиях.

– Позвони ей, – снова попросил он. Все больше и больше волнуясь, он нервно гладил руками иллюстрации в книге. Дочь по-прежнему не двигалась с места, она продолжала стоять рядом с ним и из-за его плеча смотрела на изображение близнецов.

– Хорошо, папа, – наконец произнесла она и оставила его наедине с книгой.

Было уже далеко за полдень, когда назавтра она вошла в комнату, чтобы поцеловать его. Сиделка сказала, что он плакал как ребенок. Когда она слегка сжала его руку, он открыл

глаза.

– Теперь я знаю, что они с ними сделали, – заговорил он. – Я видел это! Они совершили кощунство! Святотатство!

Дочь постаралась успокоить его, сообщив, что сумела дозвониться до той женщины и она уже едет к нему.

– В Бангкоке ее не оказалось, папа, она отправилась в Бирму, в Рангун. Но я перезвонила ей туда, и она очень обрадовалась вестям от тебя. Она сказала, что выедет через несколько часов. Ей не терпится услышать о том, что ты видел во сне.

Его переполняло счастье. Она приедет! Он закрыл глаза и опустил голову на подушку.

– Как только стемнеет, сон вернется, – прошептал он. – Трагедия повторится сначала.

– Отдохни, папа, – ответила дочь. – Отдохни до ее приезда.

Он умер ночью. Когда утром дочь вошла к нему в комнату, тело уже успело остыть. Сиделка ждала ее распоряжений. Глаза его, полуприкрытые веками, как у всех покойников, были тусклы. Карандаш валялся на покрывале, а в правой руке у отца был зажат смятый клочок бумаги – форзац, вырванный из его драгоценной книги.

Она не плакала. На какое-то время она словно застыла и не в состоянии была что-либо делать. Перед ее глазами возникла освещенная лучом фонарика пещера в Палестине, и

она вновь услышала голос отца: «Ты видишь? Видишь двух женщин?»

Она с нежностью закрыла отцу глаза и поцеловала его в лоб. На клочке бумаги было что-то написано. Вытащив его из холодных, окоченевших пальцев, она прочла несколько написанных нетвердой рукой слов:

«В ДЖУНГЛЯХ – ОНА ИДЕТ».

Что бы это могло означать?

Пытаться вновь связаться с этой женщиной поздно. Вполне возможно, что вечером она будет уже здесь. И весь этот длинный путь…

Что ж, она отдаст ей этот клочок бумаги, если он, конечно, имеет для нее какое-то значение, и расскажет все, что говорил отец о близнецах.

2
Короткая и счастливая жизнь Беби Дженкс и Банды клыкастых

Убийцу-гамбургер
вот тут и подают.
Он тебя избавит
от ожиданья у ворот Небес
унылой, скучной смерти
и прикончит
на этом самом перекрестке.
Лук, майонез
и много, много мяса.
Ты выбрал сам,
тебя не принуждали.
«А-а, вот и он». —
«Смотри-ка, правда».

Стэн Райс «Техасская сюита»

Беби Дженкс прибавила скорость, и ее «харлей» помчался вперед со скоростью семьдесят миль в час. Обнаженные руки стыли от ледяного ветра. Прошлым летом, когда они сделали Беби одной из Мертвых, ей было четырнадцать лет, и сейчас в ней было максимум восемьдесят пять фунтов «мертвого веса». С того момента, когда *это* случилось, она ни разу не расчесывала волосы – в этом просто не было необходимо-

сти, – и теперь две светлые косички, поднятые порывом ветра, развевались над черной кожей куртки за ее спиной. Наклонившись вперед, скорчив недовольную гримасу и ворча что-то, она выглядела расстроенной и в то же время обманчиво привлекательной. Взгляд ее огромных голубых глаз не выражал ничего.

В наушниках оглушительно гремела музыка группы «Вампир Лестат», и потому она не слышала и не чувствовала ничего, кроме вибрации несущегося вперед огромного мотоцикла и невероятного одиночества, мучившего ее с тех самых пор, когда пять ночей тому назад она выехала из Ган-Баррел-Сити. Кроме этого, был еще странный сон, который ее очень беспокоил. Он снился ей каждую ночь, и каждый раз непосредственно перед тем моментом, когда она готова была открыть глаза.

Ей снились рыжеволосые близнецы, две очень красивые женщины, а потом начинали происходить все эти ужасные вещи. Нет, черт подери, ей все это совсем не нравилось, она чувствовала себя такой одинокой, что буквально сходила с ума.

Члены Банды клыкастых не встретили ее южнее Далласа, а ведь они обещали. Она прождала их возле кладбища целых две ночи и поняла, что случилось нечто ужасное. Действительно, что-то было не так. Они никогда не отправились бы в Калифорнию без нее. Они собирались посмотреть в Сан-Франциско выступление Вампира Лестата, но времени

до концерта было еще полно. Нет, определенно что-то случилось. В этом она не сомневалась.

Даже когда она была еще живой, Беби Дженкс могла чувствовать такого рода вещи, а теперь, когда она стала одной из Мертвых, эта ее способность многократно усилилась. Она уверена, что Банда клыкастых попала в большую беду. Киллер и Дэвис никогда бы ее не бросили. Киллер сказал, что любит ее. А иначе с чего бы он вдруг стал ее превращать? Если бы не любил? Да если бы не Киллер, она бы умерла там, в Детройте.

Она истекала кровью и умерла бы. И все из-за врача. Он избавил ее от ребенка, но ей суждено было умереть, потому что он что-то там перерезал внутри, а она настолько круто сидела на героине, что ей уже было все равно. А потом произошел этот забавный случай. Она вдруг взлетела и с высоты увидела собственное тело. И наркотики были здесь ни при чем. Она чувствовала, что должно случиться еще много всего интересного.

Она видела, как внизу в комнату вошел Киллер, и поняла, что он мертвец. Конечно же, она тогда и понятия не имела, как он сам себя называл, она только знала, что он не живой. Хотя, вообще-то, он ничем не отличался от обыкновенного парня. Черные джинсы, черные волосы, выразительные черные глаза. На спине его кожаной куртки была надпись: «Банда клыкастых». Он сел возле кровати и склонился над ее телом.

– Ну разве ты не миленькая, малышка? – произнес он. Те же чертовы слова произнес когда-то и сутенер, заставивший Беби заплести волосы в косу и закрепить пластмассовыми заколками, перед тем как отправить ее на улицу.

И вдруг – бац! Она вновь оказалась в собственном теле и почувствовала, что оно наполнено чем-то гораздо более теплым и приятным, чем героин.

– Ты не умрешь, Беби Дженкс, никогда не умрешь, – услышала она его голос.

Зубы ее вонзились в его шею, и – надо же! – это было так чудесно!

Но вот что касается «никогда»… Теперь она вовсе не была в этом уверена.

Перед тем как Беби, окончательно решив бросить Банду клыкастых, испарилась из Далласа, она видела обгоревший дочерна дом одной из общин на Суисс-авеню. В окнах не осталось ни одного стекла. То же самое было и в Оклахома-Сити. Хотелось бы знать, какого черта и что сталось со всеми обитавшими там ребятами из племени Мертвых. Ведь все они тоже были кровопийцами из большого города, ловкими малыми, называвшими себя вампирами.

Ее разобрал смех, когда Киллер и Дэвис рассказали ей о том, что эти Мертвецы разгуливают в костюмах-тройках, слушают классическую музыку и величают себя вампирами. Да она чуть не умерла от хохота. Дэвису это тоже казалось смешным, но Киллер велел ей быть с ними поосторожнее.

Он посоветовал держаться от них подальше.

Прежде чем она бросила их и отправилась в Ган-Баррел-Сити, Киллер, Дэвис, Тим и Расс показали ей дом общины на Суисс-авеню.

– Ты должна всегда знать, где он находится, – сказал Дэвис. – И держаться от него подальше.

В каждом городе, куда им приходилось залетать, они ей показывали принадлежащие общинам дома. А все подробности они рассказали ей еще тогда, когда показали самый первый такой дом в Сент-Луисе.

С тех пор как она вместе с Бандой уехала из Детройта, она чувствовала себя совершенно счастливой. Они выманивали людей из придорожных забегаловок и таким образом добывали себе пропитание. Тим и Расс были вполне клевыми ребятами, но особенно близко она дружила с главарями Банды клыкастых – Киллером и Дэвисом.

Время от времени они отправлялись в какой-нибудь городишко и находили там убогую лачугу, в которой обитала парочка нищих бездельников или кто-нибудь в этом роде. Эти люди обычно носили фуражки, руки их загрубели от работы и были покрыты мозолями, и они очень походили на ее отца. В такие дни члены Банды могли позволить себе закатить настоящий пир. Киллер говорил ей, что они всегда могут обеспечить себе приличное существование за счет таких вот людей, потому что никого по большому счету не волнует, что с ними произойдет, никому нет до них дела. Нападение их

было всегда стремительным, они быстро выпивали из этих людишек кровь до последней капли, пока сердце не переставало биться. Киллер говорил, что в мучениях людей нет ничего веселого, что следует относиться к ним с сочувствием, жалеть их. Но что сделано, то сделано, а после следует сжечь хижину или вытащить тела на улицу, выкопать глубокую яму и похоронить их как положено. А если нет возможности сделать ни то ни другое, следует поступить так: разрезать себе палец и капнуть своей мертвой кровью на ранку, оставшуюся после укуса. В этом случае, говорил он, ранка исчезнет буквально на глазах. Здорово! Никто никогда ни о чем не догадается. Все будет выглядеть так, как будто человек умер от сердечного приступа или инсульта.

Беби Дженкс чувствовала себя просто великолепно. Она без труда справлялась с огромным «харлеем», могла одной рукой поднять и нести мертвое тело, с ходу перепрыгнуть через капот автомобиля. Жизнь казалась ей фантастической! И главное, тогда не было еще этого проклятого сна! Он появился только в Ган-Баррел-Сити – там она впервые увидела рыжеволосых близнецов и тело женщины, лежавшее на алтаре. Что же они делали?

И что станет делать она, если не удастся разыскать Банду клыкастых? Еще две ночи, и в Калифорнии состоится концерт Вампира Лестата. Все мертвецы мира будут на нем, так, во всяком случае, она считала. То же самое думали и остальные члены Банды клыкастых – вот почему они тоже все вме-

сте собирались быть на этом концерте. Так какого же дьявола она сейчас делает, отколовшись от Банды и направляясь в захолустный городишко под названием Сент-Луис?

Черт побери, теперь она мечтала лишь о том, чтобы все вновь было как прежде! Да-а, кровь, конечно, хороша, просто конфетка, даже несмотря на то, что сейчас, когда она осталась одна, ей приходится ради нее из кожи вон лезть, ну вот как сегодня, например, на той заправочной станции, – не так-то просто было заманить в тихий уголок этого малого… Зато какой кайф она испытала, почувствовав, как напряглось под ее пальцами его горло, и ощутив на губах вкус теплой крови! Потрясающе! Ни одно из любимых блюд – будь то гамбургер или картофель фри, клубничный коктейль, пиво или мороженое с шоколадом – не идет с этим ни в какое сравнение. Это героин, кокаин и гашиш, вместе взятые! Это лучше, чем самый лучший секс в мире! Да что там! В этом ощущении сливаются воедино все радости мира!

И все же с Бандой клыкастых ей жилось гораздо легче. Они-то ее прекрасно поняли, когда она заявила, что устала от потрепанных старых мужиков и что ей хочется теперь чего-нибудь молоденького и нежненького. Никаких проблем. Послушайте, ей нужен какой-нибудь славный парнишка, сбежавший из дома, сказал Киллер. Достаточно просто закрыть глаза и загадать желание. И вот, пожалуйста, они нашли его, паренька по имени Паркер, – он голосовал на шоссе, в пяти милях от какого-то городка в Северном Мис-

сури. Хорошенький двенадцатилетний мальчик с длинными лохматыми черными волосами, очень высокий для своего возраста, с уже пробивающейся на подбородке растительностью, изо всех сил старающийся сойти за шестнадцатилетнего. Он взгромоздился на ее мотоцикл, и они отвезли его в лес. Там Беби Дженкс легла с малышом, приласкала его, и… с Паркером было покончено.

Это было восхитительно, можно сказать, сочно. Однако она так и не смогла решить, лучше ли это, чем когда имеешь дело с мерзкими старыми мужиками. С ними все происходит как-то живее. Добрая старая кровь, как говорил Дэвис.

Дэвис был черным Мертвецом, и, по мнению Беби Дженкс, чертовски симпатичным черным Мертвецом. Кожа у него отсвечивала золотом – у белых Мертвецов кожа выглядит так, словно они постоянно торчат под флуоресцентной лампой. А еще у Дэвиса были потрясающей красоты ресницы – невероятно длинные и густые, и к тому же он нацеплял на себя все золото, какое только попадалось ему под руку. Он снимал со своих жертв золотые кольца, часы, цепочки и всякие другие побрякушки.

Дэвис любил танцевать. Они все любили танцевать. Но Дэвис мог перетанцевать любого из них. Танцы они устраивали на кладбищах, приходили туда, как правило, часа в три ночи – к тому времени все успевали насытиться, похоронить покойников и переделать еще кучу разных дел. Водрузив на могильную плиту магнитолу, они врубали на полную катуш-

ку звук и слушали Вампира Лестата. Лучше всего было танцевать под песню «Великий шабаш». Как же это здорово, ребята, крутиться, извиваться, взлетать высоко в воздух или просто наблюдать за тем, как двигается Дэвис, как двигается Киллер, как кружится Расс, пока не падает на землю. Да, это танцы настоящих Мертвецов!

И если кровососы из больших городов не в состоянии это понять, то они все просто психи.

Господи, как хочется рассказать Дэвису про сон, который преследует ее с Ган-Баррел-Сити. В первый раз он приснился ей, когда она сидела и ждала в трейлере матери, – и она просто обалдела. Он был слишком явственным, чтобы быть сном, – эти две женщины с рыжими волосами и тело с почерневшей и вроде бы даже потрескавшейся кожей. Что же, черт побери, там лежало на тарелках? Ну да, на одной – сердце, и на другой – мозг. Господи! Все эти люди, стоявшие на коленях вокруг тела и тарелок… Просто ужас какой-то! И с тех пор он снится ей снова и снова. Черт, она видит его каждый раз. Стоит ей только закрыть глаза, и он возвращается снова, перед тем как она собирается вылезти из укрытия, в котором пряталась от дневного света.

Киллер и Дэвис поняли бы. Они наверняка догадались бы о том, что он означает. Они хотели научить ее всему.

Когда по дороге на юг Банда клыкастых впервые оказалась в Сент-Луисе, они свернули с бульвара на одну из широких темных улиц с железными воротами. «Частное вла-

дение» – так это называется в Сент-Луисе. Ей сказали, что это Центральный Вест-Энд. Беби Дженкс очень понравились большие деревья – на юге Техаса больших деревьев мало. Впрочем, а чего на юге Техаса много? Здесь же деревья такие огромные, что ветки их наверху сплетаются и получается нечто вроде крыши. На всех улицах под ногами шуршат листья, и в больших домах под остроконечными крышами светятся огни. Дом общины был кирпичным и украшен… арками в мавританском стиле – так, кажется, сказал Киллер.

– Не подходите близко, – сказал Дэвис.

А Киллер только рассмеялся. Киллер не боялся Мертвецов из большого города. Он старый – его создали шестьдесят лет назад. Он знал все.

– А вот тебя, Беби Дженкс, они постараются обидеть, – сказал он, отводя «харлей» чуть дальше по улице. Лицо его было длинным и узким, выражение маленьких глаз – задумчивым, а в ухе сверкала золотая серьга. – Понимаешь, это очень старая община, она появилась в Сент-Луисе еще в самом начале века.

– А с какой это радости они станут нас обижать? – спросила Беби Дженкс.

Ее действительно очень интересовал этот дом. И чем занимаются те Мертвецы, которые живут в домах. Какая у них мебель? А самое главное, кто же, ради всего святого, оплачивает их счета?

В одной из выходящих окнами на улицу комнат ей уда-

лось разглядеть за занавесками люстру. Огромную шикарную люстру. Ну, ребята, вот это жизнь!

– Да, все это у них есть, – сказал Дэвис, читая ее мысли. – Будь уверена, соседи считают их самыми обыкновенными людьми. Посмотри на ту машину на аллее – знаешь, что это? Это «бугатти», детка. А рядом – «мерседес-бенц».

А чем, интересно, хуже розовый «кадиллак»? Ей хочется иметь именно такой – огромную машину с газовым двигателем и с откидным верхом, из которой на прямой трассе можно выжимать до ста двадцати. Именно из-за этого чертова «кадиллака» начались все ее беды, из-за него она оказалась в Детройте. Но если ты Мертвец, это еще не значит, что ты должен гонять только на «харлее» и спать в грязи.

– Зато мы свободны, дорогуша, – сказал Дэвис, опять прочитавший ее мысли. – Разве ты не понимаешь? Жизнь в большом городе тащит за собой много всякой ерунды. Объясни ей, Киллер. Меня в такой дом ни за что не заманишь! Вот еще, стану я спать в ящике под полом!

Он расхохотался. И Киллер расхохотался. Она хохотала вместе с ними. И все-таки ей было очень любопытно: как у них там, в этом чертовом доме? Они, наверное, смотрят всякие ночные шоу и вампирские фильмы? Дэвис буквально по земле катался.

– Понимаешь, Беби Дженкс, – стал объяснять Киллер, – они считают всех нас придурками и хотят, чтобы все было у них под контролем. А мы, по их мнению, не имеем права на-

зываться Мертвецами. Они, например, устраивают большую церемонию в честь создания каждого нового вампира. Это у них так называется.

– Церемония вроде свадебной?

– Не совсем, – сказал Киллер, и они с Дэвисом снова захохотали. – Больше похоже на похороны.

Что-то они уж очень разошлись. Мертвецы в доме наверняка их услышат. Но Киллер не боялся, а стало быть, и Беби Дженкс бояться нечего. А куда это подевались Расс и Тим? На охоту, что ли, ушли?

– Дело в том, Беби Дженкс, – продолжал объяснять Киллер, – что у них существуют все эти правила и они им следуют. Ты разве не знаешь? Они ведь повсюду твердят, что собираются прикончить Вампира Лестата в ночь концерта. А при этом, представь себе, читают его книгу как Библию. Они пользуются его словечками – Темный Дар, Обряд Тьмы, ну и все такое, – и знаешь, я в жизни не видел ничего более тупого, но они собираются спалить этого парня на костре, а потом использовать его книгу, словно это книги Эмили Пост или Мисс Мэннерз…

– Да им никогда не справиться с Лестатом, – хмыкнул Дэвис. – Ни за что в жизни. Любому идиоту ясно, что убить Вампира Лестата невозможно. Пытались уже некоторые, да не вышло. Он же бессмертен – какие могут быть сомнения?

– Они, черт бы их побрал, едут туда же, куда и мы, – сказал Киллер, – и цель у них та же – присоединиться к парню, если

он сам того захочет.

Беби Дженкс ничего не поняла. Она и понятия не имела, кто такие Эмили Пост и Мисс Мэннерз. И разве не предполагается, что мы все бессмертны? И с какой это радости Вампиру Лестату вдруг захочется иметь дело с Бандой клыкастых? Да бог с вами! Он же рок-звезда. У него, наверное, даже собственный лимузин имеется. А уж выглядит он… Живой он там или Мертвый, но такого красавчика еще поискать! Да за одни только его светлые волосы умереть можно, а улыбнется – хочется по полу кататься и подставить ему для укуса свою чертову шею!

Она пробовала читать книгу Вампира Лестата – там он описывает всю историю Мертвецов начиная с самых древних времен, ну и все такое, – но там было столько непонятных слов, что она тут же начинала клевать носом и засыпала.

Киллер и Дэвис говорили, что теперь, стоит ей только захотеть, и она увидит, как хорошо будет читать. У каждого из них было по книге Вампира Лестата, и они повсюду таскали их с собой – эту, да еще и ту, первую, название которой она никак не могла запомнить, – не то «Беседы с вампиром», не то «Разговор с вампиром», не то «Навстречу вампиру», не то как-то еще в том же духе. Дэвис иногда вслух читал из нее куски, но Беби Дженкс никак не могла врубиться – ерунда какая-то. Тот Мертвец, Луи или как его там, был создан еще в Новом Орлеане, и в книге полно было всякой белиберды про банановые листья, железные перила и испанский мох.

– Старые европейцы, Беби Дженкс, знают все и обо всем, – сказал Дэвис. – Им известно, как все это началось, известно, что мы можем жить долго, очень долго, до тысячи лет, и в конце концов превратиться в белый мрамор.

– Это просто потрясающе, Дэвис! – воскликнула Беби Дженкс. – Мало того, что я и сейчас-то не могу зайти в какой-нибудь чертов ярко освещенный супермаркет, без того чтобы на меня кто-нибудь да не уставился. Так еще и это. Кому захочется выглядеть как белый мрамор?

– Беби Дженкс, ты больше не нуждаешься ни в каких супермаркетах, – спокойно ответил Дэвис. Но он прекрасно понял, о чем речь.

Да ну их, эти книги. Что ей действительно нравилось, так это музыка Вампира Лестата, она до сих пор балдеет от его песен, особенно от одной – про Тех, Кого Следует Оберегать, про царя и царицу Египта, – хотя, если честно, она совершенно не понимала, о чем там идет речь. Спасибо, Киллер объяснил:

– Это предки всех вампиров, Беби Дженкс, Мать и Отец. Понимаешь, все мы связаны одной кровью, и эта ниточка не прерывается, а исходит она от царя и царицы Древнего Египта – это их называют Те, Кого Следует Оберегать. А их следует оберегать по той простой причине, что если уничтожить их, то погибнем и все мы.

Его объяснение показалось Беби Дженкс полнейшей чушью.

– Лестат видел Мать и Отца, – сказал Дэвис. – Их прятали на каком-то греческом острове, а он их там нашел и теперь точно знает, что все так и есть. Вот он и рассказывает всем об этом в своих песнях – и в них все правда.

– А Мать и Отец не двигаются, не говорят и не пьют кровь, Беби Дженкс, – добавил Киллер. Он казался до жути задумчивым, даже, можно сказать, печальным. – Они просто сидят, уставившись прямо перед собой, – и так уже несколько тысяч лет. Никто не знает, что им известно.

– А может, им вообще ничего не известно, – проворчала Беби Дженкс. – Слушай, а если это один из видов бессмертия? И что ты имел в виду, сказав, что Мертвецы из большого города готовы всех нас поубивать? Как же тогда они это сделают?

– Огонь и солнце могут сделать это всегда, Беби Дженкс, – ответил Киллер. Похоже, он уже начинал терять терпение. – Я тебе говорил. И постарайся запомнить то, что я тебе сейчас скажу: тебе никто не может запретить драться с Мертвецами из большого города. Ты крутая. Мертвецы из большого города боятся тебя не меньше, чем ты их. А потому бей любого незнакомого Мертвеца, и дело с концом. Этому правилу следуют все Мертвецы.

Когда они ушли от дома общины, Киллер преподнес ей еще один потрясающий сюрприз: рассказал о вампирских барах. Огромные дорогие заведения в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Новом Орлеане, где в задних комнатах встре-

чаются Мертвецы, в то время как в главном зале пьют и танцуют все эти чертовы глупенькие людишки. Пока ты находишься там, тебя не может уничтожить ни один Мертвец, будь то городской бандит, европеец или придурок вроде нас.

– Если за тобой будет гнаться кто-нибудь из городских Мертвецов, – поучал ее Киллер, – беги в один из таких баров.

– Мала я еще по барам шляться, – заявила Беби Дженкс.

Этим она их доконала. Киллер и Дэвис хохотали до колик в желудке. Они буквально с мотоциклов попадали.

– Как только найдешь вампирский бар, Беби Дженкс, – сказал Киллер, – ты просто посмотри на них Поганым взглядом и скажи: «Впустите меня».

Ну да, конечно, ей уже приходилось смотреть на людей Поганым взглядом, и они делали все, как ей хотелось. Срабатывало. Честно говоря, им еще нигде не попадались вампирские бары. Они только слышали про них, а вот где они – не знали. Когда они уезжали из Сент-Луиса, у нее была куча вопросов.

И вот теперь, когда она направлялась на север, в тот же самый город, ее единственным желанием было отыскать этот чертов дом общины и заявиться туда: «Привет, Мертвецы из большого города! А вот и я!» Если она и дальше будет оставаться в одиночестве, она просто сойдет с ума.

Музыка в наушниках смолкла. Пленка закончилась. Она не в силах выносить тишину, когда вокруг ревет ветер. Сон вернулся, и вновь она увидела близнецов, увидела, как под-

ходят солдаты. Господи! Если ей не удастся немедленно прекратить это, мерзкий сон будет повторяться снова и снова, как запись на пленке.

Удерживая руль мотоцикла одной рукой, другой она полезла за пазуху, открыла маленький плеер и перевернула кассету.

– Давай, парень, пой! – крикнула она. В шуме ветра она едва могла расслышать собственный голос, и он показался ей слишком уж пронзительным и тонким.

Что можем знать мы о Тех,
Кого Следует Оберегать?
Нас не спасут объяснения.

Да, эту песню она любила. Именно под нее она заснула в Ган-Баррел-Сити, когда ждала с работы мать. Ей нравились не слова, а то, как он пел – ревел в микрофон не хуже самого Брюса Спрингстина, да так, что сердце разрывалось.

Это был своего рода гимн. Музыка какая-то такая, ну, как у гимна, но в самом центре этой музыки был Лестат, и он пел для нее, а барабанный ритм так просто до костей пробирал.

– О'кей, парень, о'кей, ты единственный чертов Мертвец, который у меня остался. Так пой же, Лестат, пой!

До Сент-Луиса осталось ехать каких-нибудь пять минут, и надо же, она опять вспоминает мать, как странно все это было и как плохо.

Зачем она поехала домой, Беби Дженкс не сказала даже

Киллеру с Дэвисом, хотя они, конечно, и сами знали, они все понимали.

Беби Дженкс должна была сделать это, должна была разобраться с родителями, прежде чем Банда клыкастых отправится на Запад. Даже сейчас она ни о чем не жалела. За исключением разве что того странного момента, когда ее мать умирала там, на полу.

Все дело в том, что Беби Дженкс всегда ненавидела свою мать. Она считала ее полной идиоткой, которая изо дня в день делает кресты из розовых раковин и кусков стекла, а потом продает их по десять долларов на блошином рынке в Ган-Баррел-Сити. К тому же эти крестики с маленькими скрученными Иисусиками посередине, сварганенными из крохотных красных и синих бусинок и прочей дряни, были жутко уродливыми, ну, в общем, полное барахло.

Но Беби Дженкс бесилась не только из-за этого – ее выводило из себя абсолютно все, что делала мать. Мало того что она таскалась в церковь, так еще и разговаривала со всеми этаким сладеньким голоском, мирилась с пьянством мужа и в жизни своей ни о ком плохого слова не сказала.

Беби Дженкс всякими там словечками не проймешь. Лежа на своей койке в трейлере, она не раз гадала, есть ли вообще на свете что-то такое, что способно взбесить эту женщину. Когда же она все-таки взорвется, как кусок динамита? Или она просто слишком тупая? Уже несколько лет мать не смотрит Беби Дженкс в глаза. Когда Беби Дженкс было две-

надцать, она пришла и сказала: «Тебе ведь известно, что я уже сделала это, да? Надеюсь, ты не думаешь, что я все еще девственница». Мать побледнела и отвернулась, уставясь в пространство своими большими, пустыми, без всякого выражения глазами, а потом снова принялась за работу, тихо напевая, – она всегда так пела, когда делала эти проклятые кресты из ракушек.

Однажды какой-то деятель из большого города сказал матери, что она создает настоящие произведения народного искусства.

«Да как ты не понимаешь, они же просто издеваются над тобой! – сказала ей тогда Беби Дженкс. – Разве сами они купили хоть одну твою уродскую поделку? Хочешь, я скажу тебе, на что они больше похожи? На такие огромные сережки из лавки, торгующей дешевыми шмотками, – вот на что!»

Так она даже спорить не стала. Просто подставила другую щеку: «Ты будешь ужинать, милая?»

Это все равно как открыть и закрыть ящик, определила для себя Беби Дженкс. Так что она выехала из Далласа рано, меньше чем через час добралась до озера Седар-Крик и наконец увидела знакомый указатель, обозначающий границу милого, маленького, старого родного города:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГАН-БАРРЕЛ-СИТИ.
МЫ СТРЕЛЯЕМ ВМЕСТЕ С ВАМИ».

Добравшись до дома, она спрятала «харлей» позади трейлера. Дома никого не было, и она прилегла вздремнуть. В на-

ушниках звучал голос Лестата, а рядом лежал наготове паровой утюг. Как только мать войдет, она ее – трам-тарарам, прощайте, мадам, – утюгом и прикончит.

И тут ей привиделся этот сон. Но ведь когда он начался, она еще не спала! Голос Лестата словно затих, а сон овладел ею и…

Она оказалась в каком-то ярком, солнечном месте. Это была поляна на склоне горы. И там же оказались эти самые близнецы: красивые женщины с мягкими вьющимися рыжими волосами, сложив руки, стояли на коленях, как ангелы в церкви. Их окружало множество людей – в длинных одеждах, как в Библии. А еще была музыка – медленный ритм барабанов, от которого мурашки по коже бегали, и звуки рога. Все это выглядело очень мрачно. Но самое ужасное – это мертвое тело на каменной плите, обгорелое тело женщины. Впечатление было такое, как будто ее там и поджарили! А на тарелках были разложены жирное блестящее сердце и мозги. Да-да, именно так – сердце и мозги.

Беби Дженкс в ужасе проснулась. К черту! На пороге стояла ее мать. Беби Дженкс вскочила и принялась колошматить ее паровым утюгом; она остановилась, лишь когда мать перестала двигаться. Голову ей она таки проломила. Мать должна была уже помереть, но все никак не умирала, а потом произошло нечто из ряда вон выходящее.

Мать, едва живая, лежала на полу, уставясь перед собой, – точно так же будет потом лежать и папаша. А Беби Дженкс,

облокотившись, сидела в кресле, перекинув джинсовую ногу через подлокотник и крутя в пальцах косичку… Она ждала и вспоминала о близнецах из сна, о мертвом теле и о том, что лежало на тарелках, – к чему бы все это? Но прежде всего она ждала. «Ну же, умирай поскорее, тупица! Умирай! Я не собираюсь бить тебя снова!»

Даже сейчас Беби Дженкс так до конца и не понимала, что случилось. Как будто бы мысли ее матери вдруг стали другими – расширились, разрослись. Может, она летала под потолком, примерно как Беби Дженкс, когда чуть не умерла, а Киллер ее спас. Но в любом случае мысли эти были удивительные. На редкость удивительные. Словно бы ее мать все знала! О том, что плохо и что хорошо, как важно любить, по-настоящему любить, и о том, что это нечто намного большее, чем все эти правила типа «не пей», «не кури», «молись Иисусу». Это тебе не проповедь. Это что-то невероятно огромное.

Лежа вот так, ее мать думала, что недостаток любви в ее дочери, Беби Дженкс, был столь же ужасен, как те плохие гены, которые превратили ее в слепую калеку. Но это не имеет значения. Все будет в порядке. Беби Дженкс выберется из всего того, что сейчас происходит, как чуть было не выбралась как раз перед тем, как попасть в лапы этого Киллера. И будет понимать все намного лучше. Что, черт побери, все это могло значить? Что-нибудь вроде того, будто все вокруг – часть одного большого целого: ворсинки ковра, листья за окном, капающая из крана вода, облака, несущиеся над

озером Седар-Крик, голые деревья… И что все вокруг вовсе не такое уродливое, как считала Беби Дженкс. Нет, все это чересчур уж красиво, просто описать нельзя. И мать Беби Дженкс всегда это понимала! Ей виделось все именно так! Мать Беби Дженкс все прощала Беби Дженкс: «Бедная Беби Дженкс! Она не понимает! Не понимает прелести зеленой травы. Не понимает, как красиво сияют морские раковины в свете лампы».

Потом мать Беби Дженкс умерла. Слава богу! Хватит! Но Беби Дженкс плакала. Потом она вынесла тело и закопала его позади трейлера, очень глубоко, осознавая при этом, как же здорово быть одной из Мертвых и обладать такой силой, которая позволяет запросто поднимать тяжелые, полные мокрой земли лопаты.

А потом вернулся домой отец. Вот уж с этим-то она повеселится! Она похоронила его заживо. Она никогда не забудет выражение его физиономии, когда он вошел в дверь и увидел в ее руках пожарный топорик.

– Да чтоб мне провалиться, если это не Лиззи Борден!

Что это еще за Лиззи Борден такая?

Она не забудет, как у него вдруг отвалилась челюсть, он замахнулся на нее кулаком; он был так в себе уверен!

– Ах ты, мерзавка сопливая!

Она раскроила его чертов лоб пополам. И это был самый потрясающий момент – когда она почувствовала, как разваливается череп.

– Падай, ублюдок!!!

А еще было так приятно лопату за лопатой швырять землю ему на морду и видеть, что глаза его все еще открыты и он смотрит прямо на нее. Парализованный, не в силах пошевелиться, он, наверное, воображал себя ребенком на ферме в Нью-Мексико или что-то в этом роде. Какой-то детский лепет. «Сукин сын, у тебя всегда в мозгах было дерьмо. А теперь я чувствую, как оно воняет!»

И все-таки какого черта она туда поехала? Почему не осталась с Бандой клыкастых?

Если бы она от них не откололась, то была бы сейчас с ними в Сан-Франциско, рядом с Киллером и Дэвисом, и дожидалась бы возможности увидеть Лестата на сцене. Возможно, им удалось бы отыскать вампирский бар или еще что-нибудь в том же духе. Конечно, в том случае, если бы им вообще повезло туда добраться. Если бы не происходило что-то действительно очень нехорошее.

А какого дьявола она теперь тащится назад? Может, ей следует двигаться на запад? Ведь всего две ночи осталось.

Черт, может, повезет и в ночь концерта она раздобудет номер в мотеле, чтобы посмотреть его хотя бы по телевизору? Но прежде всего необходимо разыскать Мертвецов в Сент-Луисе. Она не хочет и дальше оставаться в одиночестве.

Как же найти этот Центральный Вест-Энд? Где это?

Бульвар показался ей знакомым. Она рванула вперед, молясь, как бы за ней не погнался какой-нибудь коп – из тех,

что вечно суются не в свое дело. Она от него удерет, в этом и сомнений быть не может, она уже не раз удирала, хотя всегда мечтала встретиться хоть с одним таким проклятым сукиным сыном на пустынной улочке. Если честно, то сейчас ей вовсе не хотелось оказаться выдворенной из Сент-Луиса.

Вот это уже что-то знакомое. Да это же и есть Центральный Вест-Энд, или как там его; она свернула направо и поехала по старой улице с огромными густыми деревьями. Зеленая трава и облака заставили ее вновь вспомнить о матери. Она даже всхлипнула.

Если бы только она не чувствовала себя такой чертовски одинокой! И тут она увидела ворота, – конечно же, это та самая улица. Киллер говорил ей, что Мертвецы никогда ничего не забывают. Что ее мозг превратится в этакий маленький компьютер. Может, все так и есть. Это те самые ворота – громадные металлические, настежь распахнутые ворота, увитые темно-зеленым плющом. Похоже, они никогда не запирают свое «частное владение».

Она сбросила скорость до минимума, а потом и вовсе заглушила мотор. Слишком от него много шума, особенно на этой темной аллее с ее шикарными особняками. А вдруг какая-нибудь стерва возьмет да и вызовет полицию. Пришлось слезть с мотоцикла и вести его вручную. У нее не такие длинные ноги, чтобы воспользоваться другим способом. Ничего, все нормально. Ей нравилось ступать по толстому слою опавших листьев. Ей нравилась эта тихая улица.

«Да, ребята, будь я вампиром из большого города, я бы тоже поселилась именно здесь», – подумала она. Чуть позже она наконец увидела в дальнем конце улицы дом общины, его кирпичные стены и белые арки в мавританском стиле. И сердце ее забилось так, что казалось, вот-вот выскочит из груди.

Спалили!

В первый момент она глазам своим не поверила. Но потом пригляделась и поняла, что все так и есть: черные полосы на кирпичах, окна повылетали, ни единого целого стеклышка не осталось. Господи боже! Она сейчас просто с ума сойдет. Прикусив до крови губу, она подвела мотоцикл поближе. Нет, вы только взгляните на это! Кто и какого дьявола все это делает? По всей лужайке и даже на деревьях сверкают осколки стекол – они такие мелкие, что люди, может быть, их и не видят. Выглядит все это как кошмарное рождественское украшение. И пахнет горелым деревом. Просто все вокруг пропитано этой вонью.

Она готова была разрыдаться! Она готова была завизжать! Но вдруг до нее донесся какой-то звук. Даже не настоящий звук, а то, к чему научил ее прислушиваться Киллер. Там, внутри, Мертвец!

Она не могла поверить своему счастью. Надо идти в дом! И ей наплевать на то, что может произойти. Ну да, там кто-то есть. Присутствие едва ощущалось. Громко шурша опавшими листьями, она прошла еще несколько футов вперед.

Света нет, но внутри кто-то шевелится, и этот кто-то знает, что она идет. Беби Дженкс отчаянно хотела войти в дом, но пока она стояла, дрожа от страха и слыша, как оглушительно ухает в груди сердце, на пороге кто-то появился. Мертвец! Он смотрел прямо на нее.

Слава тебе господи! И не какая-нибудь старая развалина в костюме-тройке. Нет, это молодой парень, и он был, наверное, всего на пару лет старше ее, когда с ним это сделали, а уж выглядел он просто потрясающе. Во-первых, у него были серебряные волосы, великолепные, коротко стриженные, вьющиеся седые волосы, – молодые люди с такими волосами всегда смотрятся шикарно. Во-вторых, он высокий, футов шести, стройный и очень элегантный. Кожа его была такой ослепительно-белой, что казалось, будто она изо льда. Темно-коричневый свитер с высоким воротником обтягивал широкую грудь, а уж коричневого цвета кожа, из которой были сшиты его штаны и куртка, не чета байкерской. Настоящий босс, круче любого Мертвеца из Банды клыкастых.

– Заходи в дом! – прошипел он. – Быстрее!

Она буквально взлетела по ступенькам. От все еще летавшего в воздухе пепла у нее защипало глаза, и она закашлялась. Половина крыльца обвалилась. Она осторожно прошла в холл. Лестница частично уцелела, но вместо крыши зияла огромная дыра. Люстра рухнула на пол, разбилась и вся была покрыта сажей. Ну просто настоящий дом с привидениями!

Мертвец был уже в гостиной, точнее, в том, что от нее

осталось, и расшвыривал в стороны обгоревшие куски мебели и других вещей. Впечатление было такое, что он просто в ярости.

– Ты ведь Беби Дженкс? – спросил он и изобразил на лице подобие слабой улыбки, открыв при этом ряд жемчужных зубов с четко выделяющимися небольшими клыками и сверкнув в ее сторону серыми глазами. – Ты потерялась?

Ну вот, еще один чертов телепат вроде Дэвиса. Да у него еще и иностранный акцент.

– А если и так, то что? – сказала она. И самое странное, что она поймала его имя, как если бы он бросил ей мячик: Лоран. Классное имечко, звучит на французский манер.

– Стой на месте, Беби Дженкс, – сказал он. Акцент тоже похож на французский. – В этой общине были трое, от двоих остался лишь пепел. Полиция не в состоянии обнаружить их останки, но ты их почувствуешь, если наступишь, и тебе это не понравится.

Господи! Да ведь он правду говорит, а вовсе не чепуху – вон там, у стены, лежит один из них; правда, впечатление такое, как будто валяется полусгоревший костюм, сохраняющий некое подобие человеческой формы, но она безошибочно поняла по запаху, что в одежде был Мертвец; теперь же остались только рукава, штанины и ботинки. Посередине виднеется серая кучка чего-то больше похожего на смесь жира и порошка, чем на пепел. Манжеты рубашки по-прежнему аккуратно выглядывают из рукавов пиджака. Забавно.

Ее подташнивало. Разве Мертвецов может тошнить? Ей хотелось поскорее выбраться отсюда. А что, если тот, кто это сделал, вернется? Бессмертные! Держи карман шире!

– Не двигайся, – приказал Мертвец, – и мы, как только сможем, уйдем отсюда вдвоем.

– Хорошо бы прямо сейчас! – пробормотала Беби Дженкс. Черт бы побрал весь этот ужас, ее просто трясет! Так вот что они называют холодным потом!

Он нашел жестяную банку и вынимал из нее уцелевшие от огня деньги.

– Слушай, парень, я сматываюсь, – сказала Беби Дженкс. Она чувствовала что-то в окружающей атмосфере, но это не имело ничего общего с жирным пятном на полу. Она подумала о сгоревших домах общин в Далласе и Оклахома-Сити, вспомнила, как исчезла Банда клыкастых.

Он, судя по всему, прочел ее мысли. Лицо его смягчилось и вновь стало обалденно привлекательным. Отбросив жестянку, он подошел к Беби, причем так быстро, что она испугалась еще больше.

– Да, ты права, ma chére, – ласково произнес он, – все дома общин. На Восточном побережье они горели один за одним. Не отвечают на телефонные звонки обитатели домов общин ни в Париже, ни в Берлине.

Он взял ее за руку, и они направились к выходу.

– Но кто же, черт побери, это делает? – спросила Беби Дженкс.

– Да черт его знает, chéri. Оно уничтожает дома, вампирские бары, всех пьющих кровь подряд. Надо срочно бежать отсюда. Заводи мотоцикл.

Она вдруг резко остановилась. Снаружи кто-то есть. Она застыла на пороге, ощущая чье-то присутствие. Ей было страшно выйти на улицу, но не менее страшно вернуться в дом.

– В чем дело? – шепотом спросил он.

Как темно вокруг – эти огромные деревья и дома… такое впечатление, что все они во власти призраков… и она что-то слышала, что-то совсем тихое, словно… словно чье-то дыхание. Очень похоже на это.

– Беби Дженкс? Давай быстрее!

– Куда же нам податься? – спросила она. Это… что бы это ни было, оно напоминало звук.

– Осталось только одно место. Мы едем к Вампиру Лестату, дорогуша. Он в Сан-Франциско, он ждет, он цел и невредим!

– Да что ты? – Она пристально вглядывалась в темноту улицы. – Ну да, конечно, к Вампиру Лестату. – «До мотоцикла всего десять ступенек. Скорее, Беби Дженкс! А то он без тебя уедет». – Нет, не делай этого, сукин сын, не смей трогать мой мотоцикл!

И снова какой-то звук – или ей послышалось? Беби Дженкс никогда ничего подобного не слышала. А ведь Мертвецы, вообще-то, слышат много всего. Например, шум про-

ходящего за много миль от них поезда или разговоры людей в летящем высоко в небе самолете.

Мертвец тоже услышал. Нет, он почувствовал, что услышала она!

– Что это? – прошептал он. Господи, да он тоже боится. А теперь он и сам услышал.

Он поволок ее по ступенькам. Она споткнулась и чуть не упала, но он подхватил ее на руки и водрузил на мотоцикл.

Тем временем звук становился все более и более громким. Ритмичный, как музыка. Он был таким оглушительным, что она не слышала ни единого слова из того, что говорил ей Мертвец. Она повернула ключ, крутанула ручки, чтобы прибавить газа. Мертвец уже сидел на заднем сиденье… Но этот шум… Господи, из-за него она ничего не соображает. Не слышно даже грохота мотоцикла!

Она посмотрела вниз, пытаясь понять, что же, черт побери, происходит, работает мотор или нет, потому что даже этого не чувствовала. А когда подняла взгляд, сразу же поняла, что смотрит прямиком на источник этого ужасного шума. Он там, в темноте, за деревьями.

Мертвец соскочил с седла и нес какую-то тарабарщину, обращаясь при этом к неизвестному существу, как будто он его видел. Но нет, он как сумасшедший оглядывался по сторонам и говорил сам с собой. Она, правда, ни слова не слышала. Она просто знала, что существо там, оно смотрит на них, а этот псих только зря воздух сотрясает!

Беби Дженкс слезла с «харлея». Мотоцикл упал на землю. Шум прекратился. Остался лишь звон в ушах.

– …Все, что пожелаешь, – бормотал рядом с ней Мертвец. – Ты только скажи, и мы готовы на все. Мы твои слуги… – Он вдруг пулей пронесся мимо Беби Дженкс, едва не сбив ее с ног, и схватился за мотоцикл.

– Эй! – заорала она и хотела было броситься за ним, но он вдруг вспыхнул ярким пламенем. Затем завопил.

Беби Дженкс тоже завопила. Она орала без остановки. Горящий Мертвец кувыркался на земле и крутился волчком. За ее спиной взорвался дом общины. Она чувствовала исходящий оттуда жар и видела, как во все стороны разлетались вещи. Было светло, как в полдень.

«Боженька, миленький, не дай мне умереть, не дай мне умереть!»

В какой-то миг ей даже показалось, что у нее разорвалось сердце. Она уже собралась было взглянуть, нет ли в груди дырки и не хлещет ли из нее кровь, как лава из вулкана, но тут голову ее охватило жаром и… ее не стало.

Она поднималась все выше и выше по темному тоннелю и наконец обнаружила, что парит высоко в воздухе и оттуда отчетливо видит все, что происходит внизу.

Ну вот, все как и раньше. А вот и то существо, которое их убило, – белая фигура в густой тени деревьев. А вон там, на тротуаре, дымится одежда Мертвеца. И догорает ее собственное тело.

В языках пламени она сумела разглядеть угольно-черные контуры своего скелета. Но страха при этом почему-то не испытала. Ее это вообще уже мало интересовало.

Ее привела в изумление белая фигура. Она походила на статую, на святую Деву Марию в католическом храме. Беби Дженкс во все глаза смотрела на расходящиеся от статуи во всех направлениях сверкающие серебряные нити – нити, словно сотканные из танцующего света. Поднявшись выше, она увидела, что серебряные нити тянутся очень далеко, сплетаются с другими нитями и таким образом образуют над всем миром гигантскую сеть. И в этой сети, словно беспомощные мухи в паутине, запутались Мертвецы. Крошечные точки пульсирующего света, соединенные с белой фигурой, – картина могла быть поистине прекрасной, если бы не содержала в себе столько грусти. Несчастные души всех Мертвецов, заключенные в неуязвимую оболочку, лишенные способности стареть и умирать.

Но она-то была свободна. Сеть теперь была очень далеко от нее. Она видела столько всего интересного!

В огромной массе серого тумана парили тысячи и тысячи других покойников. Некоторые из них словно бы заблудились, другие дрались друг с другом, кто-то оглядывался назад, на то место, где расстался с жизнью, – эти выглядели такими несчастными, как будто не знали или не могли поверить, что умерли. Была среди них даже парочка покойников, пытавшихся привлечь к себе внимание живых, хотя и безре-

зультатно.

Она знала, что умерла. С ней уже было такое раньше. Минуя мрачные прибежища несчастных людишек, она шла своим путем. Мысль о том, какой жалкой была ее жизнь, привела ее в уныние. Но сейчас это уже не имело значения.

И вновь засиял свет, тот восхитительный свет, который она видела еще тогда, когда впервые оказалась на пороге смерти. Она направилась к нему, погрузилась в него. Это было воистину прекрасно. Никогда еще не приходилось ей видеть такие краски, такое сияние, никогда не слышала она столь чистой музыки, какая звучала сейчас. Ей не хватало слов, чтобы описать такую красоту, в ее лексиконе таких слов просто не было. И на этот раз никто не заставит ее вернуться!

Потому что навстречу ей идет мама, идет, чтобы забрать с собой и помочь! И мама ее никуда не отпустит.

Она вдруг почувствовала такую любовь к матери, какой ей не доводилось испытывать никогда; но потом любовь окружила ее со всех сторон; свет, цвет, любовь – все это было неразделимо.

«Бедняжка Беби Дженкс», – подумала она, бросая последний взгляд на землю. Но она уже не была Беби Дженкс. Нет, совсем нет.

3
Богиня Пандора

Прежде мы говорили совсем другие слова.
Бык и Сокол. Поле.
Прежде была ясность, пусть и свирепая, дикая,
словно изогнутые рога.
Мы жили в каменных комнатах,
свешивали волосы из окон,
по ним карабкались гости.
Сад за ушами, завитки.
На каждом холме король этого холма.
Ночь пряла свой красочный гобелен.
Потом всходила луна,
безжалостным светом все вокруг заливая.
Нашим тайным гостям негде было укрыться.
Ох, как они кричали…
Да, прежде мы говорили совсем другие слова.

Стэн Райс «Прежние слова»

По покрытой коварным снегом тропе широкими шагами с нечеловеческой скоростью двигалась высокая фигура, с ног до головы закутанная в черное – открытыми оставались только глаза.

Стояла почти ясная ночь, высоко в небе в горном разреженном воздухе Гималаев сияли крошечные звезды, а далеко впереди – так далеко, что определить расстояние было не

по силам даже ей, – высился массивный складчатый склон Эвереста, удивительно четкий на фоне густого слоя клубящихся белых облаков. При каждом взгляде на него захватывало дух, и дело было не только в его восхитительной красоте, но и в том, что он казался исполненным значительности.

Боготворить эту гору? Да, ее можно боготворить безнаказанно, ибо гора никогда не ответит. Свистящий ветер, от которого стыла кожа, был голосом, никому и ничему не принадлежавшим. И от этого непреднамеренного и совершенно равнодушного великолепия ей хотелось плакать.

Вид бредущих далеко внизу паломников тоже вызывал у нее слезы – они походили на муравьев, тоненьким ручейком ползущих по извилистой и невероятно узкой тропе. Чрезвычайно грустная иллюзия. Да ведь и сама она направлялась к тому же скрытому в горах храму. К тому же достойному презрения и обманчивому богу.

Она страдала от холода. Лицо и веки покрылись инеем. Мельчайшими кристалликами он налипал на ресницы. Под порывами пронизывающего ветра каждый шаг требовал огромных усилий даже от нее. Ни физический ущерб, ни смерть ей, конечно, не грозили – для этого она слишком стара. Ее страдания носили скорее психологический характер и были вызваны невероятным сопротивлением сил природы и тем, что в течение многих и многих часов она не видела вокруг ничего, кроме ослепительно-белого снега.

Не стоит обращать на это внимание. За несколько ночей

до этого на одной из грязных и многолюдных улочек Старого Дели она вдруг ощутила пробежавший по всему телу холодок тревоги, заставивший ее вздрогнуть; с того момента дрожь возвращалась практически каждый час, словно начинала сотрясаться сама земля.

В определенные моменты она была уверена, что пробуждаются Мать и Отец. Что где-то далеко в устроенном для них ее возлюбленным Мариусом тайном убежище Те, Кого Следует Оберегать, наконец шевельнулись. Столь мощный и в то же время неясный сигнал мог быть вызван только чем-то сродни такому воскрешению: после шести тысяч лет ужасающей неподвижности Акаша и Энкил восстают со своего общего трона.

Однако это, конечно же, не более чем игра воображения. Все равно что просить горы заговорить. Ибо древние прародители пьющих кровь отнюдь не были для нее всего лишь легендой. В отличие от большей части их многочисленных потомков, она видела их своими глазами. Ее сделали бессмертной на пороге их храма; затем она на коленях подползла к Матери и дотронулась до нее; она пронзила зубами гладкую блестящую поверхность того, что когда-то было человеческой кожей Матери, и в рот ей хлынул стремительный поток ее крови. Даже тогда это казалось поистине чудом: животворная кровь, струящаяся из безжизненного тела, пока, словно по волшебству, не закрылись раны.

В те далекие века величественных верований она разде-

ляла убеждение Мариуса в том, что Мать и Отец всего лишь дремлют, что придет время, и они восстанут от сна и вновь заговорят со своими детьми.

Они вместе с Мариусом пели им гимны при свечах; она сама возжигала для них благовония, ставила перед ними цветы; она поклялась никогда не раскрывать местонахождение святилища, дабы другие вампиры не пришли уничтожить Мариуса, похитить его подопечных и насытиться первородной, а значит, наиболее могущественной кровью.

Но это было давно, когда мир был разделен между племенами и империями, когда героев и императоров в одночасье возводили в ранг богов. В то время ее воображение находилось во власти утонченных философских идей.

Теперь она знает, что значит жить вечно.

Опасность. Она вновь почувствовала, как по всему телу пронесся обжигающий поток. Ощущение исчезло. И тут же возникло видение: какое-то зеленое и сырое место, мягкая земля и непроходимая растительность. Но и видение через миг пропало.

Сияющий в лунном свете снег ослепил ее на мгновение, она остановилась и взглянула на мерцающие сквозь тонкую завесу облаков звезды. Она прислушалась, надеясь уловить голоса других бессмертных. Но не услышала ни единого отчетливого и существенного сообщения – лишь слабый трепет, исходящий из храма, в который она направлялась, да далеко позади, в темных закоулках грязного перенаселенно-

го города, звучали мертвые электронные записи этого сумасшедшего кровопийцы, «рок-звезды» Вампира Лестата.

Он обречен, этот запальчивый современный юнец, посмевший украсить свои фальшивые песни фрагментами старых истин. Бесчисленное множество таких вот юнцов взлетали и падали на ее глазах.

Но его наглость не только шокировала, но и одновременно вызывала у нее интерес. А что, если сигнал тревоги каким-то образом связан с его печальными и в то же время удивительно пронзительными песнями?

Акаша, Энкил,
Услышьте детей своих!

Как смеет он произносить древние имена перед миром смертных? Это просто невероятно и противоречит здравому смыслу, что такое создание до сих пор не уничтожено. Однако этот монстр, завоевавший невероятную популярность, раскрыл тайны, которые мог узнать только от самого Мариуса. А где сейчас сам Мариус, который вот уже два тысячелетия переносит Тех, Кого Следует Оберегать, из одного святилища в другое? Но если она позволит себе вспоминать о Мариусе и о ссорах, давным-давно заставивших их расстаться, у нее просто сердце разорвется.

Тем временем записанный на пленку голос Лестата пропал – его заглушили другие слабые голоса, шумы, донося-

щиеся из множества городов и деревень, и вечно звучащий плач душ человеческих. Как это часто бывало, ее острый слух не мог четко различить ни одного сигнала. Бесформенная и ужасающая волна захлестнула ее с такой силой, что пришлось полностью отключиться. И снова только ветер.

А какими же тогда слышатся все голоса земли Матери и Отцу, чьи силы неизбежно возрастали от начала времен? Способны ли они, подобно ей, отгородиться от этого потока или время от времени на выбор прислушиваться к отдельным голосам? Быть может, и в этом они столь же беспомощны, как и во многом другом, и именно непрекращающийся гул слышимых отовсюду криков как смертных, так и бессмертных всего мира удерживает их в неподвижности и лишает способности мыслить.

Она взглянула на возвышающийся перед ней огромный зубчатый пик. Надо идти. Она поплотнее закутала лицо. И двинулась дальше.

Тропинка привела ее на небольшой утес, и она наконец-то увидела место, куда направлялась. На высокой скале по другую сторону обширного ледника возвышался храм – прозрачно-белое каменное строение с едва различимой сейчас за стеной падающего снега колокольней.

Сколько времени понадобится, чтобы туда добраться, даже при ее способности к быстрой ходьбе? Она понимала, как должна поступить, но страшилась самой мысли об этом. Придется воздеть руки, отринуть законы природы и дово-

ды собственного рассудка и подняться над бездной, отделяющей ее от храма, а затем мягко опуститься по другую сторону заледеневшего ущелья. Ни одна из множества способностей, которыми она владела, не заставляла ее чувствовать себя столь ничтожной, до такой степени лишенной человеческого естества и далекой от того земного существа, которым она была когда-то.

Но она хотела достичь храма. Ей необходимо было попасть туда. А потому она медленно и грациозно подняла руки. Глаза ее на мгновение закрылись, и усилием воли она толкнула себя вверх и в ту же секунду почувствовала, как ее невесомое, не скованное материей тело взмывает над землей и, оседлав ветер, подчиняет его своей воле.

Ветер долго не желал подчиняться, вращая и стремительно таща ее за собой. Обратив лицо к звездам, окруженная облаками, она поднималась все выше и выше. Как тяжелы ее одежды; разве она еще не готова стать невидимой? Разве не в этом состоит следующий шаг? Соринка у Бога в глазу, подумала она. Сердце болело. Как ужасно потерять всякую связь… На глаза навернулись слезы.

Как и всегда в такие моменты, когда исчезали все реальные приметы столь дорогого для нее незабвенного человеческого прошлого, его слабое мерцание казалось более чем когда-либо заветной мечтой. «Я жила, я любила, моя плоть была тепла…» Она увидела Мариуса, своего создателя, но не таким, каким он стал сейчас, а таким, каким она встрети-

ла его тогда, – молодым бессмертным, в чьей груди полыхал пожар сверхъестественной тайны.

«Пандора, дорогая моя…»

«Подари мне его, умоляю».

«Иди со мной, Пандора, дабы испросить благословения Матери и Отца. Войди в святилище».

В отчаянии она вдруг словно утратила осторожность и едва не забыла о своем предназначении. Еще немного, и она понеслась бы навстречу восходящему солнцу. Но раздавшийся вновь сигнал тревоги – беззвучное пульсирующее предупреждение: «Опасность» – напомнил о цели ее путешествия. Широко раскинув руки, она заставила себя повернуться лицом к земле и прямо под собой увидела двор храма с дымящимися в нем кострами. Наконец-то!

Стремительность спуска оказалась столь поразительной, что на мгновение она даже лишилась способности соображать. Она вдруг обнаружила, что находится во дворе, какие-то доли секунды тело было охвачено болью, затем похолодело и застыло.

Вой ветра доносился теперь издалека. За стенами храма слышался головокружительный ритм бубнов и барабанов, ему вторили голоса – и все это сливалось в без конца повторяющийся устрашающий рефрен. Перед ней с шипением и треском пылали жертвенные костры, на которых темной массой лежали горы тел. Отвратительный запах вызывал тошноту. И все же она долго смотрела, как медленно трудится над

шипящей плотью пламя, как чернеют останки, как от волос внезапно поднимаются клубы белого дыма. Чистый горный воздух сюда не проникал, и она едва не задохнулась от вони.

Она бросила взгляд на видневшуюся в отдалении деревянную дверь – вход во внутреннее святилище. Придется, к сожалению, еще раз испытать свои силы. Досадно. И вот она уже переступает порог, дверь распахивается, ее ослепляет горящий внутри свет, окутывает теплый воздух и оглушает пение.

– Азим! Азим! Азим! – нараспев повторяют молящиеся, тесно сгрудившись посреди ярко освещенного помещения; она видит только их спины и поднятые вверх руки, кисти которых шевелятся в такт качающимся головам. – Азим! Азим! Азим-Азим-Азим! Аааа-зиииим!

От кадильниц поднимается дым; огромное множество босоногих фигур поворачиваются кругом, но ее никто не замечает. Глаза их закрыты, на темных лицах ни единой морщинки, шевелятся лишь губы, благоговейно повторяющие имя.

Она пробралась в самую гущу толпы; здесь были мужчины и женщины, одетые как в лохмотья, так и в великолепные шелка с золотыми украшениями, – и все они с приводящей в ужас монотонностью повторяли свое воззвание. Она уловила запах лихорадки, голода, разлагающихся тел, раздавленных в порыве общего безумия. Словно пытаясь устоять среди бурного потока движения и шума, она прислонилась к мраморной колонне.

Наконец в эпицентре столпотворения она разглядела Азима. Его бронзового отлива кожа влажно блестела в сиянии свечей, склоненную голову украшал черный шелковый тюрбан, на длинном, искусно расшитом одеянии виднелись пятна крови смертных и бессмертных. Обведенные углем черные глаза казались невероятно огромными. Под жесткий аккомпанемент барабанной дроби он исполнял свой танец: то раскачивался, то выбрасывал вперед кулаки, то отводил их назад, как будто бился о невидимую стену. Обутой в туфлю ногой он в безумном ритме стучал по мраморному полу. Уголки его рта сочились кровью. Выражение лица было сосредоточенно-отрешенным.

Тем не менее он знал о ее присутствии. В разгар танца он взглянул на нее, и окровавленные губы изогнулись в улыбке.

«Пандора, моя прекрасная бессмертная Пандора…»

Насытившись этим пиршеством, он выглядел пополневшим и разгоряченным – не часто ей доводилось видеть бессмертных такими. Откинув назад голову, он повернулся и пронзительно крикнул. И тогда выступившие вперед служители рассекли церемониальными ножами его запястья.

Со всех сторон к нему бросились верующие, чтобы поймать разомкнутыми губами льющуюся потоком священную кровь. На фоне захлебывающихся воплей тех, кто находился рядом с ним, песнопение зазвучало еще громче, еще настойчивее. Вдруг она увидела, как его подняли на плечи, растянули во весь рост, обратив золотыми туфлями к высокому

мозаичному потолку, и ножи скользнули по его лодыжкам и запястьям, раны на которых уже успели затянуться.

Обезумевшая толпа, казалось, все увеличивалась; движения стали еще более неистовыми; на нее то и дело натыкались какие-то отвратительно пахнущие люди, не замечая, как холодно и твердо ее скрытое мягкой бесформенной шерстяной одеждой древнее тело. Она оставалась неподвижной, позволяя им окружить себя, втянуть в гущу толпы. Окровавленного, стонущего Азима вновь опустили на пол, раны его уже зажили. Он жестом поманил ее к себе. Она молча отказалась.

Она наблюдала за тем, как он потянулся, наугад выхватил из толпы жертву, молодую женщину с накрашенными глазами и болтающимися золотыми серьгами, и разорвал ее тонкую шею.

Верующие сбились с ритма, и песнопение превратилось во всеобщий бессловесный вопль.

Словно в ужасе от собственной силы, Азим широко распахнул глаза и единым глотком полностью обескровил женщину, а затем швырнул тело на камни, где его окружили верующие, молитвенным жестом простиравшие руки к своему божеству.

Она отвернулась и вышла на холодный двор, стараясь держаться подальше от жара костров. В воздухе стоял запах мочи и падали. Она прислонилась к стене и задумалась, глядя вверх и не обращая внимания на служителей, протащивших

мимо нее свежие тела, чтобы бросить их в огонь.

Ей вспомнились паломники внизу, на дороге, ведущей к храму, – длинная вереница людей, день и ночь бредущих по безлюдным горам к безымянному месту. Сколько их погибло, так и не достигнув опасной пропасти? А сколько умерло у самых ворот в ожидании позволения войти внутрь?

Все это казалось ей отвратительным. И в то же время не имеющим значения. Ужас был слишком древним. Она ждала. Наконец Азим позвал ее.

Она вновь переступила порог храма и, открыв еще одну дверь, вошла в маленькую, изысканно расписанную прихожую, где он молча ждал ее, стоя на красном, расшитом по краям рубинами ковре в окружении редчайших сокровищ, золотых и серебряных даров; музыка в зале звучала тихо и была проникнута апатией и страхом.

– Милая моя, – произнес он, беря в ладони ее лицо и целуя. Горячий ручеек крови из его рта наполнил все ее существо пением и танцем верующих, их восторженными криками – но ощущение длилось лишь одно восхитительное мгновение. Теплый поток поклонения и обожания смертных. Их любви.

Да, любви. Перед ней на миг возник образ Мариуса. Она открыла глаза и отступила назад. Какие-то доли секунды она видела нарисованных на стенах павлинов, груды сияющего золота… А потом – только Азима.

Он оставался неизменным, равно как и его народ, как и

деревни, из которых они сюда пришли, преодолев снежную пустыню, чтобы найти столь ужасный и бессмысленный конец. Вот уже целое тысячелетие правит Азим в этом храме, и ни один верующий не вышел отсюда живым. С течением веков его упругая золотистая кожа, насыщаемая неиссякаемым потоком жертвенной крови, лишь слегка побледнела, в то время как ее плоть утратила живые краски лишь за половину этого срока. Только ее глаза и, возможно, темно-каштановые волосы еще позволяли сохранить видимость жизни. Она сознавала, что по-прежнему красива. Но он обладал необыкновенно мощной энергией. Энергией Зла. Пользующийся непререкаемым авторитетом у своих почитателей, окруженный легендами, не имеющий ни прошлого, ни будущего, он властвовал, по-прежнему оставаясь для нее непостижимым.

Она не собиралась здесь задерживаться. Это место вызывало в ней большее отвращение, чем ей хотелось показать. Она безмолвно поведала ему о цели своего прихода и об услышанном тревожном предупреждении. Случилось нечто такое, чего никогда прежде не было, где-то что-то шло не так, происходили какие-то перемены! Она также сообщила ему о молодом вампире, который записывал в Америке песни, раскрывающие тайну Матери и Отца, и о том, что ему известны их имена. Не вдаваясь в подробности, она лишь раскрыла перед ним свой разум.

Наблюдая за Азимом, она ощущала его безграничное мо-

гущество, чувствовала, что он способен наугад извлечь любую ее мысль или идею, скрывая при этом тайны собственной души.

– Благословенная Пандора, – пренебрежительно произнес он в ответ. – Какое мне дело до Матери и Отца? Что они для меня? Какое мне дело до твоего драгоценного Мариуса? Что с того, что он зовет на помощь? Меня это не волнует!

Она застыла в изумлении. Мариус зовет на помощь? Азим рассмеялся.

– О чем ты говоришь? – потрясенно спросила она.

Он лишь рассмеялся и повернулся к ней спиной. Оставалось только ждать. Мариус ее создал. Голос Мариуса может слышать весь мир, но только не она. Неужели ее ушей достиг лишь слабый отзвук, отраженное эхо того мощного крика, который долетел до других?

«Расскажи мне, Азим! Неужели ты хочешь сделать меня своим врагом?»

Когда он вновь обернулся к ней, на его гладком и круглом, выглядевшем почти человеческим лице застыло задумчивое выражение, – похоже, он решил уступить. Он оперся подбородком на пухлые, с ямочками, кисти рук. Он явно чего-то от нее хочет. От презрения и злобы не осталось и следа.

– Это предупреждение, – сказал он. – Его непрестанно передают по цепочке те, до кого оно доносится, а исходит оно откуда-то издалека. Всем нам грозит опасность. Вслед за предупреждением, но уже гораздо слабее, звучит просьба

о помощи. Если ему помогут, он попытается предотвратить опасность. Но в его словах нет уверенности. Он хочет, чтобы мы обратили внимание прежде всего на предостережение.

– А что именно он говорит?

– Я не прислушиваюсь. Меня это не интересует, – ответил он, пожимая плечами.

– Вот как? – Теперь уже она повернулась к нему спиной. И тут же услышала сзади его шаги и почувствовала на своих плечах его руки.

– Пришла твоя очередь ответить на мой вопрос, – сказал он и развернул ее к себе лицом. – Что меня действительно интересует, так это сон о близнецах. Каков его смысл?

Сон о близнецах? Ей нечего ответить. Суть самого вопроса оставалась для нее непонятной. Она никогда не видела такого сна.

Словно уверенный, что она лжет, он долго молча и пристально вглядывался в ее лицо и наконец заговорил, медленно произнося слова и внимательно следя за ее реакцией:

– Две женщины с рыжими волосами. На них обрушились страшные беды. Как только я собираюсь открыть глаза, они словно непрошеные гости являются мне в тревожных видениях. Я вижу, как этих женщин насилуют в присутствии целой толпы наблюдателей. Но я понятия не имею ни о том, кто они, ни о месте, где совершается столь жестокое преступление. И я не одинок в своем недоумении. Темные боги по всему миру видят один и тот же сон и желают знать, почему он

приходит к нам именно сейчас.

«Темные боги! Да какие из нас Темные боги!» – презрительно подумала она.

Он улыбнулся. Разве они сейчас находятся не в посвященном ему храме? Разве не доносятся до нее стенания верующих? Разве не чувствует она запаха их крови?

– Об этих женщинах мне ничего не известно, – ответила она, действительно не имея понятия о том, кто такие эти рыжеволосые близнецы. Нежным, почти соблазнительным жестом она коснулась его пальцев. – Не мучай меня, Азим. Прошу, расскажи все, что знаешь о Мариусе. Откуда исходит его зов?

Как же она ненавидела его в тот момент за то, что он скрывает от нее эту тайну.

– Откуда? – резким, вызывающим тоном переспросил он. – Вот в этом-то и суть, не так ли? Неужели ты полагаешь, что он осмелится привести нас к святилищу Матери и Отца? Если бы я мог допустить такую возможность, то, поверь, непременно ответил бы ему. Я бы покинул свой храм, чтобы отыскать его. Но он не имеет права нас дурачить. Он скорее позволит себя уничтожить, чем откроет тайну местонахождения святилища.

– Откуда доносится его зов? – вновь спросила она.

– А меня интересуют эти сны, – произнес в ответ Азим, и лицо его потемнело от гнева. – Сны о близнецах, мне необходимо их объяснение!

– Я бы сказала тебе, кто они и что все это значит, если бы только знала. – Она попыталась вспомнить слова песен Лестата – о Тех, Кого Следует Оберегать, о склепах в недрах европейских городов, исполненных печали песен о вечных поисках. Ни слова о рыжеволосых женщинах, ни слова…

Он пришел ярость и жестом приказал ей остановиться.

– Вампир Лестат, – глумливо произнес он. – Не упоминай при мне даже имени этого мерзавца. Почему он до сих пор не уничтожен? Неужели Темные боги тоже спят, как Мать и Отец?

Он внимательно и оценивающе наблюдал за ней. Она ждала.

– Хорошо. Я верю тебе, – произнес он наконец. – Ты рассказала все, что знала.

– Да.

– Как я уже говорил тебе, я отказываюсь слушать Мариуса. Пусть этот похититель Матери и Отца взывает о помощи хоть до скончания времен. Но тебя, Пандора, я по-прежнему люблю, а потому я влезу в это грязное дело. Отправляйся за океан, в Новый Свет. Ищи среди северных льдов, там, где заканчиваются лесные массивы, неподалеку от океана на западе. Возможно, там ты найдешь Мариуса, заключенного в ледяную цитадель. Он кричит, что не в состоянии двигаться. Что же касается его предостережения, то оно столь же неясно, сколь и настойчиво: всем нам грозит опасность; мы должны помочь ему, чтобы он предотвратил опасность; что-

бы он отправился к вампиру Лестату.

– Понятно! Так все это дело рук мальчишки!

Она резко вздрогнула и ощутила боль во всем теле. Перед ее внутренним взором возникли лишенные осмысленного выражения лица Матери и Отца, неуязвимых монстров в человеческом облике. Она в смятении взглянула на Азима. Он молчал, но сказал еще явно не все. Она ждала продолжения.

– Нет, – наконец заговорил он, и в его тихом голосе уже не было и тени гнева. – Пандора, опасность действительно существует. Величайшая опасность, и, чтобы возвестить о ней, не нужен никакой Мариус. Она связана с рыжеволосыми близнецами. – Он был необычно серьезен и выглядел совершенно беззащитным. – Я уверен в этом, потому что я был стар еще задолго до того, как создали Мариуса. Речь идет о близнецах, Пандора. Забудь о Мариусе. И внимательно прислушайся к своим снам.

Она уставилась на него, не в силах вымолвить ни слова. Он тоже долго смотрел на нее, а потом глаза его сузились, взгляд застыл. Она чувствовала, как он словно отдаляется от нее, отдаляется от всего, о чем они только что говорили. В конце концов он вообще перестал ее видеть.

Он слушал непрекращающиеся завывания молящихся и вновь испытывал жажду – ему хотелось гимнов и крови. Он отвернулся и направился к выходу, затем все-таки оглянулся на нее и неотчетливо, словно пьяный, произнес:

– Иди со мной, Пандора! Присоединись ко мне хотя бы на час!

Приглашение застало ее врасплох. Она задумалась. Вот уже много лет она не стремилась испытать столь изысканное наслаждение – речь ведь идет не только о крови, но о длящемся лишь несколько мгновений слиянии с другой душой. И вот теперь оказывается, что эта душа ждет ее здесь, среди тех, кто в поисках своей смерти поднялся на самую высокую гору на земле. Она представила себе стоящую перед ней задачу – найти Мариуса – и те жертвы, на которые придется ради этого пойти.

– Ну иди же, дорогая.

Она взяла его за руку и позволила вывести себя из комнаты и проводить в центр заполненного людьми зала. Яркий свет на миг ослепил ее и заставил вздрогнуть. Снова кровь! Доносящийся отовсюду запах смертных причинял мучительную боль.

Вопли верующих буквально оглушали. От топота человеческих ног, казалось, сотрясались расписанные стены и сияющий золотой потолок. Дым благовоний жег глаза. Ей вспомнились вдруг объятия Мариуса в святилище, но видение было смутным – ведь с тех пор прошла целая вечность. Азим стоял перед ней в ожидании. Она сняла с себя верхнюю одежду и наконец предстала перед ним с открытым лицом в обрамлении длинных темно-каштановых волос; простого покроя платье из черной шерсти оставляло обнажен-

ными руки. Ее отражение возникло в тысяче пар человеческих глаз.

– Богиня Пандора! – возгласил он, откинув назад голову.

Громкие крики заглушили быструю барабанную дробь. Неисчислимое множество рук гладило ее.

– Пандора, Пандора, Пандора! – нараспев звучало отовсюду и сливалось с другим именем: – Азим!

Перед ней танцевал молодой темнокожий мужчина, его белая шелковая рубашка взмокла от пота и прилипла к груди. В сияющих под низко нависающими темными бровями черных глазах горел вызов: «Я – твоя жертва! Богиня!» И вдруг среди оглушительного шума в мерцающем свете остались лишь его глаза, его лицо. Она заключила его в объятия, круша в нетерпении ребра, и глубоко вонзила зубы в его шею. Живой! Хлынувшая в нее кровь достигла сердца, заполнила его целиком и теплым потоком понеслась дальше, согревая холодное тело. Столь восхитительное ощущение, необыкновенная страсть, вновь обретаемое желание неподвластны памяти! Смерть потрясла ее, лишила возможности дышать, проникла в мозг. Ничего не видя вокруг себя, она застонала. И вдруг взор ее прояснился и стал необыкновенно острым. Мраморные колонны словно ожили и задышали. Она бросила тело и схватила другого – молодого, обнаженного до пояса, изможденного мужчину; сила, исходящая от этого стоящего на пороге смерти человека, сводила ее с ума.

Она насыщалась, сломав его нежную шею, и чувствовала,

как увеличивается ее сердце, как кровь растекается даже по самой поверхности кожи. Прежде чем закрылись ее глаза, она успела увидеть цвет собственных рук, человеческих рук, смерть медлила, сопротивлялась и в конце концов отступила, сопровождаемая тускнеющим светом и грохотом. Жизнь!

– Пандора! Пандора! Пандора!

Господи, неужели нет справедливости, неужели не будет этому конца?

Она стояла, покачиваясь взад и вперед, а перед ней мелькали в танце настороженные и мрачные человеческие лица. Кипевшая внутри ее кровь проникала в каждую ткань, в каждую клетку плоти. Она увидела свою третью жертву – юноша буквально набросился на нее, обвивая изящными конечностями: ах, какие мягкие волосы, как нежен пушок на руках, как легки его хрупкие кости… Такое впечатление, что настоящая здесь она, а все остальные – не более чем плод воображения.

Она наполовину оторвала ему голову, пристально всмотрелась в белые кости сломанного позвоночника, а затем одним глотком выпила смерть – кровавый фонтан, яростно забивший из разорванной артерии. Но сердце, все еще бьющееся сердце – она должна увидеть его, ощутить его вкус. Перебросив тело на правую руку так, что затрещали кости, она левой рукой раздавила грудную клетку и, раздвигая ребра, проникла в горячую кровоточащую полость, чтобы вынуть из нее сердце.

Оно было живым, во всяком случае еще не умерло окончательно. Скользкое, блестящее, похожее на мокрый виноград. Она подняла его над головой и слегка сжала, позволяя живительному соку просачиваться сквозь пальцы и стекать прямо в ее открытый рот. Да, только это, во веки веков. Со всех сторон к ней бросились верующие:

– Богиня! Богиня!

Азим смотрел на нее с улыбкой. Но она не обращала на него внимания. Она пристально следила за тем, как последние капли крови покидают трепещущее сердце. Осталась лишь бесформенная масса, и она бросила ее на пол. Ее испачканные кровью руки сияли как живые. Кровь прилила к лицу, она ощущала ее теплое покалывание. На нее угрожающе хлынула волна воспоминаний, не поддающихся пониманию видений. Но она отбросила их от себя. На этот раз она не позволит себя поработить.

Она потянулась к своему черному плащу. И тут же ощутила его на своих плечах, в то время как чьи-то теплые услужливые руки накрыли теплым шерстяным капюшоном ее волосы и укутали нижнюю часть лица. Не обращая внимания на доносящиеся со всех сторон разгоряченные голоса, произносящие ее имя, она повернулась и вышла, руками и ногами расталкивая преграждавших ей путь неистовых почитателей.

Как восхитителен царящий во дворе холод! Она слегка откинула голову назад, вдыхая свежий воздух, приносимый

сюда бродягой-ветром, который своими порывами еще ярче разжигал пламя костров, а затем стремительно уносил прочь горьковатый запах их дыма. Ясная луна красиво освещала видневшиеся за стенами заснеженные горные вершины.

Она остановилась, прислушиваясь к ощущению крови внутри себя, и при мысли о том, что она до сих пор способна освежить ее и придать сил, испытала чувство безумного отчаяния и изумления. Охваченная печалью, она скорбно всмотрелась в окружающую храм застывшую бесплодную пустоту, в темное небо с плывущими по нему рваными облаками. Как случилось, что кровь придала ей мужества, как случилось, что она позволила ей на миг поверить в абсолютную правильность устройства вселенной? Все это лишь результат ужасного и непростительного преступного деяния.

«Если разум не в силах отыскать смысл, то его найдут чувства. Столь жалкое и отвратительное создание, как ты, способно существовать только ради этого».

Стараясь не подпалить одежду, она приблизилась к одному из погребальных костров и протянула над ним руки, позволяя очистительному огню убрать с них последние следы крови и частички сердца. Жар пламени был ничтожен по сравнению с жаром крови в ее теле. Едва почувствовав слабейшую боль, свидетельствующую о происходящих изменениях, она отпрянула от костра и бросила взгляд на свою безупречно белую кожу.

Она должна немедленно уйти отсюда. Ее переполня-

ли гнев и негодование. Она нужна Мариусу. «Опасность!» Вновь до нее донесся сигнал тревоги, но на этот раз он был намного сильнее – кровь сделала ее более восприимчивой. Складывалось впечатление, что сигнал исходит не из одного источника. Скорее голос принадлежал сразу многим – неясный призыв, отзвук общего знания. Ей стало страшно.

Она выбросила из головы все мысли, но навернувшиеся вдруг на глаза слезы затуманили зрение. Она осторожно подняла кверху кисти рук, только кисти. И начала взлетать. Бесшумно и стремительно, как сам ветер, и так же, как он, наверное, незаметно для смертных.

Высоко над храмом ее тело вонзилось в тонкий слой клубящегося мягкого тумана. Ее поразило обилие света. Повсюду – сияющая белизна. А ниже – зубчатые каменные пики и ослепительно сияющий ледник, спускающийся к сумеречно темнеющим лесам и долине. Беспорядочно разбросанные скопления искрящихся огней принадлежали, видимо, городкам и селениям. Она готова была вечно наблюдать эту картину. Но через несколько секунд все скрылось за колышущимся туманом облаков. И она осталась наедине со звездами.

Словно принимая в свое сообщество, ее со всех сторон окружили суровые и равнодушные сверкающие звезды. Но ведь звезды ни в ком и ни в чем не нуждаются. Ее охватил ужас. А следом – глубокая печаль, однако не лишенная радости. Хватит борьбы. Хватит горя.

Она обвела взглядом роскошное скопление созвездий, за-

медлила скорость своего подъема и простерла руки к западу.

Она опережает рассвет на девять часов. И она начала свое путешествие в противоположную от него сторону, вместе с ночью, прокладывающей себе путь на другой конец света.

4
История Дэниела, приспешника дьявола, или молодого человека из «Интервью с вампиром»

Мы ждем и верим, что однажды
к нам тени спустятся с Небес,
примчатся в черных лимузинах.
Но кто они?
Роза знает ответ,
но языка не имеет и не может сказать.
Смертная часть меня разражается смехом.
Видеть и понимать – очень разные вещи.
И если дух наркотика на свете существует,
быть может, это тот,
кого мы ангелом зовем?

Стэн Райс «С небес»

Он был высок, худощав и молод, с пепельными волосами и фиалкового цвета глазами. Грязно-серый спортивный джемпер и джинсы не спасали его от ледяного ветра, и сейчас, в пять часов вечера, шагая по Мичиган-авеню, он продрог до костей.

Его звали Дэниел Моллой. Ему было тридцать два года, хотя благодаря юному выражению лица выглядел он значительно моложе и скорее походил на вечного студента, чем на

взрослого мужчину.

– Арман, ты мне нужен. Арман. Этот концерт состоится завтра ночью. Что-то ужасное должно случиться, что-то ужасное… – на ходу бормотал он.

Его мучил голод. С тех пор как ему удалось последний раз перекусить, прошло уже тридцать шесть часов. В маленьком грязном номере отеля холодильник был пуст, и к тому же сегодня утром его вообще вышвырнули на улицу, потому что он не заплатил по счету. Невозможно помнить обо всем сразу.

И тут ему вспомнился сон, который посещал его каждую ночь, стоило только закрыть глаза, – и ощущение голода как рукой сняло.

Во сне он видел близнецов. Он видел лежащее перед ними обугленное женское тело с опаленными волосами и потрескавшейся кожей. Рядом с телом на блюде блестело ее сердце, похожее на какой-то вздувшийся плод. Мозг на втором блюде выглядел именно так, как выглядят жареные мозги.

Арман знает о нем, он должен знать. Потому что это отнюдь не обычный сон. Он явно каким-то образом связан с Лестатом. И Арман обязательно скоро придет.

Господи, он совсем ослаб и едва не обезумел. Нужно хотя бы выпить. Но вместо денег в кармане лежит лишь старый измятый чек – гонорар за книгу «Интервью с вампиром», которую он «написал» под псевдонимом больше двенадцати лет назад.

Это был совершенно другой мир. Тогда он, молодой репортер, болтался с магнитофоном по барам всего мира и пытался выведать хоть крупицу правды у их ночных обитателей – тех, кто оказался выброшенным за борт жизни. И вот однажды ночью в Сан-Франциско он нашел потрясающий объект для исследования. И свет обычной жизни внезапно померк навсегда.

Теперь он – существо пропащее. Под низким октябрьским вечерним небом он стремительно мчится куда-то по Чикаго. В прошлое воскресенье он был в Париже, а еще раньше, в пятницу, – в Эдинбурге. Перед Эдинбургом он был в Стокгольме, а где до того – уже и не помнил. Чек настиг его в Вене, но когда именно это произошло, он вспомнить не мог.

И повсюду прохожие в испуге отшатывались от него. В автобиографии Вампира Лестата есть прекрасное определение: «Один из тех утомительных смертных, кому довелось видеть духов…» Это о нем!

Где же эта книга, «Вампир Лестат»? Понятно, кто-то стащил ее сегодня днем со скамейки в парке, пока Дэниел спал. Ладно. Дэниел и сам ее украл и успел прочитать уже три раза.

Хотя… Если бы книга осталась у него, он мог бы ее продать, и кто знает, может, хватило бы денег на стаканчик бренди, чтобы согреться. А сколько он в данный момент стоит, голодный замерзший бродяга, шаркающей походкой бредущий по Мичиган-авеню, исполненный ненависти к ветру, пронизывающему его до костей сквозь рваную грязную

одежду? Десять миллионов? Сто миллионов? Никакого понятия. Это должен знать Арман.

«Тебе нужны деньги, Дэниел? Я достану тебе денег. Это проще, чем ты думаешь».

Арман ждал его в тысяче миль к югу на их собственном острове, на острове, принадлежащем на самом деле одному Дэниелу. И если бы только у него был сейчас четвертак, всего лишь четвертак, он бросил бы его в телефон-автомат и сказал Арману, что хочет домой. За ним бы спустились прямо с неба. Они всегда так делали. Прилетали либо на большом самолете, где имелась даже обитая бархатом спальня, либо на маленьком, с низким потолком и кожаными креслами. Согласится ли хоть один человек на этой улице одолжить ему четвертак в обмен на доставку самолетом прямо в Майами? Возможно, и нет.

«Ну скорее же, Арман! Завтра вечером, когда Лестат выйдет на сцену, я хочу быть в безопасности рядом с тобой».

Кто обналичит ему чек? Никто. Уже семь часов, и большинство шикарных магазинов на Мичиган-авеню закрыто, а удостоверения личности у него нет, потому что позавчера его бумажник таинственным образом исчез. Как унылы эти серые зимние сумерки, когда небо затянуто низкими свинцовыми тучами. Даже магазины со своими массивными гранитными или мраморными фасадами, за которыми, словно археологические находки под музейным стеклом, сверкают дорогие вещи, выглядят непривычно мрачными. Ветер вдруг

резко усилился, и с неба упали первые капли дождя. Он пригнул голову и сунул руки в карманы, чтобы хоть немного согреться.

На самом деле ему было наплевать на чек. Он не представлял себе, как будет нажимать на кнопки телефона-автомата. Все здесь, включая леденящий холод, казалось ему ненастоящим. Реальным казался только сон – и еще ощущение надвигающейся опасности, каким-то образом спровоцированной Вампиром Лестатом и не поддающейся теперь даже его контролю.

В случае нужды пропитание можно найти и на помойке, спать тоже можно где угодно, пусть даже в парке. Все это ерунда. Но если он снова ляжет спать на улице, то просто замерзнет. И, кроме того, вновь вернется этот сон.

Теперь сон приходил к нему всякий раз, как он закрывал глаза. И с каждым разом он становился все дольше и подробнее. Рыжеволосые близнецы были так нежны и прекрасны. Он не желал слушать, как они кричат.

В первую ночь в отеле он не придал сну никакого значения. Бессмыслица. Он вновь стал читать автобиографию Лестата, время от времени поглядывая на экран маленького черно-белого телевизора, вполне соответствовавшего окружающему его убожеству. Там без конца крутили видеофильмы и клипы Лестата.

Ему импонировала дерзость Лестата, хотя, если честно, замаскироваться под рок-звезду проще простого. Обжигаю-

щий взгляд, сильное, но при этом стройное тело, интригующая улыбка – вот, собственно, и все. И никто уже не поймет. Или все-таки поймет? Он никогда не присматривался к Лестату.

Но он, безусловно, был экспертом во всем, что касалось Армана. Он тщательно изучил каждую деталь его вечно юного облика. Какое потрясающее удовольствие доставили ему посвященные Арману страницы в книге Лестата! И все же, читая их, он не мог не задаваться вопросом: а привели ли в бешенство самого Армана ядовитые оскорбления и благоговейные рассуждения Лестата?

Онемев от восторга, Дэниел смотрел по MTV клип, где Арман выступал в роли главы общества старых вампиров, проводящего демонические ритуалы в недрах парижского кладбища, до тех пор пока Вампир Лестат, бунтарь восемнадцатого века, не разрушил древние обычаи.

Арман, скорее всего, ненавидел этот клип, потому что, в отличие от сочувственного повествования Лестата, здесь его история была выставлена напоказ при помощи примитивных веселеньких картинок. А ведь речь идет об Армане, который отказывался даже говорить о бессмертных и который неустанно изучающе вглядывался во всех, кто его окружал. Но не может быть, чтобы он не знал об этом.

И все это сделано на потеху толпы, словно бульварное издание отчета антрополога, продающего сокровенные тайны какого-либо племени ради места в списке бестселлеров.

Так пусть демонические боги сражаются между собой. Этот смертный побывал на вершине горы, где они скрестили мечи. И вернулся. Его отвергли.

На следующую ночь сон повторился, явственный, как галлюцинация. Он был уверен, что сам не мог вообразить ничего подобного. Он никогда не видел ни таких людей, ни таких примитивных украшений из дерева и кости.

Сон вернулся еще через три ночи. Перед этим он уже, наверное, раз в пятнадцатый смотрел клип Лестата, на этот раз о древних недвижимых египтянах – Отце и Матери вампиров, о Тех, Кого Следует Оберегать:

Акаша, Энкил,
Мы – ваши дети,
Но что вы нам даете?
Неужели ваше безмолвие
Стало лучшим даром, чем истина?

А потом Дэниелу приснился сон. И на этот раз близнецы собирались приступить к пиршеству. Они должны будут поделить то, что лежит на глиняных блюдах. Одной достанется мозг, другой – сердце.

Он проснулся с ощущением тревоги и страха. Что-то должно произойти, всех нас ждет нечто ужасное… Именно тогда он впервые подумал, что это как-то связано с Лестатом. И хотел было немедленно броситься к телефону. В Майами тогда было четыре утра. Черт побери, ну почему он не

позвонил?! Арман наверняка сидел в тот момент на террасе виллы, наблюдая за неустанным движением белых яхт, курсирующих между берегом и островом Ночи.

«Алло, Дэниел? – О, этот завораживающе чувственный голос. – Успокойся, Дэниел, и скажи мне, где ты сейчас находишься».

Но Дэниел не позвонил. Вот уже шесть месяцев, как он покинул остров Ночи, и на этот раз, полагал он, навеки. Он раз и навсегда отрекся от мира ковров, лимузинов и частных самолетов, от погребков с редчайшими винами, от гардеробов с роскошной, сшитой по последней моде одеждой, от неслышного и в то же время подавляющего присутствия своего бессмертного любовника, который дарил ему все, что только можно пожелать.

Но сейчас очень холодно, а у него нет ни комнаты, ни денег, и ему страшно.

«Ты же знаешь, где я, ты, демон! Ты знаешь, что сделал Лестат! И знаешь, что я хочу вернуться домой».

И каков в этом случае мог быть ответ Армана?

«Но я не знаю, Дэниел. Я слушаю. Я стараюсь узнать. Ведь я не Господь Бог, Дэниел».

Не имеет значения – ты просто приди, Арман. Приди. В Чикаго темно и холодно. А завтра вечером в Сан-Франциско Вампир Лестат будет исполнять на сцене свои песни. И произойдет что-то плохое. Этот смертный знает, что говорит.

Не замедляя шага, Дэниел сунул руку за воротник свое-

го мешковатого свитера и коснулся тяжелого золотого медальона, с которым никогда не расставался. Арман называл его амулетом – ему всегда была свойственна непреодолимая тяга к театральности, хотя сам он отказывался это признать. Внутри медальона находился крошечный флакончик с кровью Армана.

Интересно, а если бы он никогда не пил из этой чаши, явился бы ему этот сон, это видение, это предзнаменование гибели?

На него стали оборачиваться прохожие, – наверное, он опять разговаривает сам с собой. Порыв ветра заставил его громко вздохнуть. Впервые за все эти годы у него возникло искушение вскрыть медальон и флакон и ощутить на языке обжигающий вкус крови.

«Приди ко мне, Арман!»

Сон, пришедший к нему сегодня в полдень, оказался самым тревожным из всех.

Он сидел на скамейке в небольшом парке возле Уотер-тауэр. Раскрыв оставленную кем-то газету, он увидел объявление: «ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ В САН-ФРАНЦИСКО состоится КОНЦЕРТ ВАМПИРА ЛЕСТАТА». Кабельные телеканалы будут транслировать концерт в десять часов по чикагскому времени. Как хорошо тем, кто живет в доме, может платить за квартиру и электричество. Как же ему хочется побывать на этом концерте, получить истинное наслаждение при виде того, как Лестат всех удивит! Ему стало вдруг очень холод-

но, и он затрясся в сильнейшем ознобе.

А что, если Арману ничего не известно? Но в витринах музыкальных магазинов на острове Ночи наверняка выставлены пластинки Вампира Лестата. Его пленительные, гипнотические песни непременно звучат во всех элегантных салонах и фойе.

В какой-то момент Дэниелу даже пришло в голову отправиться в Калифорнию самостоятельно. Конечно, он сможет каким-нибудь чудом забрать из отеля свой паспорт и пойти с ним в банк. Богатый, ах, какой же он богатый, этот бедный смертный мальчик…

Но о столь решительном поступке и думать нечего. Теплые лучи солнца согрели его лицо и плечи, и он поудобнее устроился на скамейке, подложив под голову свернутую газету.

И вновь пришел сон, поджидавший его все это время…

Полдень в стране близнецов: солнечный свет заливает поляну. В царящей вокруг тишине слышится только пение птиц.

Близнецы неподвижно стоят в пыли, на коленях. Женщины очень бледны, у них зеленые глаза и длинные, вьющиеся медно-рыжие волосы. На них красивые одежды: белые полотняные платья прибыли из далекой Ниневии, где жители деревни купили их на рынке, чтобы умилостивить могущественных ведьм, которым подчиняются даже духи.

Погребальное пиршество готово. С печи сняты и отложе-

ны в сторону глиняные кирпичи, и горячее, дымящееся тело, из-под потрескавшейся кожи которого сочится желтая жидкость, покоится на каменной плите. Почерневшее обнаженное существо, прикрытое только спекшимися листьями. Зрелище привело Дэниела в ужас.

Но никого из присутствующих оно не ужасало – ни самих близнецов, ни жителей деревни, опустившихся на колени в ожидании начала пиршества.

Это пиршество было и правом и обязанностью близнецов. Обугленное тело на каменной плите принадлежало их матери. Человеческое должно остаться с людьми. Возможно, трапеза продлится целые сутки, но все будут наблюдать за ней до самого конца.

И вот по окружившей поляну толпе пробегает волна возбуждения. Одна из сестер поднимает блюдо, на котором лежат мозг и глаза, а другая кивает головой и берет блюдо с сердцем.

Итак, раздел состоялся. Раздается барабанная дробь, однако самого барабанщика Дэниел не видит.

Медленный, очень четкий и жесткий ритм.

«И да начнется пир!..»

Но вдруг раздается крик – Дэниел ожидал, что именно так и случится. «Остановите солдат!» Но он не в силах что-либо сделать. Именно так все это где-то произошло – теперь он в этом совершенно уверен. Это не сон, это видение. И он там не присутствует. Солдаты выскакивают на поляну, деревен-

ские жители бросаются врассыпную, близнецы ставят блюда и пытаются прикрыть своими телами дымящееся угощение. Это походит на всеобщее сумасшествие.

Солдаты с удивительной легкостью отрывают их от камня и поднимают плиту – тело падает, рассыпаясь на части, – а сердце и мозг швыряют в пыль. Близнецы пронзительно кричат, их вопль повторяется снова и снова…

Отовсюду доносятся крики крестьян, солдаты убивают их прямо на бегу. Горные тропы усеяны мертвыми и умирающими. Упавшие с блюда глаза матери вместе с мозгом и сердцем втоптаны в грязь.

Одна из сестер, с заломленными за спину руками, взывает к духам о мщении. И они откликаются, они действительно приходят. Поднимается вихрь. Но этого недостаточно.

Только бы все это наконец закончилось. Но Дэниел не может проснуться.

Безмолвие. В воздухе полно дыма. Там, где веками жили эти люди, не осталось ничего. Глиняные кирпичи разбросаны в беспорядке, глиняные горшки разбиты, все, что могло сгореть, сгорело. Мухи слетаются к лежащим на земле телам младенцев с перерезанным горлом. Никто не предаст огню эти трупы, никто не поглотит их плоть. Этот ритуал вместе со всеми его силами и тайнами навсегда исчезнет из жизни людей. Приближаются шакалы. Солдаты уже ушли. Где же близнецы? Он слышит их плач, но нигде не может их найти. Над узкой извилистой дорогой, пересекающей долину и

уходящей в сторону пустыни, разражается невиданной силы гроза. Духи вызывают гром. Духи проливают дождь.

Глаза его широко распахиваются. Чикаго, Мичиган-авеню, полдень. Сон исчез, как будто выключили свет. Он сидит, дрожащий, обливающийся потом.

Неподалеку работает радиоприемник. Завораживающий, скорбный голос Лестата поет о Тех, Кого Следует Оберегать:

Мать и Отец,
Храните молчание,
Храните свои тайны,
Но те, кто еще способен,
Пойте со мной эту песню.

Сыновья и дочери —
Дети Тьмы,
Возвысьте свой голос
И пойте хором,
И да услышат нас Небеса.

Собирайтесь все вместе,
Братья и сестры,
И приходите ко мне.

Он поднялся и пошел. В Уотер-тауэр, так похожий на остров Ночи с его необъятными магазинами, нескончаемой музыкой, обилием огней и сияющими стеклами витрин.

Сейчас уже почти восемь, а он все идет и идет, чтобы толь-

ко не заснуть, сбежать от сна. Ему было совсем не до музыки и света. Как долго будет длиться этот сон в следующий раз? Суждено ли ему узнать, живы они или погибли? Мои красавицы, мои несчастные красавицы…

Он остановился и на минуту повернулся спиной к ветру, прислушиваясь к доносящемуся откуда-то издалека бою курантов, и тут заметил заляпанные грязью часы над прилавком дешевой забегаловки: так и есть, Лестат на Западном побережье уже поднялся. Интересно, кто с ним сейчас? Там ли Луи? И концерт… до него осталось чуть больше суток. Катастрофа! Арман, пожалуйста.

Резкий порыв ветра заставил его отступить на несколько шагов, и его затрясло от холода. Руки заледенели. Кажется, никогда в своей жизни он еще так не замерзал. Вместе с толпой он терпеливо пересек Мичиган-авеню возле светофора и остановился перед стеклянными витринами книжного магазина, увидев выставленную там книгу «Вампир Лестат».

Арман ее, конечно же, прочел, слово за словом проглотил в свойственной ему жуткой, просто кошмарной манере чтения: он безостановочно перелистывал страницу за страницей, сверкающим взглядом мгновенно схватывая текст, пока не добирался до конца книги; после этого он отбрасывал книгу в сторону. Как может создание, сияющее такой красотой, вызывать такое… как бы это сказать, отвращение, что ли? Нет, он вынужден признать, что никогда не испытывал отвращения к Арману. Его неизменным чувством была ско-

рее неутолимая и безнадежная страсть.

Внутри теплого магазина молодая девушка взяла экземпляр книги Лестата и посмотрела в окно, пристально вглядываясь в стоящего на тротуаре Дэниела. Стекло перед ним запотело от дыхания.

«Не волнуйся, милая, я богатый человек. Я мог бы купить этот магазин со всеми книгами и подарить тебе. Я полновластный хозяин собственного острова, я приспешник дьявола, и он готов исполнить любое мое желание. Хочешь выйти и взять меня за руку?»

На побережье Флориды давно стемнело. Остров Ночи уже заполонили толпы людей.

С заходом солнца на каждом из пяти этажей устланного богатыми коврами особняка распахнули свои стеклянные двери магазины, рестораны и бары. Тихо загудели механизмы серебристых эскалаторов. Дэниел закрыл глаза, и перед его мысленным взором возникли стеклянные стены террас, с которых открывался вид на гавань. Он почти услышал грохот пляшущих струй фонтанов, увидел длинные узкие клумбы, на которых круглый год цвели нарциссы и тюльпаны, до него донеслась завораживающая музыка, звучащая словно биение сердца внутри всей этой красоты.

А Арман… Наверное, он бродит сейчас по тускло освещенным комнатам виллы, в нескольких шагах от туристов и покупателей, но при этом надежно отрезанный от них стальными дверями и белыми стенами, – бродит по обширно-

му пространству дворца с французскими окнами и широкими балконами, нависшими над светлым песком. Из уединенной, однако расположенной совсем недалеко от людской суеты просторной гостиной видны мерцающие береговые огни Майами.

А может быть, он вышел через одну из замаскированных в стенах дверей прямо на галерею для публики. «Жить и дышать среди смертных» – именно так он называл эти прогулки в стенах совершенно безопасной и изолированной от мира вселенной, созданной им вместе с Дэниелом. Как же Арман любит теплые бризы Мексиканского залива и вечную весну, царящую на острове Ночи!

Огни будут гореть до самого рассвета.

«Пришли за мной кого-нибудь, Арман! Ты мне нужен! Признайся, ведь ты же сам хочешь, чтобы я вернулся домой!»

Нечто подобное происходило и раньше, причем неоднократно. И никоим образом не было связано ни со странными снами, ни с возвращением Лестата, рычащего с экранов и кассет, словно Люцифер.

Обычно, когда Дэниел, испытывая потребность в смене обстановки, переезжал из города в город и бродил по улицам Нью-Йорка, Чикаго или Нового Орлеана, в течение нескольких месяцев все шло нормально. И вдруг происходил полный разлад. В какой-то момент он осознавал, что вот уже целых пять часов не встает с кресла. Или внезапно, охвачен-

ный страхом, просыпался в несвежей, вонючей постели, не в силах вспомнить даже название города, в котором находится или в котором был несколько дней назад. И тогда за ним приезжала машина, а чуть позже самолет уносил его домой.

И разве не Арман стоял за всем этим? Разве не он каким-то образом провоцировал такие периоды умопомрачения у Дэниела? Разве не Арман с помощью черной магии иссушал все источники удовольствия и буквально выбивал у него почву из-под ног? А ведь дело доходило до того, что при виде знакомого лица шофера, везущего его в аэропорт, – человека, которого не шокировали ни выходки Дэниела, ни его небритое лицо, ни грязная одежда, – он приходил едва ли не в восторг!

Но каждый раз, когда Дэниел оказывался в конце концов на острове Ночи, Арман все отрицал.

– Ты вернулся ко мне, потому что сам этого хотел, – как ни в чем не бывало говорил Арман, и его сияющее лицо оставалось при этом невозмутимым, а глаза излучали любовь. – Теперь у тебя нет ничего, Дэниел, только я. И это тебе известно. За пределами этого острова тебя ждет безумие.

– Старая песня, – неизменно отвечал Дэниел. Но вокруг царила такая роскошь, что голова шла кругом: мягкие постели, музыка, стакан вина в руке… В комнатах всегда полно цветов, любимые блюда подают на серебряных подносах.

Полулежа в огромном черном, обитом бархатом кресле, Арман смотрел телевизор: новости, фильмы, кассеты с запи-

сью стихов в собственном исполнении, идиотские комедии, драмы, мюзиклы, немое кино – он походил на Ганимеда в белых брюках и белой шелковой рубашке.

– Входи, Дэниел, садись. Вот уж не ожидал, что ты так скоро вернешься.

– Сукин ты сын, – отвечал Дэниел. – Ведь это ты хотел моего возвращения, ты призывал меня. Я не мог ни есть, ни спать, только и делал, что думал о тебе. Это твоих рук дело.

Арман улыбался, иногда даже смеялся. Звучный, богатый оттенками смех Армана всегда красноречиво свидетельствовал о его признательности и в то же время о том, что он относится к ситуации с юмором. Когда он смеялся, его вполне можно было принять за смертного.

– Успокойся, Дэниел. У тебя чересчур сильно бьется сердце. Это меня пугает. – Едва заметная морщинка на гладком лбу, исполненный сочувствия голос. – Скажи мне, чего ты хочешь, Дэниел, и я дам это тебе. Почему ты все время убегаешь?

– Врешь, ублюдок! Признайся, что я тебе нужен. Ведь ты будешь мучить меня до конца жизни, а потом с интересом наблюдать, как я умираю! Разве не так? Луи был совершенно прав, когда говорил, что смертные рабы для тебя ничего не значат, что тебя занимает только их смерть! Я буду умирать, а ты в это время – следить за тем, как изменяется цвет моего лица.

– Это Луи так говорит, – терпеливо отвечал Арман. – И

будь добр, не приводи мне больше цитаты из этой книги. Я скорее умру сам, чем увижу мертвым тебя, Дэниел.

– Так дай же мне его – будь ты проклят! – дай мне бессмертие, до которого уже рукой подать!

– Нет, Дэниел, я скорее умру, чем совершу с тобой такое.

Но даже если и не Арман был причиной тех приступов безумия, которые заставляли Дэниела возвращаться домой, он, несомненно, всегда знал, где находится Дэниел. Он мог услышать его зов. Иначе и быть не могло, ведь их связывала кровь – драгоценные капли обжигающей сверхъестественной крови. Их оказалось достаточно лишь для того, чтобы пробудить в Дэниеле мечты и жажду вечности, заставить цветы на обоях петь и танцевать. Как бы то ни было, Дэниел был уверен, что Арман может найти его в любой момент.

В первые годы, еще до обмена кровью, Арман преследовал Дэниела с хитростью гарпии. Не было на земле места, где Дэниел мог бы спрятаться.

Исполненным кошмара и в то же время чрезвычайно заманчивым было начало их общения в Новом Орлеане, когда двенадцать лет назад Дэниел вошел в полуразрушенный старый дом в Садовом квартале и сразу же понял, что это тайное убежище вампира Лестата.

Десятью днями раньше он сбежал из Сан-Франциско, еще не успев прийти в себя, после того как получил окончательное подтверждение правдивости страшной исповеди вампи-

ра Луи в данном им интервью. Неожиданно схватив его, Луи продемонстрировал свои сверхъестественные способности и опустошил Дэниела почти до смерти. Следы укуса исчезли, но воспоминание о нем едва не свело Дэниела с ума. В лихорадке, иногда даже в бреду, он преодолевал всего лишь по нескольку сотен миль в день. В дешевых придорожных мотелях, где он с трудом заставлял себя хоть немного перекусить, Дэниел постепенно переписал пленки с интервью, одну за другой отсылая копии своему нью-йоркскому издателю; так что задолго до того, как он появился у ворот дома Лестата, книга уже была в работе.

Но публикация книги отошла для него на второй план – как событие, связанное с ценностями далекого, скрывающегося в тумане мира.

Он просто обязан был найти вампира Лестата. Ему необходимо было откопать бессмертного создателя Луи, который по-прежнему существует где-то в этом сыром, декадентском и прекрасном старом городе и, возможно, ждет его, Дэниела, ждет, когда он разбудит его и вернет в тот век, который привел его в ужас и заставил уйти под землю.

Луи, конечно же, добивался именно этого. А иначе зачем стал бы он давать смертному посланнику столько подсказок относительно местонахождения Лестата? Некоторые детали, однако, сбивали его с толку. Интересно, Луи намеренно допустил эти неточности? Впрочем, теперь это уже не важно. Просмотрев регистрационные книги, Дэниел выяснил номер

дома, а также кто и на каком основании является его собственником; имя владельца говорило о многом: Лестат де Лионкур.

Железные ворота даже не были заперты; Дэниел буквально прорубил себе путь через заросший сад и без труда сломал ржавый замок на входной двери.

С собой у него был только карманный фонарик. Однако сквозь дубовые ветки пробивался белый свет ясной и полной луны. Он увидел бесчисленное множество томов, сложенных вдоль стен от пола до потолка, – такое впечатление, что перегородки между комнатами были построены из книг. Человек не смог бы действовать столь одержимо и методично. Дойдя до спальни наверху, он опустился на колени и в толстом слое пыли поверх полусгнившего ковра на полу нашел золотые карманные часы, на которых было выгравировано имя: «Лестат».

О, этот восхитительный до дрожи миг – мгновение, когда маятник наконец качнулся и на смену все возрастающему безумию пришла новая страсть! Теперь, убедившись в реальности существования этих ужасных и смертоносных созданий с бледной кожей, он будет разыскивать их по всему свету.

К чему он стремился в те первые недели? Надеялся стать обладателем удивительных секретов бытия? Но разве могло такого рода знание принести хоть какую-то пользу тому, чье существование уже преисполнено разочарования? Нет,

он хотел навеки отказаться от всего, что когда-то любил. Его манил к себе жестокий и чувственный мир Луи.

Зло. Теперь он навсегда избавился от страха.

Возможно, чувства его были сродни тем, которые испытывает заблудившийся в джунглях исследователь, после многодневных скитаний вдруг увидевший перед собой увитые лианами стены легендарного храма, резьба и надписи на которых скрыты под слоем паутины. Его не волнует тот факт, что он может погибнуть и не успеет поведать миру о своей находке, – он своими глазами узрел истину, и только это имеет значение.

Если бы только он мог приоткрыть дверь чуть пошире, увидеть все величие этого мира! Если бы только ему позволили туда войти! Может быть, ему просто хотелось жить вечно. Кто посмеет винить его за это?

В разбитые окна полуразрушенного старого дома Лестата заглядывали ветки шиповника, от некогда удобной кровати с пологом остался один лишь остов, и все же здесь, в этих стенах, он чувствовал себя в безопасности.

Он сумел приблизиться к ним, оказался совсем рядом с их драгоценной Тьмой, с их чудесным всепоглощающим мраком. Царящая здесь атмосфера безнадежности, заплесневелые резные кресла, еще сохранившие фрагменты резьбы и бархатной обивки, даже черви, доедавшие остатки ковра, – все приводило его в восторг.

Но главное – его находка! Поистине неоценимая реликвия

– блестящие золотые часы с именем бессмертного!

Чуть погодя он открыл гардероб: черные сюртуки рассыпались от малейшего прикосновения, стоящие на кедровых полках ботинки ссохлись и утратили форму.

Но ты же здесь, Лестат! Он достал из сумки магнитофон, вставил первую кассету, и в темной комнате тихо зазвучал голос Луи. Шли часы, одна кассета сменяла другую…

Перед самым рассветом в доме кто-то появился, и Дэниел понял, что эта встреча предначертана ему судьбой. Лунный свет упал на совсем юное лицо, на каштановые волосы. Земля под ногами качнулась, и все вокруг окутал мрак. Последним его словом было с трудом произнесенное имя: «Арман».

Он должен был тогда умереть. Так по чьей же прихоти он выжил?

Он очнулся в темном и сыром подземелье. Со стен капала вода. Двигаясь на ощупь в кромешной тьме, он обнаружил заложенное кирпичом окно и запертую стальную дверь.

Утешением ему могло послужить лишь то, что он нашел еще одного бога из тайного пантеона – Армана, старейшего из упомянутых Луи бессмертных; Армана, главу общины парижского Театра вампиров в девятнадцатом веке, того, кто поведал Луи страшную тайну: «О нашем происхождении ничего не известно».

Похоже, Дэниел пролежал в этой тюрьме три дня и три ночи. Точно сказать невозможно. Он находился на грани жизни и смерти, его тошнило от запаха собственной мочи, насе-

комые сводили с ума. Тем не менее он был охвачен благоговейным трепетом. Наконец-то он приблизился к тем волнующим воображение тайнам Тьмы, которые открыл ему Луи. То приходя в себя, то снова теряя сознание, он грезил о Луи: вот они с Луи беседуют в грязной комнатушке в Сан-Франциско – «всегда существовали такие, как мы, всегда», – а вот Луи обнимает его, и в тот момент, когда Дэниел видит его клыки, зеленые глаза вампира темнеют.

На четвертую ночь Дэниел проснулся и понял, что он уже не один – кто-то или что-то находится совсем рядом. Дверь открыта, и за ней виден коридор. Слышалось журчание воды, как будто в подземной сточной трубе. Постепенно глаза привыкли к грязно-зеленоватому свету, проникавшему через дверь, и он увидел, что кто-то с очень белой кожей стоит, прислонившись к стене.

Безукоризненно сшитый черный костюм, накрахмаленная белая рубашка – выглядел он вполне современно. Каштановые волосы коротко подстрижены, блеск ногтей заметен даже в этой полутьме. Словно покойник в гробу – стерильный, безупречно подготовленный.

Голос его звучал тихо, и в нем слышался едва заметный акцент, но не европейский, а более резкий и одновременно более мягкий. Возможно, арабский или греческий, во всяком случае похожий на них. Он говорил медленно, и в тоне его не было и тени гнева:

– Убирайся. Забирай свои кассеты. Они лежат возле те-

бя. Я знаю о твоей книге. Никто ей не поверит. Немедленно уходи и забирай свои вещи.

«Значит, ты не убьешь меня? И не сделаешь одним из вас?»

Даже думать об этом было глупо, но он не мог остановиться. Он видел эту силу своими глазами! Ни о какой хитрости или лжи и речи быть не могло! Он настолько ослабел от страха и голода, что заплакал вдруг как ребенок.

– Сделать тебя одним из нас? – Акцент усилился, придав голосу нежную мелодичность. – А с какой стати? – Глаза его сузились. – Я не поступил бы так даже с теми, кого презираю, кого предпочел бы видеть горящим в адском огне. Так почему же я должен совершить это с таким наивным дураком, как ты?

«Я этого хочу. Хочу жить вечно». Дэниел сел, потом медленно, с трудом поднялся на ноги, пытаясь лучше разглядеть Армана. В дальнем конце коридора тускло светилась лампочка. «Я хочу быть с Луи и с тобой».

В ответ – тихий, слабый смешок. Но в нем звучит презрение.

– Понимаю, почему он выбрал тебя для своих откровений. Ты наивен и красив. Но, знаешь, достаточно было бы и одной красоты.

Молчание.

– У тебя необычный цвет глаз, почти фиолетовый. И в тебе удивительным образом сочетаются дерзость и в то же вре-

мя подобострастие.

«Сделай меня бессмертным! Подари мне вечность!»

И вновь смешок, но на этот раз с оттенком печали. И вновь тишина, нарушаемая лишь отдаленным журчанием воды. Помещение приобрело очертания – грязная дыра, подвал какого-то здания. Неясный силуэт постепенно вырисовывался все отчетливее. Можно было даже увидеть слабый розоватый оттенок гладкой кожи.

– Все, что он рассказал тебе, – правда. Но никто и никогда этому не поверит. А твое знание когда-нибудь доведет тебя до безумия. Так происходит всегда. Но пока еще ты не сумасшедший.

«Нет, я не сумасшедший. Все происходит на самом деле. Ты – Арман, и мы с тобой беседуем».

– Все так. И мне представляется довольно занятным… занятным, что тебе известно мое имя и при этом ты все еще жив. Я никогда не открывал свое имя кому-либо из живых. – Арман заколебался. – Я не хочу тебя убивать. По крайней мере сейчас.

Дэниел испытал первый приступ страха. Если приглядеться к этим существам повнимательнее, становится понятно, кем они являются на самом деле. То же самое было и с Луи. Нет, они не живые люди, а всего лишь отвратительная их имитация. А этот – сияющий манекен в образе юноши!

– Я намереваюсь выпустить тебя отсюда, – очень тихо, можно даже сказать, учтиво проговорил Арман. – Я хочу по-

следовать за тобой, буду наблюдать, следить за тем, куда ты пойдешь. И до тех пор пока ты будешь мне интересен, я тебя не убью. Может случиться и так, что я совершенно утрачу к тебе интерес и тоже не стану утруждать себя убийством. Такая вероятность всегда существует. Тебе остается только надеяться. Возможно, если тебе повезет, я потеряю твой след. Для меня, конечно, тоже существуют пределы. В твоем распоряжении весь мир, и к тому же ты можешь передвигаться при свете дня. А теперь убирайся. Беги! Я хочу посмотреть, что ты станешь делать, хочу понять, что ты собой представляешь.

«А теперь убирайся. Беги!»

Наутро он уже летел в Лиссабон, сжимая в кулаке часы Лестата. Но через две ночи в Мадриде, в городском автобусе, он обернулся и всего лишь в нескольких дюймах от себя увидел Армана. А неделю спустя, бросив взгляд в окно венского кафе, он вновь заметил Армана, следившего за ним с улицы. В Берлине Арман уселся рядом с ним в такси и уставился на него так пристально, что Дэниел не выдержал и, выскочив из машины прямо посреди проезжей части, бросился прочь.

Однако через несколько месяцев на смену такого рода изматывающему безмолвному противостоянию пришли более активные действия.

Однажды, проснувшись в номере пражского отеля, он обнаружил возле себя кипящего в неистовой ярости Армана.

– Я требую, чтобы ты немедленно поговорил со мной!

Просыпайся! Сейчас же! Я хочу, чтобы ты сопровождал меня и показал все, что есть в этом городе. Почему ты приехал именно сюда?

Путешествуя поездом по Швейцарии, он вдруг увидел напротив Армана, наблюдающего за ним поверх поднятого воротника мехового пальто. Выхватив у него из рук книгу, Арман потребовал объяснить ему, о чем она, почему он ее читает и что означает рисунок на обложке.

В Париже Арман каждую ночь упорно следовал за ним по бульварам и улочкам, время от времени донимая его вопросами о тех местах, где он бывал, и о том, чем он занимался. В Венеции он выглянул из своей комнаты в «Даниэли» и увидел, что Арман следит за ним из окна напротив.

После этого Арман не появлялся в течение нескольких недель. Дэниел испытывал нечто среднее между ужасом и неясной надеждой и вновь засомневался в здравости своего рассудка. Но Арман ждал его в нью-йоркском аэропорту. А когда следующей ночью Дэниел вошел в ресторан бостонского отеля «Копли», Арман ждал его там. Обед для него был уже заказан. Арман пригласил Дэниела за свой столик и поинтересовался, известно ли ему, что «Интервью с вампиром» уже в продаже?

– Должен признаться, меня радует моя небольшая доля славы, – сказал Арман с безукоризненной вежливостью и недоброй улыбкой. – Однако твое нежелание стать известным меня озадачило. Ты не поставил свое имя как «автора»,

и это означает, что ты либо слишком скромен, либо труслив. И тот и другой варианты для меня одинаково скучны.

– Я не голоден, давай уйдем отсюда, – слабым голосом попросил Дэниел. Но тут на их столик потекла нескончаемая вереница блюд; присутствующие смотрели на них во все глаза.

– Я не знал, что именно ты предпочитаешь, – с восторженной улыбкой признался Арман. – Поэтому заказал все подряд.

– Решил, что можешь свести меня с ума, да? – рявкнул Дэниел. – Нет, не можешь. Вот что тебе скажу. Каждая встреча с тобой еще раз убеждает меня в том, что я ничего не выдумал и пока еще в своем уме!

И он начал есть, жадно, яростно: немного рыбы, немного говядины, немного телятины, немного сыра – всего понемногу, смешав все вместе, – какая разница! – а Арман наблюдал за ним, скрестив руки, и от восторга смеялся как мальчишка. Именно тогда Дэниел впервые услышал этот мягкий шелковистый смех. Такой соблазнительный! Он постарался напиться как можно быстрее.

Их встречи становились все более продолжительными. Беседы, споры, безжалостные словесные баталии вошли в привычку. Однажды в Новом Орлеане Арман с воплем вытащил Дэниела из постели:

– Телефон! Звони в Париж, сейчас же! Я хочу проверить, действительно ли смогу разговаривать с Парижем.

– Черт побери, сам звони, – взорвался Дэниел. – Тебе уже пятьсот лет, а ты до сих пор не научился пользоваться телефоном? Прочти инструкцию. Ты кто – идиот бессмертный? Ничего подобного я делать не буду.

Как же удивился тогда Арман!

– Ладно, соединю я тебя с Парижем. Но счет оплатишь ты.

– О чем разговор, – самым невинным тоном ответил Арман. Вытащив из кармана пачку стодолларовых купюр, он веером рассыпал их по кровати Дэниела.

Встречаясь, они все чаще спорили на философские темы. В Риме, вытащив Дэниела из какого-то театра, Арман спросил, что он думает о сущности смерти. Живым должны быть известны такие вещи! Знает ли Дэниел, чего боится Арман?

Но Дэниелу было наплевать. Давно перевалило за полночь, он устал, напился и крепко спал в театре, пока его не нашел Арман.

– Я скажу тебе, чего я боюсь, – серьезно заговорил Арман, и голос его звучал напряженно. – Того, что после смерти наступает хаос, что начинается сон, от которого нельзя пробудиться. Представь, что ты впал в полубессознательное состояние и тщетно пытаешься вспомнить, кто ты сейчас и кем был прежде. Представь, что ты обречен на вечные напряженные поиски ясности, доступной лишь живым…

Его слова испугали Дэниела. Все это звучало вполне правдоподобно. Ведь ходят же слухи о том, что медиумы беседуют с неосязаемыми, но могущественными призраками. Но

сам он не знал. Откуда ему, черт возьми, знать? Может быть, за порогом смерти вообще ничего нет. Это приводило Армана в ужас, и он даже не пытался скрыть свои страдания.

– Ты думаешь, что меня это не приводит в ужас? – пристально глядя на белолицее создание, спросил Дэниел. – Сколько лет мне еще осталось? Можешь ты определить это просто на взгляд? Скажи!

Когда Арман разбудил его в Порт-о-Пренс, то пожелал поговорить о войне. Что все-таки думают о ней люди этого века? Знает ли Дэниел, что Арман был еще очень юным, когда все началось? Ему было семнадцать лет – совсем мало по тем временам, совсем мало. Семнадцатилетние мальчики двадцатого века в сущности взрослые люди – у них растут бороды и волосы на груди; и тем не менее их считают детьми. А тогда все было иначе. Будучи детьми, они работали как взрослые.

Давайте, однако, не будем отклоняться от темы. Дело в том, что Арман понятия не имел о том, что чувствуют мужчины. Он никогда не был мужчиной. Конечно, он познал плотские наслаждения, это было в порядке вещей. В те времена никто не считал, что детям неведомы чувственные наслаждения. Но он практически не знал, что такое настоящая агрессия. Он убивал только потому, что такова была его природа вампира: кровь неотразима. Но почему мужчины находят неотразимой войну? Откуда возникает желание нападать с оружием на другое живое существо? Каковы истоки физи-

ческой потребности к разрушению?

В такие моменты Дэниел старался найти наилучший ответ: некоторые люди испытывают потребность в самоутверждении путем уничтожения других. Арман, без сомнения, знает об этом.

– Знаю? Знаю? Да какое это имеет значение, если ты не в силах понять? – возбужденно спрашивал Арман, и акцент его при этом становился непривычно резким. – Если одно твое понимание не переходит в другое? Разве тебе не ясно, что именно этого мне и недостает.

Когда он разыскал Дэниела во Франкфурте, речь зашла о природе истории, о невозможности написания последовательного изложения событий, которое по сути своей не было бы ложью. О том, что обобщения не способствуют установлению истины, и о том, что без них невозможно дальнейшее развитие знаний.

Не всегда, однако, Арман встречался с ним в корыстных целях. Однажды в Англии на постоялом дворе он разбудил Дэниела и приказал ему немедленно уходить оттуда. Меньше чем через час здание сгорело.

В другой раз, в Нью-Йорке, Арман заплатил за него залог и вытащил из тюрьмы, куда он угодил за пьянство и бродяжничество. Как всегда после плодотворной охоты, он выглядел вполне обыкновенным человеком – молодой адвокат в твидовом пиджаке и фланелевых брюках. Проводил Дэниела в отель «Карлайл», чтобы тот проспался, и оставил ему

полный чемодан одежды, а в кармане – набитый деньгами бумажник.

После приблизительно полутора лет такого сумасшествия Дэниел в конце концов и сам начал задавать Арману множество вопросов: «Как на самом деле жили тогда в Венеции?»; «Посмотри этот фильм, действие которого происходит в восемнадцатом веке, и скажи, что в нем неправильно».

Но Арман отвечал на удивление неохотно.

– Я не могу рассказать тебе о такого рода вещах, потому что мне не довелось испытать их на себе. Видишь ли, моя способность синтезировать знания весьма ограниченна; я сосредоточенно и глубоко рассматриваю каждый определенный момент. Какой была жизнь в Париже? Спроси меня, шел ли дождь в субботнюю ночь пятого июня тысяча семьсот девяносто третьего года. На этот вопрос я, возможно, смогу ответить.

Но иногда он вдруг взахлеб начинал говорить об окружающих его вещах, о пугающе нарочитой чистоплотности нынешней эры, об ужасающем ускорении перемен.

– Вот возьми, к примеру, изобретения, которые потрясли мир, но в течение всего лишь одного века стали бесполезными или устарели: пароход и железные дороги. А известно ли тебе, какое значение они имели после шести тысяч лет рабства на галерах и путешествий верхом? Теперь танцовщица покупает химический препарат, чтобы убить семя своих любовников, и доживает до семидесяти пяти лет в комнате, где

полно приспособлений, охлаждающих воздух и полностью поглощающих пыль! Однако, несмотря на множество костюмированных фильмов и дешевых изданий исторических книг, которыми завалена любая аптека, публика не имеет достоверных сведений ни о чем; каждая общественно значимая проблема рассматривается с точки зрения «норм», которых в действительности никогда не существовало, люди воображают, что их «лишили» роскоши и покоя, в то время как на самом деле никто и никогда не имел их в достаточном количестве.

– Но какой была Венеция, когда ты там жил? Расскажи мне…

– Что рассказать? Что она была грязной? Что она была прекрасной? Что одетые в лохмотья люди с гнилыми зубами и отвратительным запахом изо рта веселились во время публичных казней? Хочешь знать, в чем состоит главное отличие? В том, что в настоящее время люди страшно одиноки. Нет, ты выслушай меня. В те годы, когда я еще принадлежал к числу живых, мы жили по шесть-семь человек в комнате. Городские улицы заполняло море людей; а сейчас смятенные души наслаждаются в своих высотных домах роскошью и уединением и сквозь стекло телевизионных экранов взирают на далекий мир поцелуев и прикосновений. Непременно нужно было накопить такое огромное количество знаний и достичь нового уровня человеческого сознания, любопытствующего скептицизма, чтобы стать столь одинокими.

Дэниел завороженно слушал и иногда даже пытался записывать высказывания Армана. И все же Арман по-прежнему пугал его. Дэниел постоянно переезжал с места на место.

Он не мог точно сказать, сколько времени прошло до того момента, когда закончилось его бегство, однако забыть ту ночь совершенно невозможно.

Вероятно, игра продолжалась уже года четыре. Дэниел провел спокойное лето на юге Италии и за все это долгое время ни разу не встретил своего знакомого демона.

В дешевом отеле, стоявшем в полуквартале от развалин древних Помпеев, он читал, писал и пытался определить, как повлияла на него встреча со сверхъестественным и каким образом он может вернуть себе желания, мечты и способность к воображению. Бессмертие на этой земле возможно. В этом он не сомневался, но что в нем проку, если Дэниелу не суждено его обрести?

Днем он бродил по открывшимся взору благодаря раскопкам разрушенным улицам древнеримского города. А в полнолуние прогуливался там в одиночестве и по ночам. Казалось, он вновь обрел душевное равновесие. Быть может, вскоре вернется и жизнь. Когда он растирал в пальцах зеленые листья, они пахли свежестью. Он смотрел на звезды и чувствовал скорее печаль, чем гнев и возмущение.

Но бывали минуты, когда он просто сгорал от желания видеть Армана, словно тот был своего рода эликсиром, жизнь

без которого невозможна. Ему недоставало темной энергии, поддерживавшей его на протяжении четырех лет. Во сне он часто видел рядом с собой Армана; он просыпался и рыдал как последний дурак. Наутро он грустил, но был спокоен.

Потом Арман вернулся.

Было поздно, часов, наверное, десять вечера, и небо приобрело тот сверкающий темно-синий цвет, какой часто можно видеть в южной Италии. Дэниел одиноко прогуливался по длинной дороге, ведущей от Помпеев к Вилле Мистерий, надеясь, что охранники его не прогонят.

Когда он добрался до древнего строения, все вокруг словно застыло. Никакой охраны. Ни единой живой души. И вдруг перед самым входом в дом беззвучно возник Арман. Опять Арман.

Он молча вышел из тени в поток лунного света – совсем еще мальчик в грязных джинсах и потертой джинсовой куртке; его рука легко скользнула, обнимая Дэниела за плечи, и он нежно поцеловал Дэниела в щеку. Как тепла его кожа, наполненная кровью очередной жертвы. Дэниелу показалось даже, что он ощущает ее запах – пропитавший Армана аромат жизни.

– Хочешь зайти в этот дом? – прошептал Арман. Никакие запоры не могли стать ему преградой. Дэниел дрожал с головы до ног и был готов расплакаться. Ну почему все так? Почему, черт его побери, он так рад видеть его, прикасаться к нему?

Они вошли в темные комнаты с низкими потолками. Ощущая на своей спине тяжесть руки Армана, Дэниел чувствовал странное успокоение. Ах да, интимная близость – так это, кажется, называется. Ты мой тайный…

Тайный любовник.

Да.

Позже, когда они стояли рядом в разрушенной столовой с едва различимыми в темноте знаменитыми фресками, изображающими ритуальные бичевания, Дэниела вдруг осенило: «Так, значит, он не собирается меня убивать. Он не станет это делать. Он, конечно, не намеревается сделать меня таким же, как он, но и убивать не будет. Все закончится по-другому».

– Но как мог ты считать иначе? – прочитав его мысли, спросил Арман. – Я же люблю тебя. Если бы я не влюбился в тебя, то, разумеется, давно бы убил.

Сквозь деревянные решетки в комнату проникал лунный свет. Великолепно выписанные фигуры словно ожили на темно-красном – цвета засохшей крови – фоне фресок.

Дэниел пристально вгляделся в стоявшее перед ним существо, в того, кто выглядел как человек и разговаривал как человек, но при этом человеком не был. В его сознании произошел какой-то страшный сдвиг: он вдруг словно увидел перед собой гигантское насекомое, хищное и злобное чудовище, поглотившее миллионы человеческих жизней. И тем не менее он любил его. Любил его гладкую белую кожу и огром-

ные темно-карие глаза. Он любил не того, кто внешне походил на нежного и чуткого юношу, а нечто отвратительное, ужасное, омерзительное и в то же время прекрасное. Он любил его так, как люди любят зло, потому что оно приводит их в восторг и заставляет трепетать их души. Вы только представьте себе: убивать таким образом, по своему желанию отбирать жизнь, вонзать зубы в любого и брать у него все, что он только может дать!

Посмотрите на его одежду. Голубая хлопчатобумажная рубашка, джинсовая куртка с латунными пуговицами. Откуда у него все это? Конечно же, снял с жертвы. Словно содрал с нее, еще теплой, кожу. Неудивительно, что вещи по-прежнему пахнут потом и кровью, хотя на вид совершенно чистые. А волосы подстрижены так, будто и не собираются в ближайшие двадцать четыре часа вновь, как обычно, отрасти до плеч. Вот оно, зло. Вот она, иллюзия. «Вот кем я хочу стать, и вот почему я не в силах видеть его».

Губы Армана дрогнули в едва заметной нежной улыбке. Глаза его подернулись пеленой и закрылись. Он склонился над Дэниелом и прижался губами к его шее.

И вновь Дэниел почувствовал, как его кожу пронзили острые зубы, – совсем как тогда, в комнатушке на Дивисадеро-стрит в Сан-Франциско, где он был с вампиром Луи. Он ощутил острую боль и пульсирующее тепло.

– И все-таки ты меня убиваешь? – Он вдруг почувствовал слабость, жар и переполняющую его любовь. – Что ж, сделай

это.

Но Арман выпил лишь несколько капель. Он отпустил Дэниела и слегка надавил ему на плечи, заставляя опуститься на колени. Подняв глаза, Дэниел увидел, что из запястья Армана течет кровь. Вкус этой крови был равносилен электрошоку. Ему вдруг на мгновение показалось, что Помпеи наполнились шепотом и плачем; словно из древних времен до него донесся волнующий душу слабый отголосок давних смертей и страданий. Среди дыма и пепла погибают тысячи людей. Тысячи людей умирают вместе. *Вместе*. Дэниел теснее прильнул к Арману. Но крови больше не было. Остался лишь ее вкус на губах.

– Теперь ты принадлежишь мне, красавчик, – сказал Арман.

На следующее утро, проснувшись в номере отеля «Эксельсиор» в Риме, Дэниел знал, что впредь никогда не будет убегать от Армана. Тот пришел к нему меньше чем через час после захода солнца. Они отправляются в Лондон, машина ждет, чтобы отвезти их в аэропорт. Но у них есть еще время, чтобы вновь броситься в объятия друг друга и обменяться кровью.

– Вот отсюда, из горла, – прошептал Арман, ладонью прижимая к себе голову Дэниела.

Волнующая, приводящая в трепет беззвучная пульсация… Свет ламп усилился, стал ярче, залил всю комнату…

Любовники. Итак, их отношения переросли в самозабвен-

ный, всепоглощающий роман.

– Ты будешь моим учителем, – сказал ему Арман. – Ты расскажешь мне все об этом веке. Я уже начал познавать тайны, ускользнувшие от моего внимания с самого начала. Если захочешь, ты будешь ложиться спать с восходом солнца, но ночи принадлежат мне.

Они с головой погрузились в самую гущу жизни. В том, что касается притворства, Арман был поистине гением; каждый вечер он отправлялся на охоту пораньше, и где бы они ни оказались, его всюду принимали за человека. Кожа его была горячей, с лица не сходило выражение страстного любопытства, объятия становились торопливыми и лихорадочными.

Выдержать такой темп по силам только другому бессмертному. Дэниел клевал носом на симфонических концертах, в опере и на тысячах разных фильмов, которые заставлял его смотреть Арман. Потом были бесчисленные вечеринки, суматошные, шумные сборища от Челси до Мэйфейр, где Арман вел бесконечные политические и философские споры со студентами или светскими дамами – с любым, кто предоставлял ему хоть малейшую возможность для этого. Глаза его влажнели от возбуждения, голос терял сверхъестественное звучание и обретал вполне человеческую тональность, ничем не отличавшуюся от манеры говорить, свойственной прочим присутствующим.

Его завораживала любая одежда, но не красотой, а тем значением, которое он ей приписывал. Он носил джинсы и джемперы, как Дэниел; он надевал на себя свитеры, связанные из толстых ниток, рабочие башмаки, кожаные ветровки и сдвинутые на макушку очки с зеркальными стеклами. Иногда ему вдруг приходило в голову нарядиться в безупречно сшитый парадный костюм, смокинг или фрак с белым галстуком-бабочкой. Сегодня он мог носить короткую стрижку, делавшую его похожим на студента Кембриджа, а назавтра явиться с длинными, как у ангела, волосами.

Казалось, они с Дэниелом только и делают, что поднимаются по четырем пролетам темной лестницы, чтобы нанести визит какому-нибудь художнику, скульптору, фотографу или же посмотреть совершенно особенный, так и не вышедший на экраны фильм, который произвел переворот в искусстве. Они часами просиживали в холодных квартирах темноглазых молодых женщин, исполнявших рок-композиции и заваривавших травяной чай, который Арман никогда не пил.

Стоит ли говорить, что в Армана влюблялись и мужчины, и женщины: «такой невинный, такой страстный, такой великолепный». Кто бы сомневался. Действительно, способность Армана к обольщению практически не поддавалась его контролю. А ложиться в постель с теми несчастными, кого Арману удавалось туда заманить, приходилось Дэниелу, в то время как темноглазый купидон, сидя в кресле, с нежной одобрительной улыбкой наблюдал за происходящим.

Вдохновляемый двусмысленностью каждого интимного жеста, Дэниел трудился с величайшим самозабвением; присутствие свидетеля делало его страсть еще более жаркой, опаляющей и иссушающей душу. Однако после, чувствуя себя опустошенным и исполненный негодования, он лежал и холодно смотрел на Армана.

В Нью-Йорке они продолжали метаться между вернисажами, кафе и барами, а однажды усыновили молодого танцора и оплатили его обучение. Они сидели на верандах Сохо и Гринвич-виллидж, проводя часы с каждым, кто готов был к ним присоединиться. Они посещали вечерние курсы по литературе, философии, истории искусств и политике. Они изучали биологию, покупали микроскопы, собирали образцы. Они штудировали книги по астрономии и устанавливали гигантские телескопы на крышах домов, в которых жили всего лишь по нескольку дней, самое большее – месяц. Они ходили на боксерские матчи, рок-концерты и бродвейские шоу.

Воображением Армана завладевало то одно, то другое техническое изобретение. Сначала это были миксеры, в которых он готовил чудовищные смеси, в основном руководствуясь цветами ингредиентов; за ними последовали микроволновые печи, где он жарил тараканов и крыс. Его очаровали агрегаты для уничтожения мусора; он скармливал им бумажные полотенца и целые пачки сигарет. Следом шли теле-

фоны. Он названивал во все концы планеты и вел многочасовые беседы со смертными в Австралии или Индии. В конце концов его полностью поглотило телевидение, и квартира оказалась битком забитой грохочущими колонками и мерцающими экранами.

Любое изображение голубого неба он воспринимал как захватывающее зрелище. Потом ему захотелось смотреть новости, популярные сериалы, документальные фильмы и, наконец, все фильмы подряд, вне зависимости от их художественных достоинств.

В конце концов он стал отдавать предпочтение отдельным фильмам. Он снова и снова смотрел фильм Ридли Скотта «Бегущий по лезвию бритвы», а могучий Рутгер Хауэр в роли лидера восставших андроидов, который лицом к лицу сталкивается со своим создателем-человеком, целует его и тут же проламывает ему череп, приводил Армана в восторг. Хруст костей и ледяное выражение голубых глаз Хауэра заставляли его губы медленно растягиваться в проказливой улыбке.

– Вот он, твой друг Лестат, – однажды шепнул Арман Дэниелу. – У Лестата бы хватило на это, как ты выражаешься, пороху!

После «Бегущего по лезвию бритвы» настала очередь глупой, но веселой британской комедии «Бандиты во времени», в которой карлики похищают «Карту Творения» и таким образом обретают возможность путешествовать сквозь

временные дыры. Вместе с маленьким мальчиком они оказываются то в одном, то в другом столетии, совершают кражи и устраивают перебранки, и в конце концов попадают в логово дьявола.

Любимой сценой Армана, доводившей его до настоящего безумия, была та, где на проломленной сцене в Кастильоне карлики поют для Наполеона «Я и моя тень». Куда только девалась вся его сверхъестественная сдержанность – он хохотал до слез, как самый обыкновенный человек.

Дэниел вынужден был признать, что эпизод с песней «Я и моя тень» обладал своего рода жутковатым очарованием: сталкивающиеся и дерущиеся друг с другом карлики в конце концов проваливают все дело, а ошарашенные музыканты восемнадцатого века сидят в оркестровой яме и понятия не имеют, что делать с песней века двадцатого. Поначалу ошеломленный Наполеон приходит в восхищение. Гениально выстроенный комический эпизод. Но сколько раз его может смотреть смертный? Арман, казалось, не ведал пределов.

И все же через полгода он забросил кино и предпочел ему видеокамеры, чтобы снимать собственные фильмы. На ночных улицах Нью-Йорка он брал интервью у прохожих и ради этого таскал Дэниела по всему городу. У Армана появились кассеты с записями, запечатлевшими, как он читает стихи на итальянском или латинском языке или просто стоит, скрестив руки и глядя прямо перед собой, – мерцающий бледный

призрак, то исчезающий, то появляющийся вновь в тусклом бронзовом свете.

Потом каким-то образом в неизвестном Дэниелу месте и без его ведома Арман записал длинный фильм о том, как сам лежит в гробу во время дневного сна – сна, подобного смерти. Дэниел не в силах был на это смотреть. Арман же часами просиживал, не отрываясь от экрана, наблюдая за тем, как медленно отрастают его обрезанные на восходе солнца волосы, в то время как сам он с закрытыми глазами неподвижно лежит на белом атласе.

Следующими стали компьютеры. Диск за диском он заполнял какими-то таинственными записями. Чтобы разместить текстовые процессоры и приставки для видеоигр, он даже снял дополнительные помещения на Манхэттене.

И наконец, он заинтересовался самолетами.

Дэниелу поневоле пришлось стать путешественником – он прятался от Армана в крупнейших городах мира, и, конечно же, они с Арманом летали вместе. В этом не было ничего нового. Но теперь они перешли к сосредоточенным исследованиям и должны были проводить в воздухе ночи напролет. Для них стало вполне привычным полететь сначала в Бостон, потом в Вашингтон, а после него в Чикаго и вновь вернуться в Нью-Йорк. Арман пристально разглядывал все и всех – и стюардесс и пассажиров; он беседовал с пилотами; удобно устроившись в глубоком кресле первого класса, он вслушивался в рев моторов. В особенности ему нра-

вились двухэтажные самолеты. Он жаждал совершать более длительные, более рискованные перелеты: в Порт-о-Пренс, Сан-Франциско, Рим, Мадрид или Лиссабон – куда угодно, если самолет успеет благополучно приземлиться до рассвета.

На рассвете Арман буквально испарялся. Дэниелу не положено было знать, где именно спит Арман. Но к рассвету Дэниел и сам буквально валился с ног. Вот уже целых пять лет он не видел полуденного солнцестояния.

Часто Арман появлялся в комнате еще до того, как просыпался Дэниел. Весело кипел кофе, играла музыка – Вивальди или кабацкое пианино, ибо Арману они нравились в равной степени, – а сам Арман слонялся по комнате в ожидании пробуждения Дэниела.

– Вставай, любовник, сегодня вечером мы идем на балет, я хочу увидеть Барышникова. А потом отправимся в Виллидж. Помнишь тот джаз-банд, который понравился мне прошлым летом, – ну так они вернулись. Давай скорее, любовь моя, я голоден. Мы должны идти.

В тех случаях, когда Дэниел чувствовал себя вялым, Арман заталкивал его в душ, намыливал с головы до ног, ополаскивал, вытаскивал, тщательно вытирал, с любовью и нежностью, словно парикмахер старых времен, брил и в довершение всего одевал, тщательно отбирая вещи из запущенного и грязного гардероба Дэниела.

Дэниелу нравилось ощущать прикосновение твердых, си-

яющих белых рук к обнаженной коже – словно его касались атласные перчатки. Он любил эти карие глаза, которые, казалось, вытягивали из него душу; его приводила в восхищение утрата всяческой ориентации, уверенность в том, что его уносит прочь от всего материального; и наконец на шее нежно смыкаются руки, и зубы вонзаются в кожу…

Он закрывал глаза, и тело его постепенно становилось все горячее и горячее, но по-настоящему оно вспыхивало лишь в тот момент, когда кровь Армана касалась его губ. И вновь до него доносились далекие стоны и плач, – быть может, это рыдали заблудшие души? У него возникало ощущение какой-то великой сияющей непрерывности, словно все сны его вдруг сливались воедино и обретали жизненно важное значение; но все опять ускользало…

Однажды он изо всех сил обхватил Армана и попытался впиться ему в горло. Арман очень терпеливо сделал для него надрез и позволил Дэниелу надолго припасть к восхитительному источнику, но потом нежно отстранил его от себя.

Дэниел потерял способность принимать решения. Дэниел жил лишь в двух альтернативных состояниях – страдания и экстаза, объединенных любовью. Он никогда не знал, когда именно ему дадут кровь. Он так и не смог понять, почему все вокруг так изменилось: гвоздики пристально смотрели на него из ваз, отвратительные небоскребы напоминали растения, за ночь возникшие из стального семени, – кровь ли была тому причиной, или же он просто сходит с ума.

Затем наступила ночь, когда Арман сказал, что готов всерьез войти в этот век, – он изучил его в достаточной мере. Он пожелал обрести «несметное» богатство. Ему необходимы просторные апартаменты, наполненные теми вещами, которые он научился ценить. И еще яхты, самолеты, машины, миллионы долларов. Он готов был купить Дэниелу все, что тот пожелает.

– О каких миллионах ты говоришь?! – насмешливо воскликнул Дэниел. – Ты выбрасываешь одежду, успев показаться в ней лишь раз, ты арендуешь квартиры и забываешь, где они находятся. Ты знаешь, что такое почтовый индекс или ставка налога? Миллионы! Откуда мы возьмем миллионы? Укради себе еще один «мазерати» и, ради бога, успокойся на этом!

– Дэниел, в твоем лице Луи сделал мне чудесный подарок, – нежно произнес Арман. – Что бы я без тебя делал? Ты все понимаешь не так, как надо. – Выражение его огромных глаз было по-детски невинным. – Я хочу быть в самом центре событий, как тогда, в Париже, в Театре вампиров. Конечно, ты помнишь об этом. Я хочу быть язвой в самой сердцевине мира.

Далее события развивались с такой скоростью, что у Дэниела голова пошла кругом.

Все началось с сокровищ, найденных под водой неподалеку от Ямайки. Арман нанял судно, чтобы показать Дэни-

елу, где следует проводить операцию по подъему. Через несколько дней был обнаружен затонувший испанский галеон, нагруженный золотыми слитками и драгоценными камнями. За ним последовала археологическая находка бесценных статуэток ольмеков. Вскоре одно за другим были точно указаны места гибели еще двух кораблей. На дешевом участке земли в Южной Америке открыли давно заброшенную шахту, в которой было полно изумрудов.

Они купили особняк во Флориде, яхты, катера и небольшой, но изысканно оборудованный реактивный самолет.

Теперь они должны были по любому поводу наряжаться, как принцы. Арман лично наблюдал за тем, как с Дэниела снимают мерки для шитья на заказ рубашек, костюмов, ботинок. Он выбирал ткани для бессчетного числа спортивных курток, брюк, халатов, шелковых фуляров. Конечно, для холодной погоды Дэниелу потребуются плащи с подкладкой из норки, а для Монте-Карло – смокинги и драгоценные запонки, и даже длинный черный замшевый плащ, в котором Дэниел с его «ростом двадцатого века» чувствовал себя вполне комфортно.

На закате, когда Дэниел просыпался, одежда для него была уже приготовлена. И боже упаси заменить хоть одну мелочь, будь то льняной носовой платок или черные шелковые носки. Ужин накрывали в огромной столовой, окна которой выходили на пруд. Арман уже сидел за письменным столом в смежном кабинете. У него всегда была работа: изучить но-

вые карты, приобрести новые ценности.

– Но как тебе это удается? – требовательно спрашивал Дэниел, наблюдая, как Арман делает пометки и пишет указания относительно новых приобретений.

– Если умеешь читать мысли людей, можешь получить все, что захочешь, – терпеливо объяснял Арман. Ах, этот тихий рассудительный голос, открытое и почти доверчивое мальчишеское лицо, каштановые волосы, небрежно соскальзывающие на глаза, тело, наводящее на мысли о человеческой чистоте и непринужденности.

– Дай мне то, что я хочу, – требовал Дэниел.

– Я даю тебе все, о чем ты только можешь попросить.

– Да, но не то, о чем я уже просил, не то, что мне нужно!

– Оставайся среди живых, Дэниел. – Тихий шепот, похожий на поцелуй. – Позволь сказать тебе от чистого сердца, что жизнь лучше смерти.

– Я не хочу оставаться среди живых, Арман, я хочу жить вечно, и тогда я сам скажу тебе, действительно ли жизнь лучше смерти.

Дело в том, что богатство сводило его с ума, заставляло как никогда остро ощущать собственную смертность. Плавая вместе с Арманом под парусом в теплых водах Гольфстрима, любуясь россыпью звезд в ночном небе, он сгорал от желания обладать ими вечно. С ненавистью и в то же время с любовью он наблюдал, как легко управляет судном Арман. Неужели Арман действительно позволит ему умереть?

Игра в обогащение продолжалась.

Пикассо, Дега, Ван Гог – это лишь несколько из похищенных картин, найденных Арманом и без каких-либо объяснений переданных им Дэниелу для перепродажи или получения вознаграждения. Конечно, последние владельцы картин не осмеливались заявить о себе, если они вообще оставались в живых после безмолвных ночных визитов, нанесенных Арманом в святилища, где хранились краденые сокровища. Иногда невозможно было даже установить, кому принадлежала та или иная работа. На аукционах они приносили миллионы. Но ему и этого было мало.

Он приносил Дэниелу жемчуг, изумруды, бриллиантовые тиары. Не стоит волноваться о том, что они краденые, никто не заявит на них права. А у жестоких торговцев наркотиками, промышлявших на побережье Майами, Арман похищал все, что под руку попадалось: оружие, чемоданы с деньгами и даже их суда.

Дэниел наблюдал, как секретари пересчитывали и упаковывали пачки зеленых банкнот, чтобы перевести на закодированные счета в европейских банках.

Дэниел часто видел, как Арман в одиночестве отправляется на охоту в теплые южные воды: юноша с развевающимися на ветру длинными волосами, одетый в мягкую черную шелковую рубашку и черные брюки, с легкостью управлял юрким катером без огней. Смертоносный противник. Где-то очень далеко, вне пределов видимости с суши, он нахо-

дит своих контрабандистов и наносит удар – одинокий пират, смерть. Когда его жертвы погружаются в бездну и в лунном свете пред ними на миг возникает тот, кто стал причиной их гибели, встают ли у них волосы дыбом? Этот мальчик! А они-то считали злодеями себя!..

– Ты позволишь мне сопровождать тебя? Позволишь увидеть, как ты это делаешь?

– Нет.

Наконец достаточный капитал был накоплен; Арман счел себя готовым к настоящим действиям.

Он приказал Дэниелу совершать покупки без колебаний и консультаций: флот круизных пароходов, сеть ресторанов и отелей. В их распоряжении были теперь четыре частных самолета. У Армана появилось восемь телефонов.

И тогда пришло время воплощения в жизнь последней мечты. Остров Ночи, персональное творение Армана, с пятью ослепительно сияющими стеклянными этажами театров, ресторанов и магазинов. Он выбирал архитекторов и рисовал для них эскизы. Он представил им бесконечные списки требовавшихся ему материалов, тканей, скульптур для фонтанов, даже цветов и деревьев в горшках.

Смотрите! Перед вами остров Ночи. От заката до рассвета его заполняли толпы туристов, прибывавших сюда из Майами на бесчисленном множестве катеров и яхт. В холлах и танцевальных залах непрерывно звучала музыка. Стеклянные лифты не переставая возносились к небесам. В окруже-

нии росших по берегам влажных хрупких цветов сверкали пруды, ручьи и водопады.

На острове Ночи можно было купить все, что угодно: бриллианты, кока-колу, книги, пианино, попугаев, авторские модели одежды от лучших дизайнеров, фарфоровых кукол. Вас ожидали изысканные блюда любой кухни мира. В кинотеатрах каждую ночь демонстрировались пять фильмов. Здесь было все: английский твид и испанская кожа, индийский шелк, китайские ковры, серебро установленной пробы, мороженое в рожках, сахарная вата, костяной фарфор и итальянская обувь.

Можно было жить по соседству со всем этим, в тайной роскоши, то появляясь среди всеобщей суеты, то исчезая снова, когда вам того хотелось.

– Все это твое, Дэниел, – говорил Арман, медленно проходя по просторным, наполненным воздухом помещениям их собственной Виллы Мистерий, занимавшей три этажа и имевшей к тому же подвалы, доступ в которые был Дэниелу воспрещен; из окон открывался вид на далекое ночное зарево Майами и проносящиеся высоко в небе облака.

Мастерски выполненное сочетание старого и нового вызывало восхищение. Двери лифта бесшумно открываются, и вы оказываетесь в больших прямоугольных комнатах, заполненных средневековыми гобеленами и антикварными люстрами; и в каждой комнате стоит гигантских размеров телевизор. Стены апартаментов Дэниела украшали картины эпо-

хи Ренессанса, а паркет был покрыт персидскими коврами. В кабинете, где на полу лежал белоснежный ковер, а все свободное пространство было заставлено компьютерами, переговорными устройствами и сияющими мониторами, Армана окружали произведения лучших мастеров венецианской школы. Книги, журналы и газеты поступали сюда из всех уголков мира.

– Это твой дом, Дэниел.

Так оно и было, и, надо признаться, Дэниел полюбил его, но еще больше он полюбил свободу, власть и роскошь, окружавшие его повсюду, куда бы он ни направился.

По ночам они с Арманом забирались в глубину джунглей Центральной Америки, чтобы увидеть то, что осталось от поселений племени майя, или поднимались по склонам Аннапурны, чтобы при лунном свете полюбоваться вздымающейся вдали вершиной. Они пробирались сквозь толпы людей в центре Токио, бродили по улицам Бангкока и Каира, Дамаска и Лимы, Рио и Катманду. Днем Дэниел наслаждался комфортом в лучших отелях, а ночью бесстрашно отправлялся на прогулку вместе с Арманом.

Время от времени, однако, иллюзия цивилизованной жизни рушилась в прах. Иногда, в каком-нибудь отдаленном месте, Арман вдруг ощущал присутствие других бессмертных. Это его беспокоило, хотя он объяснял, что Дэниел находится под его защитой. Дэниел должен всегда оставаться рядом с ним.

– Сделай меня таким же, как ты, и повода для беспокойства не будет.

– Ты сам не понимаешь, что говоришь, – ответил Арман. – Сейчас ты – один из миллиарда безликих смертных. Став одним из нас, ты превратишься в свечу, горящую в темноте.

Дэниел не желал с этим смириться.

– Они тебя немедленно обнаружат, – продолжал Арман. Он рассердился, но вовсе не на Дэниела. Дело в том, что он вообще терпеть не мог любые разговоры о бессмертных. – Разве ты не знаешь, что старые без колебаний уничтожают молодых? – спросил он. – Неужели твой любимый Луи не рассказал тебе об этом? Да и сам я делаю то же: где бы мы ни жили, я очищаю территорию от молодых, от этого сброда. Но и меня нельзя считать непобедимым. – Он помолчал, как бы раздумывая, стоит ли продолжать, затем заговорил снова: – Я похож на крадущегося по лесу зверя. У меня есть враги, которые старше и сильнее и которые, я уверен, без колебаний уничтожат меня, если это будет в их интересах.

– Старше, чем ты? Но я всегда считал самым старым тебя, – удивленно заметил Дэниел. Прошло уже несколько лет, с тех пор как они обсуждали «Интервью с вампиром». Да и, по правде говоря, они никогда не вдавались в детали.

– Конечно же, я не самый старый, – ответил Арман. Чувствовалось, что ему слегка не по себе. – Просто твоему другу Луи не посчастливилось отыскать тех, кто постарше. Есть и другие. Мне неизвестны их имена, я редко вижу их лица.

Но иногда я их чувствую. Можно сказать, что мы чувствуем друг друга. И посылаем беззвучные, но мощные сигналы: «Держись от меня подальше».

На следующую ночь он подарил Дэниелу медальон или, как он его называл, амулет. Сначала он поцеловал его и потер в ладонях, словно хотел согреть. Зрелище такого ритуала вызывало странные ощущения. Но еще более странно выглядел сам медальон с выгравированной на нем буквой «А» и миниатюрным флакончиком с кровью Армана внутри.

– Вот, возьми. Как только они к тебе приблизятся, открой замок. И немедленно разбей флакон. Тогда они почувствуют ту силу, которая тебя защищает. Они не посмеют…

– Ну да, ты позволишь им убить меня. Ты знаешь, что позволишь, – холодно возразил Дэниел. – Дай мне силу, чтобы я смог защитить себя сам.

Но с тех пор он постоянно носил амулет. Под ярким светом лампы он внимательно рассмотрел букву «А» и замысловато выгравированные по всей поверхности амулета миниатюрные рисунки и обнаружил, что на них изображены люди, но все они представлены в искаженном виде: одни искалечены, другие извиваются в агонии, третьи мертвы. Поистине кошмарный подарок. Он спрятал цепочку с медальоном под рубашку – холодное прикосновение к обнаженной коже заставило его вздрогнуть, но там амулет останется скрытым от посторонних глаз.

Дэниелу так и не довелось повстречаться с другими

сверхъестественными созданиями или почувствовать их присутствие. В его воспоминаниях Луи остался чем-то вроде галлюцинации, лихорадочного видения. Арман представлялся Дэниелу единственным оракулом, безжалостным и в то же время любящим демоническим богом.

Мучительная горечь в его душе все возрастала. Жизнь с Арманом воспламеняла его и сводила с ума. Уже много лет Дэниел не вспоминал ни о семье, ни о прежних друзьях. Родственники его – он был уверен – регулярно получали чеки, но этим все и ограничивалось.

– Ты никогда не умрешь, но каждую ночь наблюдаешь, как умираю я!

Отвратительные, чудовищные ссоры… В конце концов Арман взрывался и глаза его стекленели от безмолвной ярости, потом он тихо, но безудержно плакал, словно давно забытое чувство, способное разорвать на части его душу, вернулось вновь.

– Я не стану это делать, я не могу. Попроси лучше убить тебя, для меня это гораздо проще. Как ты не можешь понять, что сам не знаешь, о чем просишь?! Опять то же проклятое заблуждение! Неужели до тебя все еще не дошло, что любой из нас отказался бы от всего ради возможности прожить одну человеческую жизнь?!

– Оказаться от бессмертия, чтобы прожить одну жизнь? Я тебе не верю. Ты впервые лжешь мне столь откровенно.

– Да как ты смеешь!

– Не бей меня! Ты же можешь меня убить. Ты очень сильный.

– Я бы от всего отказался. Если бы не был таким трусом, когда доходит до дела, если бы после пятисот лет жажды и страстей я по-прежнему до мозга костей не боялся смерти.

– Нет, не отказался бы. И страх здесь ни при чем. Вспомни только, что представляла собой одна человеческая жизнь в те времена, когда ты родился. Потерять все это? Будущее, где ты получишь власть и роскошь, о которых не мог мечтать даже Чингисхан! Оставим в стороне чудеса техники. Разве ты захотел бы остаться в неведении о судьбах мира? Ах, только не говори, что согласился бы на это.

Словесных примирений после таких ссор никогда не было. Все завершалось объятиями, поцелуем… кровь обжигала его, словно жалила, над ним огромной сетью раскидывался покров видений… и голод! «Я люблю тебя! Дай мне еще. Еще! Мне никогда не будет достаточно».

Все было бесполезно.

Что принесли такие вливания его телу и душе? То, что он теперь во всех подробностях может рассмотреть падение листа с ветки? Арман не собирается дарить ему бессмертие!

Арман видел, как время от времени Дэниел уходит, чтобы с головой окунуться в таящую множество опасностей повседневную жизнь; он предпочитал рисковать таким образом, но не делать то, что от него требовали. Дэниел ничего не мог сделать, он ничего не мог дать.

Так начались его странствия и побеги, но Арман не следовал за ним. Каждый раз Арман ждал, когда Дэниел начнет проситься обратно. Или же окажется вне пределов досягаемости, на грани смерти. Тогда, и только тогда, Арман привозил его домой.

На широкий тротуар Мичиган-авеню упали капли дождя. Книжный магазин опустел, свет погас. Где-то часы пробили девять. Он стоял, прислонясь к стеклу, и смотрел на проносящиеся мимо машины. Идти некуда. Выпить каплю крови в медальоне? Почему бы и нет?

Лестат в Калифорнии; он, наверное, уже вышел на охоту и преследует свою жертву. А зал готовят к концерту. Смертные рабочие устанавливают световую аппаратуру, микрофоны, места для публики, не подозревая о секретных приказах, которые были отданы, о зловещих зрителях, чье присутствие в огромной, равнодушной и истеричной людской толпе останется до поры до времени незамеченным. А что, если Дэниел допустил чудовищную ошибку? Вполне возможно, что Арман уже там!

То, что поначалу казалось невероятным, постепенно переросло в уверенность. Почему Дэниел не подумал об этом раньше?

Конечно же, Арман уехал! Если в сочинении Лестата содержится хоть крупица правды, Арман ответит на приглашение, захочет увидеть все своими глазами и, возможно, найти

тех, кого потерял много веков назад и кто теперь откликнулся на зов Лестата.

И какое дело будет ему до смертного любовника, человеческого существа, служившего ему последние десять лет не более чем игрушкой? Конечно, Арман уехал без него. И помощи на этот раз ждать не приходится.

Он замерз и чувствовал себя ничтожным, жалким и совершенно одиноким. Предзнаменования не имеют никакого значения – явившийся ему сон о близнецах умчался прочь, оставив его наедине с дурными предчувствиями. Такого рода события пролетали над его головой, как огромные черные крылья, после взмаха которых он ощущал лишь дуновение равнодушного ветра. Арман без него отправился навстречу судьбе, но Дэниелу не дано постичь ее в полной мере.

Ужас и грусть переполняли Дэниела. Выхода нет. Беспокойство, вызванное сном, смешалось с тупым тошнотворным страхом. Он дошел до ручки. Что ему теперь делать? Он устало представил себе, как перед ним закрывается остров Ночи. Он увидел окруженную белыми стенами виллу, возвышающуюся над морем, – до нее не добраться. Он представил, что у него нет ни прошлого, ни будущего. Единственный выход для него – смерть: ничего другого, в конце концов, не осталось.

Он сделал несколько шагов. Руки занемели. Свитер промок от дождя. Ему захотелось лечь прямо на тротуар и позволить близнецам появиться вновь. На память пришли вы-

ражения Лестата. Момент перерождения он называл Обрядом Тьмы. А мир, способный принять в свои объятия столь утонченных монстров, ассоциировался в его сознании с Садом Зла.

«Позвольте мне оставаться всего лишь любовником в Саду Зла, но быть рядом с вами, и свет, ушедший из моей жизни, вернется вновь – яркой вспышкой великолепия и гордости. Лишившись своей смертной плоти, я перейду в вечность. Я стану одним из вас».

Головокружение… Кажется, он чуть не упал. Кто-то с ним разговаривает, кто-то спрашивает, все ли у него в порядке. Нет, конечно. Как может он быть в порядке?

На плечо ему вдруг легла чья-то рука.

«Дэниел».

Он поднял голову.

У самого края тротуара стоял Арман.

Поначалу он даже глазам своим не поверил – ведь он так сильно этого хотел; но оказалась, что зрение его не обманывает. Там действительно стоял Арман. Окруженный аурой всегда, казалось, сопровождавшего его неземного спокойствия, он молча всматривался в Дэниела; несмотря на слабый налет неестественной бледности, было заметно, как пылает его лицо. Каким обычным он выглядел, если красота вообще бывает обычной. И каким невероятно отстраненным от окружающих его материальных вещей, от своей помятой белой куртки и брюк. За его спиной, словно еще одно виде-

ние, маячил в ожидании массивный серый «роллс-ройс», с серебристой крыши которого сбегали струйки дождя.

«Ну же, Дэниел. На этот раз ты задал мне трудную задачу. Очень трудную».

Почему столь настойчиво звучит его приказ, если рука, потянувшая его вперед, и без того сильна? Как редко Арман сердился по-настоящему! И как Дэниел любил его в гневе! Ноги вдруг перестали его держать. Он почувствовал, что его поднимают. Потом под ним простерся мягкий бархат заднего сиденья. Он упал головой на руки и закрыл глаза.

Но Арман ласково усадил его прямо и обнял. Восхитительно мягко качнувшись, машина тронулась с места. Какое это блаженство – вновь спать в объятиях Армана! Но ведь он должен рассказать ему так много – о сне, о книге.

– Неужели ты думаешь, что я не знаю? – прошептал Арман. Глаза его излучали непонятно откуда взявшийся странный свет. Во взгляде появилась какая-то новая мягкость, а от прежней сдержанности не осталось следа. Арман взял бокал с бренди и вложил его в руку Дэниела.

– А ты убегаешь от меня, – сказал он, – из Стокгольма, Эдинбурга, Парижа. За кого ты меня принимаешь, заставляя с такой скоростью следовать за тобой повсюду? Да еще и перед лицом такой опасности…

Он внезапно коснулся губами лица Дэниела.

«Ну вот, это уже лучше, целоваться мне нравится. И прижиматься к мертвецам всем телом тоже. Держи меня креп-

че. – Он уткнулся лицом в шею Армана. – Твоя кровь…»

– Не сейчас, любовь моя. – Арман отстранил Дэниела от себя и прижал пальцы к его губам. Его обычно тихий, бесстрастный голос был на удивление эмоциональным. – Послушай меня. Нас уничтожают по всему миру.

Уничтожают?.. Это слово вызвало панику в его душе. А тело, несмотря на беспредельную усталость, резко напряглось. Он попытался сосредоточить все свое внимание на Армане, но перед глазами вновь возникли рыжеволосые близнецы, солдаты, обугленное тело матери, падающее в пыль… Но в чем смысл всего этого? Какова связь? Почему?..

– Не могу объяснить, – ответил Арман, имея в виду сон, поскольку он являлся и к нему тоже. Он поднес бренди к губам Дэниела.

О, как тепло. Если бы он не держал себя в руках, то непременно потерял бы сознание. В маленьком обитом бархатом салоне они были вдвоем и теперь молча неслись по пустому шоссе прочь от Чикаго, а дождь заливал стекла. Ах, как прекрасен этот серебряный дождь. Губы Армана дрогнули, как будто он намеревался что-то сказать, и вдруг застыли; он отвернулся, словно прислушиваясь к привлекшим его внимание далеким звукам музыки.

«Я с тобой, и я в безопасности».

– Нет, Дэниел, не в безопасности, – ответил он. – Возможно, ни на одну ночь, ни даже на один час.

Дэниел попытался осмыслить сказанное и сформулиро-

вать вопрос, но он слишком ослаб, его клонило в сон. В машине было так уютно, ее мягкий ход действовал так успокаивающе. И близнецы… Прекрасные рыжеволосые сестры хотели вернуться к нему! На долю секунды веки его сомкнулись, и он упал на плечо Армана, чувствуя на своей спине его руку.

– Что мне с тобой делать, любовь моя? Особенно сейчас, когда я сам так испуган, – словно издалека донесся до него голос Армана.

Снова темнота… Он пытался сосредоточиться на вкусе бренди, на прикосновении руки Армана, но сон уже завладел его сознанием.

Близнецы брели по пустыне; солнце стояло высоко в небе. Его лучи обжигали их белые руки и лица. Их губы распухли и потрескались от жажды. Платья запачканы кровью.

– Сделайте так, чтобы пошел дождь, – прошептал вслух Дэниел. – Это в ваших силах, сделайте так, чтобы пошел дождь.

Одна из сестер упала на колени, вторая опустилась рядом и обхватила ее руками. Рыжие волосы смешались с рыжими волосами.

И вновь откуда-то издалека послышался голос Армана. Он говорил, что они слишком углубились в пустыню. Даже их духи не могут вызвать дождь в таком месте.

Но почему? Разве духам не все под силу?

Он почувствовал еще один поцелуй Армана.

Близнецы вошли в проход между невысокими горами. Но тени не было, так как солнце стояло прямо над головой, а каменистые склоны слишком коварны, и взбираться по ним опасно. Они все продолжают идти. Неужели никто не в силах им помочь? Через каждые несколько шагов они спотыкаются и падают. До раскаленных камней нельзя даже дотронуться. В конце концов одна из них падает лицом в песок, а вторая накрывает ее своим телом и пытается защитить от солнца завесой волос.

О, только бы наступил вечер и подул прохладный ветер.

Вдруг та, которая пыталась защитить сестру, смотрит вверх. Какое-то движение на скалах. И вновь – тишина. Падает камень, и эхо отчетливо доносит характерный тихий шорох. Дэниел видит появившихся на скалах людей – типичных темнокожих жителей пустыни в тяжелых белых одеждах.

Завидев приближающихся мужчин, близнецы одновременно поднимаются на колени. Мужчины предлагают им воду. Они брызгают на близнецов холодной водой. Близнецов переполняет радость, и они принимаются истерически смеяться и что-то говорят, но люди их не понимают. Красноречивыми жестами одна из сестер указывает на живот другой и, сложив руки, изображает общепринятые движения, как будто укачивает ребенка. Так вот оно что. Мужчины поднимают беременную женщину. И все вместе они направляются к оазису, вокруг которого разбиты палатки.

И вот наконец при свете костра, горящего рядом с палаткой, близнецы засыпают; среди бедуинов, этого народа пустыни, они чувствуют себя в безопасности. Неужели бедуины действительно столь древний народ, что их история насчитывает многие тысячелетия? На рассвете одна из сестер – та, что не носит в себе ребенка, – встает и направляется к оливковым деревьям, в то время как другая пристально следит за ней взглядом… Она поднимает руки, и поначалу кажется, что она всего лишь приветствует солнце. Остальные уже проснулись и подходят поближе, чтобы посмотреть. А потом поднимается ветер и начинает нежно теребить ветви оливковых деревьев. И наконец с неба падают первые капли дождя, ласкового, легкого дождя.

Он открыл глаза…

И увидел, что находится в салоне самолета.

Маленькую спальню он узнал сразу же – по белым пластиковым стенам и умиротворяюще спокойному тускло-желтому свету. Здесь кругом сплошная синтетика, все сияет и блестит, как отполированные кости доисторических животных. Неужели круг замкнулся? Технология возродила пристанище Ионы во чреве китовом.

У кровати, где он лежал, не было ни изголовья, ни спинки, ни ножек, ни даже каркаса. Кто-то вымыл ему руки и лицо. Он был чисто выбрит. И чувствовал себя просто великолепно. Грохот моторов превратился во всеобъемлющую

тишину, в дыхание рассекающего волны кита. Поэтому он смог более отчетливо рассмотреть окружавшие его предметы. Графин. Бурбон. Как хочется бурбона. Но он не в силах двигаться – слишком измотан. И что-то не так, что-то… Он поднял руку и ощупал шею. Амулет пропал! Но это не важно. Он с Арманом.

Арман сидел за столиком рядом с окном – китовым глазом, чье белое пластиковое веко было опущено до упора. Он подстригся. Он был одет в прекрасно сшитый, изящный костюм из черной шерстяной ткани и вновь походил на подготовленного к похоронной церемонии покойника, а блестящие черные ботинки дополняли картину. Мрачное зрелище. Самое время прочесть двадцать третий псалом.

– Ты умираешь, – мягко сказал Арман.

– И пусть бродил я по долине смерти… и так далее, – прошептал Дэниел. В горле у него пересохло. Голова раскалывалась от боли. Стоит ли говорить, о чем он сейчас думает? Все уже давным-давно сказано.

Арман вновь заговорил, теперь уже на языке безмолвия – словно в мозг Дэниела проникал лазерный луч:

«Стоит ли вдаваться в подробности? Ты весишь не больше ста тридцати фунтов. Алкоголь разъедает внутренности. Ты наполовину безумен. Практически ничто в мире не доставляет тебе радости».

– За исключением бесед с тобой. Так приятно слушать все, что ты говоришь.

«Но будет еще хуже, если ты перестанешь встречаться со мной. Ты и пяти дней не протянешь, если будешь продолжать в том же духе».

«Невыносимо даже думать об этом. Но почему же тогда я убегал от тебя?»

Ответа не последовало.

Каким отчетливым кажется все вокруг! Он не только слышал рев моторов, но и странным образом ощущал движение самолета – нескончаемые неровные, волнообразные толчки, как если бы он несся не по воздуху, а по ухабистой дороге, по ямам и пригоркам, и время от времени взбирался в гору. Кит на своем пути китовом, как сказал бы Беовульф.

Волосы Армана были аккуратно зачесаны набок. На запястье сверкали золотые часы, одно из тех выдающихся достижений техники, которые он обожает. Можно себе представить, как весь день сияют в гробу эти цифры! Его черный пиджак с узкими лацканами выглядел несколько старомодно, а жилет был, кажется, сшит из черного шелка. Но его лицо… да, он отменно насытился. Весьма отменно.

«Ты помнишь что-нибудь из того, что я рассказывал тебе раньше?»

– Да, – ответил Дэниел. Но на самом деле с памятью у него было совсем плохо. Потом внезапно нахлынуло гнетущее воспоминание: «Что-то о повсеместном уничтожении. Но я же умираю. Они умирают. И я умираю тоже. Но прежде чем это случилось, они успели обрести бессмертие; я же про-

сто оставался живым. Видишь? Я помню. А теперь я бы выпил бурбона».

«И ты уверен, что я ничего не могу сделать, чтобы пробудить в тебе желание жить?»

– Только не начинай опять этот разговор! Еще одно слово, и я выпрыгну из самолета.

«В таком случае будешь ты слушать меня, наконец? По-настоящему слушать?»

– А что еще мне остается? Если ты хочешь, чтобы я слушал, мне некуда деться от твоего голоса; он как встроенный микрофон у меня в голове. Что я вижу? Слезы? Ты собираешься меня оплакивать?

На секунду он показался таким юным. Что за обман зрения!

– Будь ты проклят, Дэниел! – Эти слова он произнес вслух, и Дэниел их услышал.

По телу Дэниела пробежал холодок. Как страшно видеть его страдания! Дэниел промолчал.

– Тебе прекрасно известно, что такие, как мы, не имеют права на существование, – сказал Арман. – Чтобы осознать это, совсем не обязательно читать книгу Лестата. Любой из нас скажет тебе, что это было отвратительное, демоническое слияние…

– Значит, Лестат написал правду?! О демоне, вселившемся в Мать и Отца в Древнем Египте. Ну хорошо, пусть будет о духе. Демонами их называли в те времена.

– Правда это или нет, теперь уже не важно. Не имеет значения, с чего все началось. А вот что действительно имеет значение, так это реальная возможность близкого конца.

Его охватывает паника, возвращается атмосфера сна, слышатся пронзительные крики близнецов.

– Послушай меня, – терпеливо заговорил Арман, отвлекая его внимание от двух женщин. – Лестат разбудил что-то – или кого-то…

– Акашу… Энкила.

– Возможно. Вполне вероятно, что не одного и не двух. Точно никто не знает. До нас слабо доносится предупреждение об опасности, но, похоже, никто не знает, когда именно ее ждать. Известно одно: нас ищут и уничтожают, дома общин и места встреч ни с того ни с сего вспыхивают и сгорают дотла.

– Я слышал предупреждение об опасности, – прошептал Дэниел. – Иногда посреди ночи, очень отчетливо, а иногда – как эхо. – Перед ним вновь возникли образы близнецов. Это непременно должно быть связано с близнецами. – Но откуда тебе все это известно – про дома общин, про…

– Хватит испытывать мое терпение, Дэниел. У нас мало времени. Я знаю об этом. Знают и другие. Все происходит примерно так, как электрический ток распространяется по проводам огромной разветвленной сети.

– Да, наверное, так.

Каждый раз, когда Дэниел чувствовал на своих губах вкус

крови, перед ним на миг возникала сверкающая смесь информации, знания, неясных видений… Значит, это было правдой. Начало «сети» положили Отец и Мать, когда…

– Когда-то, много лет назад, – прервал его размышления Арман, – все это не имело бы для меня никакого значения.

– Что ты имеешь в виду?

– Но сейчас я не хочу, чтобы все вот так закончилось. Но и продолжать свое существование не хочу, если ты… – Он слегка изменился в лице. Во взгляде мелькнуло легкое удивление. – Я не хочу, чтобы ты умер.

Дэниел промолчал.

В наступившей тишине было что-то жуткое. Даже несмотря на то, что самолет плавно скользил в воздушных потоках и Арман, такой сдержанный, такой терпеливый, оставался рядом. Смысл сказанного им противоречил умиротворенно-спокойному тону его голоса.

– Я не боюсь, потому что ты здесь, – неожиданно сказал Дэниел.

– В таком случае ты глупец. Но во всем этом есть еще один таинственный момент.

– Какой?

– Лестат по-прежнему существует. Он воплощает в жизнь свои планы. И все, кто его окружает, тоже целы и невредимы.

– Но как ты можешь быть уверен?

Короткий бархатный смешок.

– Ну вот, опять ты за свое. Человеческое начало в тебе

непреодолимо. Ты меня либо переоцениваешь, либо недооцениваешь. И очень редко попадаешь в точку.

– Мои возможности ограниченны. Клетки моего тела подвержены изнашиванию, процессу, известному как старение, и…

– Сейчас все они в Сан-Франциско. Они заполнили задние помещения кабачка «Дочь Дракулы». Возможно, я знаю об этом, потому что это известно остальным и чей-то могущественный разум выхватывает из чужих мыслей образы и невольно или намеренно передает их дальше. Вероятно, один свидетель передает образ увиденного сразу нескольким другим. Точно сказать не могу. Мысли, чувства, голоса – они возникают, и все. Они блуждают по сети, по ее ответвлениям. Одни более отчетливы, другие окутаны туманом. Но время от времени предупреждение заглушает все остальное: «Опасность!» Такое впечатление, что в нашем мире на секунду вдруг наступает полная тишина. А потом другие голоса начинают звучать вновь.

– А Лестат? Где Лестат?

– Его видели, но лишь мельком. Никому не удается обнаружить его убежище. Он слишком умен, чтобы позволить им это. Но он их дразнит. Он носится по улицам Сан-Франциско в черном «порше». Возможно, он не в курсе всего, что происходит.

– Объясни.

– Способность к общению у всех разная. Умение слушать

чужие мысли зачастую влечет за собой вероятность того, что услышат и тебя. Лестат скрывает свое присутствие. Его разум может быть полностью закрыт.

– А близнецы? Две женщины из сна, кто они?

– Не знаю. Их видят далеко не все. Но многие знают о них, и, судя по всему, все их боятся, и все убеждены в том, что каким-то образом вина лежит на Лестате. Во всем, что происходит, виноват именно Лестат.

– Он поистине дьявол среди дьяволов, – тихо засмеялся Дэниел.

Арман одобрил шутку, едва заметно кивнув. И даже улыбнулся.

Тишина. Рев мотора.

– Ты понимаешь, что я имею в виду? На нас нападают повсюду, но только не здесь.

– Потому что здесь Лестат.

– Вот именно. Но существо, которое нас уничтожает, передвигается беспорядочно. Создается впечатление, что ему необходимо находиться рядом с тем, кто будет уничтожен. Возможно, оно ждет концерта, чтобы завершить начатое.

– Тебе оно не может причинить вред. Иначе оно давно уже…

И вновь в ответ иронический смешок, едва слышный. Телепатический смех?

– Я, как всегда, тронут твоей верой, но сейчас не время для восхвалений. Это существо не всемогуще. Скорость его

перемещений тоже имеет свои пределы. Ты должен понять, почему я сделал именно такой выбор. Мы едем к нему, потому что другого безопасного места просто не существует. Это существо обнаружило и сожгло дотла даже бродяг в самых отдаленных местах…

– И еще потому, что ты хочешь быть рядом с Лестатом.

Молчание.

– Ты же не станешь это отрицать. Тебе необходимо его увидеть. Ты хочешь быть там на случай, если вдруг ему понадобишься. Если начнется война…

Ответа не последовало.

– И если причиной всему Лестат, то, может быть, он сумеет это остановить.

Арман по-прежнему молчал. Он выглядел очень смущенным.

– Все гораздо проще, – произнес он наконец. – Я вынужден поехать.

Казалось, что самолет купается в звуковой пене. Дэниел перевел сонный взгляд на потолок, на движущийся свет.

Наконец-то увидеть Лестата! Он вспомнил старый дом Лестата в Новом Орлеане. И золотые часы, найденные под слоем пыли на полу. А теперь он возвращается в Сан-Франциско, туда, где все началось, возвращается к Лестату. Господи, как хочется бурбона! Почему бы Арману не дать ему выпить? Он так слаб. Они поедут на концерт, он увидит Лестата…

Но тут его вновь охватил ужас, внушенный снами о близнецах, и ужас этот становился все сильнее и сильнее…

– Не позволяй мне больше видеть их во сне, – неожиданно прошептал он.

Ему показалось, что Арман ответил «да».

Внезапно Арман оказался рядом с кроватью и тенью навис над Дэниелом. Чрево кита сжалось до размеров светового пятна, окружавшего Армана.

– Посмотри на меня, любовь моя, – сказал он.

Кромешная тьма. И вдруг железные ворота распахнулись, и сад за ними залит потоком лунного света. Что это за место?

О, должно быть, это Италия, где теплый воздух ласкает вас в нежных объятиях и полная луна сияет над безбрежным морем деревьев и цветов. А там, дальше, на самом краю древнего города Помпеи – Вилла Мистерий.

– Но как мы сюда попали?! – Он повернулся к Арману, который стоял рядом с ним в очень странном наряде: на нем был старинного покроя бархатный костюм. Он вдруг замер, не в силах отвести взгляд от Армана, от его черной бархатной туники и обтягивающих ноги лосин, от длинных вьющихся каштановых волос.

– Ты же знаешь, что на самом деле нас здесь нет, – сказал Арман и, едва слышно ступая по старым серым камням, направился в глубину сада, к Вилле.

Но все было настоящим! Достаточно взглянуть на осыпающиеся кирпичные стены, на цветы, в изобилии растущие

на длинных низких клумбах, на влажные следы, оставленные Арманом на тропинке. А звезды в небе! Это же звезды! Он потянулся к лимонному дереву и сорвал всего лишь один ароматный листок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.